

НОВАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 29 ДЕКАБРЯ 2017 Г.

В ШЕСТИ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ 1

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

НОВАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Сборник научных трудов

по материалам
Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 29 декабря 2017 г.

В шести частях
Часть I

Белгород
2018

УДК 001
ББК 72
Н 72

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАН (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МАН, академик РАН, Почетный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибов Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

Н 72

Новая парадигма социально-гуманитарного знания : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 29 декабря 2017 г.: в 6 ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2018. – Часть I. – 140 с.

ISBN 978-5-6040519-0-0
ISBN 978-5-6040519-1-7 (Часть I)

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Новая парадигма социально-гуманитарного знания», состоявшейся 29 декабря 2017 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы данной части сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам филологии, искусствоведения, культурологии, государственного управления.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли научное рецензирование (экспертную оценку) членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001
ББК 72

© ООО АПНИ, 2018
© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Бабичева Ю.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОВОКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Е. ПОПОВА.....	6
<i>Бережная М.А.</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОПАГАНДЫ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	10
<i>Бисултанова М.А., Хасанова С.С., Астамирова З.К., Джабраилова З.С.-Э.</i> ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭЛЕКТРОННОГО ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ.....	14
<i>Гавриленко О.В.</i> ОЦЕНКА ОБРАЗА ДОНАЛЬДА ТРАМПА В МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА NEWSWEEK).....	17
<i>Гусейнова Х.К.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ	25
<i>Гусейнова Х.К.</i> СИНОНИМИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ	28
<i>Давлатзода Р.С.</i> УПОТРЕБЛЕНИЕ УСТАРЕВШИХ СЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ	31
<i>Джабраилова З.С.-Э., Бисултанова М.А., Дзейтова М.М., Хасанова С.С.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ЧТЕНИЕ КАК ЦЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	35
<i>Жебрунова Л.А., Гомелько Н.А.</i> АНГЛИЦИЗМЫ В НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «DEUTSCHLAND»	38
<i>Зуева Е.А.</i> ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	41
<i>Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М.</i> КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ В КИРГИЗСКО-КИТАЙСКИХ ОБЩИХ МОРФЕМАХ	44
<i>Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М.</i> КОРРЕЛЯЦИЯ МОРФЕМ И ИХ АЛЛОМОРФОВ В РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ	50
<i>Иманмагомедова Э.А.</i> К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ АВАРСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	57
<i>Иманмагомедова Э.А.</i> О СУФФИКСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ.....	61
<i>Контиевская А.С.</i> ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТЕРМИНОВ «ИМИДЖ» И «ОБРАЗ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КОНЦЕПЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.....	64

Кусбатырова А.К. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ).....	67
Лутфуллина Н.М., Галиуллин И.С. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	70
Лутфуллина Н.М., Старушенкова Н.А. ОБ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ГРУППАХ, УКОМПЛЕКТОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТАМИ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ	72
Нарматова Г.Х. ПРИЧИНЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ	76
Нейман В.Н. ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ	79
Раенкова Ю.Ю. ПОНЯТИЕ «ДИСКУРС» И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	82
Самигуллина Г.А. КАТЕГОРИЯ ДЕТЕРМИНАЦИИ В АРТИКЛЕВЫХ И БЕЗАРТИКЛЕВЫХ ЯЗЫКАХ	85
СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ».....	89
Буксикова О.Б. ПРОБЛЕМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ТВОРЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ БЕЛГОРОДСКОГО РЕГИОНА.....	89
Гуркина М.И. К ПРОБЛЕМЕ МЕДИАТИЗАЦИИ: ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕДИА С ИСКУССТВОМ.....	93
Коробков И.А. ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	95
Маликова А.М. ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО: ОСНОВЫ, СУЩНОСТЬ, ИНСТРУМЕНТ	98
Снеговая О.А. ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	101
Степанов О.В. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СТИЛЯ СТИВА ГЭДДА	104
Чернова Л.В., Семенова Г.В. ИГРА. ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ	108
СЕКЦИЯ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»	112
Аралбаева Г.Г., Котельников С.Ю. ВЕКТОР РАЗВИТИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ В РОССИИ	112
Борисова И.А., Романова А.С. ЛИДЕР И РУКОВОДИТЕЛЬ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ	115
Борсук Д.А., Шевцов В.В. О ЗНАЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ ПЕТРА I	118

<i>Гурьева О.А., Трясцина К.А.</i> КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ.....	121
<i>Майкова Э.Ю., Симонова Е.В.</i> ПРОГРАММА ПОДДЕРЖКИ МЕСТНЫХ ИНИЦИАТИВ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ.....	124
<i>Майкова Э.Ю., Симонова Е.В.</i> РОЛЬ АССОЦИАТИВНОЙ ФОРМЫ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКИХ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ.....	128
<i>Майкова Э.Ю., Симонова Е.В.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ЭЛЕМЕНТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.....	132
<i>Майкова Э.Ю., Симонова Е.В.</i> ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БАЗЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	136

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОВОКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Е. ПОПОВА

Бабичева Ю.Г.

заведующая кафедрой русского языка и литературы, канд. филол. наук, доцент,
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина, Россия, г. Бийск

В статье рассматривается проблема повествовательных стратегий малой прозы известного писателя-постмодерниста Е. Попова. Осуществляется рецепция имеющегося научного опыта по изучению специфики авторского нарратива, акцентированию особой модели взаимодействия автора и текста, автора и читателя, читателя и текста. Впервые предпринимается попытка выделения и исследования особенностей реализации провокативной стратегии повествования как одной из магистральных, выступающей цементирующим компонентом художественной системы Е. Попова в целом, с опорой на теоретико-методологические искания в области нарративного дискурса известного литературоведа В. И. Тюпы.

Ключевые слова: постмодернистский дискурс, провокативная стратегия повествования, анекдот, рекреативная компетенция, окказиональная картина мира.

В современном литературоведении в границах теории повествования особо актуализирована проблема нарративных стратегий художественного текста. Нашей задачей мы ставим исследование провокативной стратегии повествования в малой прозе Е. Попова, которая, являясь магистральной, с одной стороны, формирует особую модель нарратива на различных уровнях текста, а с другой – иллюстрирует специфику мировоззренческих и эстетических установок писателя.

Творчество Евгения Попова – одной из видных писательских фигур современного литературного процесса – представляет, как мы полагаем, достаточно малоизученный пласт отечественной словесности. Оно традиционно квалифицируется как яркий образец отечественного постмодернистского дискурса. Особая ироническая тональность, пронизывающая всю текстовую ткань произведений прозаика, создает его доминирующую художественную установку – метафорически-ироническое осмысление советской и постсоветской действительности.

Данная поэтологическая черта не раз становилась предметом научной рефлексии. В статье О. Ю. Осьмухиной «Специфика репрезентации советской реальности в прозе Е. А. Попова 1970-х – начала 1980-х. гг.» манифестируется такая доминирующая эстетическая установка Попова-новеллиста, как десакрализация и профанирование значимых советских образов. Акцентируется установка на тотальное пародирование советских мифов и стереотипов, трактовку многих ценностных идеологических и социальных категорий в анекдотическом ключе [4]. О сближении повествовательной стратегии прозаика с жанром анекдота говорится и в работе С. А. Байковой и О. Ю. Осьмухиной «Игровое повествование как форма воплощения речевого сознания автора и героя в новеллистике Е. Попова» [3]. Авторы статьи отмечают такой важный элемент сюжетно-композиционного строения рассказов постмодерниста, как острые неожиданные концовки, порождающие комический эффект. Кроме того, обозначенные исследователями художественные экспе-

рименты Е. Попова в области диалогизации повествования, в особенности приемы диалога с читателем, ярко отражают установку на анекдотическую модель повествования в целом: анекдот требует реакции слушателя, иначе он нецелесообразен.

Таким образом, анекдотичность, как показано выше, становится одной из доминирующих черт поэтики прозаика, определяющей повествовательную стратегию прозы Е. Попова в целом.

Из монографических работ, предпринимающих попытку расстановки определенных акцентов в рецепции художественного мира Е. Попова в границах вопроса нарративных инстанций, является диссертационное исследование Байковой Светланы Алексеевны «Авторская стратегия прозы Е. Попова 1970-1990-х гг.» [2]. Автор ставит задачу вписать творчество прозаика в современный ему социокультурный и литературный контекст, отметить преемственные черты с творческой лабораторией писателей-классиков, выделяя при этом ярко выраженный постмодернистский дискурс его прозы, обозначает общую эволюцию авторской стратегии прозы Е. Попова, констатируя ее усложнение в целом. Однако какую-либо дифференциацию и классификацию повествовательных стратегий прозы известного новеллиста работа не предлагает. Вместе с тем, на наш взгляд, очевидно доминирование анекдотического дискурса творчества прозаика и выделение на этом основании особой модели выстраивания повествования, соотносящейся с понятием провокативной стратегии в работах В. И. Тюпы.

Повествовательная стратегия, или схема позиционирования субъекта, объекта и адресата нарратива, по определению В. И. Тюпы, дает возможность как обозначить структуру повествования, так и особый, ею создающийся тип рассказываемой истории [9]. Он же выделяет четыре основных стратегии повествования, в том числе и провокативную, соотносенную с «простейшим» жанром – анекдотом, отображающую независимость и повышенную свободу действий участников повествования [10].

Анекдот – злободневный комический рассказ-миниатюра, короткая смешная история. В большинстве случаев авторы анекдотов неизвестны. В качестве алгоритма формы выступает пародическое использование, имитация преданий, легенд, натуральных очерков [1].

В. И. Тюпа в работе «Три стратегии нарративного дискурса» отмечал ряд признаков, конституирующих ту или иную повествовательную стратегию. В отношении провокативной стратегии можно говорить, во-первых, о специфической компетенции рассказывающего анекдот – недостоверном знании, что по своему коммуникативному статусу тождественно мнению [8].

Примеряя эту позицию к рассказам Е. Попова, можно заключить, что художник, следуя одной из магистральных постмодернистских установок, никогда не претендует на авторитетность своей позиции, либо же иронически ее переосмысляет. Так, в рассказе «Палисадничек» читателю сообщается, что «Виталенькина любовь переехала в Москву и что там делает – *это уж мне неизвестно. Я ведь не Бог, чтобы все знать*» [6]. Концовка другого рассказа, «Полярная звезда», ярко манифестирует агностичность позиции нарратора: «А если вы спросите, откуда я сам тогда все это знаю, то я вам на это ничего не отвечу. *Я вам другое скажу: никто ничего не знает. Не знает, кто мертв, кто жив, а кто еще не родился. Никто ничего не знает. Всех нас надо простить. Я не шучу. Я еще не сошел с ума*» [6].

Мнение, как обозначал В. И. Тюпа, представляет собой бездоказательное интенциональное содержание сознания («кажимость»), подлежащее сомнению, но

субъективно ценное. А также и общественно (интерсубъективно) значимое своей уникальностью – в социуме, где человеческая индивидуальность ценится. Данная модальность принципиально плюралистична: чтобы суждение имело статус мнения, необходима его потенциальная соотносимость с некоторым множеством возможных иных впечатлений [8]. В качестве субъекта такого впечатления и выступает фигура читателя. Его функция в данном контексте может быть квалифицирована как функция потенциального соучастника, очевидца события, расширяющего, с одной стороны, границы повествования, а с другой, сгущающего его аксиологическую составляющую.

В дискурсивной практике Е. Попова этот тезис реализуется достаточно ярко. В рассказе «Зеркало», к примеру, манифестируется субъективная ценность позиции нарратора о важности знания: «Ну, я не знаю – может, оно кому и лучше совсем ничего *не знать*, как писали те древние философы, о которых мне раз толковал по пьянке Витенька, но я-то вот теперь знаю, и я совершенно спокоен, я точь-в-точь так спокоен, как должен быть спокоен тот ихний человек, который, по утверждениям древних этих философов, не должен *ничего знать*, и от этого-де жизнь его становится спокойна, мудра и блестяща» [6]. В «Эмании», рассказывая историю отношений мужа и жены, повествователь как бы «взвешивает» общественные позиции относительно вопросов пола, института брака и так далее: «...*С одной стороны, наверное*, действительно хорошо, когда женщина следит за тобой, просит, чтобы ты не гулял и не водил ночевать в дом веселых дружков <...> Конечно, хорошо, а то как же иначе? А иначе – пропадешь, опустишься, измельчаешь, погибнешь без возврата». И далее в концовке произведения ссылается на опять-таки *мнение* другого авторитетного лица: «А лет семьдесят до него писатель Лев Толстой сказал, что все счастливые семьи похожи друг на друга. *Господи, неужели и в самом деле прав яснополянский мудрец?*» [6].

В «Веселии Руси», рассказывая «престранную» историю старика – героя рассказа, автор, соотнося свое «впечатление» с позицией «большинства», сообщает: «Он разрезал веревку на два куска. Одним обмотался вокруг пояса, из другого сделал петлю на горло и повис на стенке, как большая, мятая, трепанная и не раз теряемая кукла. *Да-да, и вы бы сказали*, что он висел, как кукла, посреди того, что творилось и творится кругом» [6].

Необходимая коммуникативная характеристика того, кому рассказывается анекдот, представляет собой *рекреативную* компетенцию, предполагающую, в частности, наличие читательского «чувства юмора» [8]. Анекдот в исконном значении этого слова не обязательно сообщает нечто смешное, но обязательно – курьезное: любопытное, занимательное, неожиданное, уникальное. Анекдот должен не у-влекать слушателей, приобщая их к авторитарному знанию, но *раз-влекать* их, предлагая адресату позицию внутренне свободного, игрового, по-бахтински карнавального («серьезно-смехового») отношения к сообщаемому. Не только вымышленные, но и невымышленные анекдотические истории не претендуют на статус достоверного знания [8].

Общая рекреативность художественного дискурса прозы Е. Попова становится своеобразным способом читательской рецепции, органично вписываясь в общую установку постмодернистской практики. В рассказе «Барабанщик и его жена, барабанщица» автор рисует картины абсурдно-неожиданного поведения героя, вызывающие соответствующие реакции у читателя: «Он разделся, облился холодной водой, вернулся в дом и вспорол пуховую перину. Вывалился весь в пуху и

пошел искать барабанщицу» [5]. Смех сквозь слезы, столь характерный для анекдота, ярко отличает и рассказ Е. Попова «Два сушеных пальца из пяти бывших»: «Передвигаясь и стоя на коленях, Фетисов сумел отыскать под фрезой в пыли и застарелых опилках два свои из трех оторванных пальцев: мизинец и большой. Дядя Вася прижимал найденные пальцы к груди и казался самым счастливым человеком на земле <...> примечательно, что найденные в пыли под фрезой пальцы дядя Вася ценит выше всех имеющихся у него богатств. Дядя Вася держит пальцы в специальной запертой шкатулке и любит ими по большим праздникам» [6].

Анекдотические истории бытуют как слухи или сплетни, то есть принадлежат самой ситуации рассказывания, а не ценностно дистанцированной повествуемой ситуации [8]. Сюжетная канва в рассказах Е. Попова основывается на типичных советских и постсоветских реалиях (приобретение кооперативной квартиры, выстраивание особых отношений с соседями, бытовая ссора супругов, несчастный случай на производстве и т.п.), но действующий в художественном мире Попова закон «стечения обстоятельств» превращает подобные рядовые сцены в феерии.

Настоящим обрядовым действием закончилась обыкновенная борьба жильцов с мусором в рассказе «Снегурочка»: «Давайте-ка мы этот мусор подожжем, товарищи. Он сгорит, и у нас опять станет чисто. Весело заполыхало. Занялось, как говорится. Поэт пробормотал...< >...После чего разбежался и, не выпуская из рук ведра, прыгнул через огонь. Полы дубленки развевались. Буйное веселье охватило наших жильцов.

– А вот и я! – кричали они и всё прыгали, мерцая ведрами, тазами и другими предметами домашнего обихода» [7].

Анекдотическим повествованием творится *окказиональная* картина мира, которая своей карнавальностью отвергает, извращает, осмеивает всякую ритуальность человеческих отношений [10].

В «Порыве души» «... случилось! Знаток манер, тишайший театрал с окладом 110 рублей вдруг грозно взгляделся в зиянье зрительного зала и завопил:

– Жабы и крокодилы! Порожденья ехидны! Слышите меня?! С вами говорит принц Никодим! Пришли смотреть мои страдания? Ха-ха-ха! Не выйдет! <...> И он с ненормальной для тщедушного человека в очках ловкостью уцепился за свисающую веревку и стал активно раскачиваться, касаясь башмаками то фанерного леса, то бутафорского трона» [7].

Риторика анекдота – курьезная риторика *окказионального*, ситуативного, *диалогизированного* слова. Диалог персонажей, как правило, является сюжетообразующим в анекдоте. При этом и сам текст анекдота в немалой степени зависит от диалогической ситуации рассказывания, поскольку оно существенным образом ориентировано на непосредственную ответную реакцию [8]. Этот тезис ярко проиллюстрирован в рассказе Е. Попова «Справедливость»: «Тогда один из пассажиров, Самсонов, солидный такой человек, даже вспылил:

– Девушка, вы что, не понимаете, понимаешь?... Вам ведь говорят? Поберегите себя, понимаешь... Ведь вы покалечиться можете...

– Этого не бывает никогда, – сказала фифа крашенная, захохотала и тут же вылетела вон.

Фифа крашенная лежала на городском снегу. Покалеченная. В гневе. Под глазом у нее имелся синяк, и она говорила такие речи:

– Я на вас подам на суд, шофер! Не думай, что тебе это так сойдет даром!» [7].

Таким образом, провокативная стратегия повествования используется Е. Поповым как магистральный способ репрезентации мира, реализующий эстетические и мировоззренческие установки художника. Она характеризуется нарративной модальностью мнения «ненадежного» рассказчика, а также общей игровой направленностью текстовой коммуникации в целом.

Список литературы

1. Анекдот (КулЛиб – интернет(онлайн)-библиотека). URL: http://coollib.com/g/humor_anecdote (дата обращения: 19.01.2017).
2. Байкова С.А. Авторская стратегия прозы Евг. Попова 1970–1990-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2013. URL: <http://cheloveknauka.com/avtorskaya-strategiya-prozy-evg-popova-1970-1990-h-gg> (дата обращения: 19.05.2017).
3. Байкова С.А., Осьмухина О.Ю. Игровое повествование как форма воплощения речевого сознания автора и героя в новеллистике Е. Попова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Выпуск № 3. том 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/igrovoe-povestvovanie-kak-forma-voploscheniya-rechevogo-soznaniya-avtora-i-geroya-v-novellistike-evg-popova> (дата обращения: 19.05.2017).
4. Осьмухина О.Ю. Специфика репрезентации советской реальности в прозе Е.А. Попова 1970-х – начала 1980-х. гг. // Филология и культура. 2015. № 2 (40). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-reprezentatsii-sovetskoy-realnosti-v-proze-e-a-popova-1970-h-nachala-1980-h-gg> (дата обращения: 19.05.2017).
5. Попов Е. Каленым железом. URL: http://velib.com/read_book/popov_evgenijj_anatolevich/kalenym_zhelezom/ (дата обращения: 19.01.2017).
6. Попов Е. Веселие Руси. URL: www.vtoraya-literatura.com/pdf/popov_veselie_rusi_ardis_1981_text.pdf (дата обращения: 19.01.2017).
7. Попов Е. Самолёт на Кёльн: Рассказы. М.: Орбита, 1991.
8. Тюпа В. И. Три стратегии нарративного дискурса // Дискурс. 1997. № 3. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse34_15.htm (дата обращения: 19.01.2017).
9. Тюпа В. И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М., 2010. 320 с.
10. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. URL: <http://referat.znate.ru/docs/index-77326.html> (дата обращения: 19.01.2017).

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОПАГАНДЫ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Бережная М.А.

студентка, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются языковые средства, которые используются политическими субъектами для пропаганды своих ценностей. Также дается определение понятий «пропаганда», «ценность», «антиценность» в политическом дискурсе. Рассматриваются языковые приемы пропаганды и приводятся критерии лингвистического исследования ценностей.

Ключевые слова: политический дискурс, пропаганда, ценность, антиценность, языковые средства.

Политическая пропаганда, по мнению исследователей, является мощнейшим средством психологического воздействия на мнение и сознание общества, целью которого является формирование определенного политического мышления.

В современном политическом дискурсе под пропагандой понимается открытое распространение фактов, идей, мнений и иных сведений, в том числе заведомо ложных, для формирования определенного общественного мнения и влияния на массовое сознание, а также для достижения иных целей, которые преследуют пропагандисты.

В настоящее время существует множество приемов пропаганды, мы перечислим только некоторые из них, относящиеся к языковым приемам.

1. «Приклеивание ярлыков»: посредством ярких эпитетов дискредитируется личность или предмет (Председатель ЦК КПРФ Г.А. Зюганов в одной из своих статей назвал действующее правительство *«коекакерами»* (заимствовано из повести Стругацких *«Стажеры»*), т.е. людьми, которые выполняют свою работу небрежно).

2. «Сияющее обобщение»: данный прием схож с предыдущим, используются эпитеты и метафоры с положительной окраской (*«Мы за справедливую Россию!»* (С.М. Миронов)).

3. «Трансфер» или «перенос»: создание положительного или негативного образа посредством ассоциации с кем-либо или чем-либо (*«...этот нобелевский тракторист, политический Чикатило сумел изнасиловать великую страну»* (В.В. Жириновский о М.С. Горбачеве)).

4. «Фургон с оркестром»: информация преподносится как ценность, которая якобы разделяет большинство. В данном случае часто применяется «прием гиперболлизации эмоциональных аргументов, часто драпируемых под бесстрастные факты» [2, с. 39].

5. «Игра в простонародность»: политические лидеры дабы быть ближе к народу используют просторечные слова и выражения (*«Ни открытой войной, ни революцией Россию не разрушить – мужик русский уж очень упорный»* (В.В. Жириновский)).

На основе описания данных приемов можно сделать вывод о том, что в основном пропаганда в политике проводится с расчетом на воздействие именно на эмоции аудитории, поэтому чаще всего применяются различные эмоционально-окрашенные слова, эпитеты и метафоры.

На языковом уровне пропаганда также заключается в тиражировании цитат, знаковых имен, и ключевых слов для заданной картины мира. Например, в советское время повсеместно тиражировались цитаты В.И. Ленина, которые украшали стены кинотеатров (*«Из всех искусств важнейшим для нас является кино»*), почтамтов (*«Без почты и телеграфа социализм есть пустейшая фраза»*), учебных заведений (*«Учиться, учиться и учиться»*) [4, с. 170]. В речах современных политиков также можно встретить прием тиражирования, в основном они повторяют такие слова, которые выражают основные идеи, а также отстаиваемые ими ценности.

Ценности представляют собой биполярные категории, т.е. каждой ценности соответствует своя антиценность.

Под ценностью следует понимать то, что субъекты политической деятельности (политические партии, движения, конкретные люди и т.д.) считают наиболее важным для себя, к чему они стремятся, за что готовы бороться [5, с. 41]. Соответственно «антиценность» – это то, что воспринимается как нечто нежелательное, против чего борются вышеуказанные субъекты.

Исследователь А.П. Чудинов приводит следующую классификацию политических ценностей:

- Высшие ценности: человечество, человек.
- Материальные ценности: ресурсы, труд, орудия и продукты труда, необходимые для существования человечества и его воспроизводства [6, с. 39].
- Ценности социальной жизни: общественные образования, возникающие в процессе развития социума, а также различные общественные институты (государство, класс, нация, семья).
- Духовные и культурные ценности: нормы, идеи, идеалы, призванные удовлетворять духовные потребности, научные знания, эстетические, нравственные, философские и другие представления.
- Непосредственно сами политические ценности: демократия, справедливость, свобода, равенство и др.

Из данной классификации следует, что субъекты политической деятельности могут бороться как за ценности, которые относятся только к политике, так и за те, которые относятся к другим сферам жизнедеятельности.

Несмотря на кажущуюся простоту определить ценности той или иной партии или политического лидера оказывается не так уж легко. Ниже представлены критерии лингвистического исследования ценностей, описанные лингвистом А.П. Чудиновым в своем труде «Современная политическая коммуникация», дополненные исследовательницей Т.А. Светоносковой.

- Частотность употребления слов, которые обозначают соответствующие ценности и антиценности. Например, партия «Яблоко» в своих выступлениях часто обращается к таким ценностям, как *свобода, справедливость, конституционная демократия*. Следует отметить, что при проведении количественного анализа нужно учитывать синонимический ряд слова, представляющего ценность (*справедливость-справедливый*), а также провести подсчет антиценностей (*несправедливость*).
- Представление ценности в качестве цели, задачи или объекта борьбы, т.е. сообщается против чего собираются бороться – антиценности. Например, в программе партии «Справедливая Россия» указывается одна из ее основных задач: «Мы будем *отстаивать идею социальной справедливости, бороться за справедливость* для каждого гражданина России».
- Определение понятий, обозначающих соответствующие ценности и антиценности. Например, президент В.В. Путин в своей речи счел необходимым обратиться к этимологии слова «демократия»: «Завершая, хочу подчеркнуть – мы предлагаем конкретные решения. Их практическая реализация делает *власть народа – демократию* – подлинной». В качестве элементов толкования можно рассматривать и своего рода справки об истории соответствующих ценностей [5, с. 40].

- Конкретизация представления о ценностях. Например, в программе партии КПРФ дается их понимание «народовластия»: «КПРФ будет активно возрождать и развивать непосредственное *народовластие: местные Советы народных депутатов, советы трудовых коллективов, комитеты самоуправления, самоорганизации и самозащиты, поддерживать введение контроля трудящихся за исполнительной и представительной властью*».

- Темпоральная характеристика ценностей, то есть указывается значимость для общества ценности в прошлом, настоящем и будущем [3, с. 103]: «Россия должна быть и будет страной, где *экономические свободы позволят* людям честно работать, зарабатывать» (В.В. Путин).

- Сопоставление «наших» (т.е. страны, партии, своих собственных) и «чуждых» ценностей и антиценностей. Например, в сентябре 2017 в ответ на акцию против партии ЛДПР, проведенной партией КПРФ В.В. Жириновский, который рьяно борется за честные выборы, нелестно высказался о партии КПРФ: «ЛДПР провела *самую чистую кампанию*, мы нигде *не пытались снять кандидатов* от других партий, *КПРФ – по всей стране*».

Также добавим, что в политическом дискурсе для создания ценностной ориентации используется оценочная лексика, эвфемизмы, афоризмы, аллюзии и цитаты. Ценности актуализируются посредством ключевых и тематических слов, метафор, импликаций («если..., то...»), аллюзий [1, с. 114].

Следовательно, для анализа языковых средств пропаганды ценностей в политическом дискурсе необходимо для начала выделить ценности того или иного политического субъекта, в том числе, нужно уделить внимание и антиценностям.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что в политическом дискурсе пропаганда ценностей в большинстве случаев будет опираться на использовании оценочной и эмоционально-окрашенной лексики, эпитетов, метафор, антитезы, лексических повторов, которые будут иметь большее эмоциональное воздействие на общественное сознание по сравнению с другими языковыми средствами.

Список литературы

1. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира. дис. ... д-ра. филол. наук. Волгоград, 2004. 438 с.
2. Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR: Уч. пособие. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 624 с.
3. Светоноснова Т.А. Методика лингвистического исследования ценностей в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2006. №18. С. 99-106.
4. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. 314 с.
5. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Уч. пособие. М.: «Флинта», «Наука», 2006. 254 с.
6. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: Учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 292 с.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭЛЕКТРОННОГО ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Бисултанова М.А.

преподаватель английского языка ФСПО,
Грозненский государственный нефтяной технический университет, Россия, г. Грозный

Хасанова С.С.

преподаватель английского языка ФСПО,
Грозненский государственный нефтяной технический университет, Россия, г. Грозный

Астамирова З.К.

преподаватель английского языка ФСПО,
Грозненский государственный нефтяной технический университет, Россия, г. Грозный

Джабраилова З.С.-Э.

преподаватель английского языка ФСПО,
Грозненский государственный нефтяной технический университет, Россия, г. Грозный

Письменная речь является одной из целей обучения иностранному языку в студентов нелингвистических направлений подготовки. Для достижения задач формирования продуктивных умений письма для реальной межкультурной коммуникации представляется необходимым учитывать существенную роль электронной деловой переписки. В статье рассматриваются формы и приемы обучения электронному деловому общению студентов неязыкового вуза, определяется специфика языковых средств, необходимых для обучения письменному деловому общению в электронной форме.

Ключевые слова: иноязычная письменная речь, деловая переписка, межкультурная коммуникация, обучение письму, трудности делового взаимодействия, официальный стиль речи.

Один из аспектов обучения письменной речи студентов неязыковых вузов касается подготовки к реальному межкультурному общению on-line. Это, в первую очередь, относится к умениям работать с деловой перепиской, осуществляемой в электронной форме на основе ресурсов e-mail. Данный аспект обучения является важной частью подготовки студентов и характеризуется комплексным подходом к обучению. С точки зрения реализации студентами последующей профессиональной деятельности, обратим внимание на значение формируемых умений в области письменной речи, которое определяется работодателями как ключевое для эффективной реализации делового сотрудничества и развития компаний.

Письменное деловое общение на иностранном языке в электронной форме понимается как «процесс порождения и понимания иноязычных письменных текстов с целью обеспечения деловой активности внутри организации либо между двумя различными организациями, осуществляемый с помощью электронных средств передачи информации, т.е. электронной почты» [4, с. 12-13]. Таким образом, в качестве задачи обучения письменной речи в неязыковом вузе выдвигается формирование умений студентов понимать деловые письма и уметь составлять их в соответствии с целями и задачами деловой коммуникации.

Электронная деловая переписка на настоящем этапе развития общества обеспечивает устойчивое поддержание деловых связей, их развитие. Умения осу-

шествовать иноязычное деловое взаимодействие в письменной форме посредством электронных писем является важным требованием к уровню иноязычной подготовки выпускников неязыкового вуза. Также это становится условием их успешной будущей профессиональной деятельности.

Вместе с тем, мы обращаем внимание на существенные трудности обучающихся при работе с электронными письмами на иностранном языке. Как показывают наши наблюдения, студенты осознают необходимость овладения умениями написания деловых писем, но одновременно с этим указывают на трудности с формулированием предложений, поиска необходимых языковых средств, достижения логики повествования и т.п. Как известно, «порождение продуктов письменной речи требует актуализации комплекса языковых навыков и умений: пишущий использует лексические, грамматические, синтаксические средства изучаемого языка для выражения коммуникативной интенции» [1, с. 26]. По мнению О.В. Максютинной, «студенты практически не владеют теоретическими знаниями о требованиях, предъявляемых к структуре и формату современного делового письма» [3, с. 588]. Кроме того, трудности, с которыми сталкиваются обучающиеся при работе с электронными деловыми письмами, касаются как рецептивных, так и продуктивных аспектов. Отнесенность данной формы коммуникации к деловому стилю определяет, например, необходимость овладения специальными формализованными языковыми средствами. Сама по себе письменная речь требует сформированности дискурсивных умений, предполагающих умения порождать целостный текст, адресного обращения к собеседнику, учета его особенностей, логичного составления текстов, использования языковых средств в соответствии с целями и задачами общения. Создание электронных писем рассматривается как аспект продуктивной речевой деятельности, характеризующийся интегративностью и продуктивностью. Кроме того, трудности возникают с соблюдением правил сетевого этикета и правил, принятых при разворачивании письменной коммуникации, характерных для англоязычной культуры. Так, например, для данной формы делового общения учитываются степень формализации отношений между партнерами-коммуникантами.

Для организации обучения студентов порождению письменных текстов – электронных деловых писем необходимо учитывать их типы. Так, например, представляется важным определение степени формализации общения, так как электронный формат переписки допускает официальный и полуофициальный уровни. Работая с электронными письмами, студенты должны обращать внимание на их коммуникативную отнесенность. Так, с функциональной точки зрения электронные письма могут выражать просьбу, извинение, запрос информации, предложение, заказ, жалоба и ответ на жалобу, подтверждение и т.п. Также письма могут содержать представление информации. В содержательном плане в процессе обучения учитываются все типы писем, т.е. студентам для ознакомления предлагаются разные типы писем, они изучают языковые средства, структуру и логику представления информации в каждом письме. Для речевой продукции используются такие типы писем, которые наиболее часто встречаются в реальных условиях в рамках профессиональной направленности.

При обучении электронному деловому общению мы выделяем обязательные компоненты электронного делового письма, к которым относятся:

- электронный адрес отправителя,
- электронный адрес получателя,
- тема письма,

- дата письма,
- приветствие,
- заключительная фраза,
- подпись.

Владение данными обязательными компонентами электронной деловой переписки является условием эффективного взаимодействия партнеров по переписки, это также, по нашему мнению, один из показателей владения социалингвистическими особенностями делового общения в электронной форме.

Основная часть письма является отражением коммуникативных функций и в ней должны быть реализованы определенные коммуникативные шаги, которые определяют содержание письма и степень его воздействия на партнера по коммуникации. В основной части письма могут использоваться следующие элементы: вступление, содержащее цели письма, часть, раскрывающая обстоятельства или условия, побудившие к написанию письма, предложение решений, действий, необходимых для предполагаемого развития событий, а также встречаются письма, в которых в данной части содержится прогноз возможных событий, их развертывание и т.п.

Как уже было отмечено выше, особая роль в достижении эффективной письменной коммуникации принадлежит языковым средствам. Очевидно, что в процессе обучения электронной письменной коммуникации мы должны предусмотреть специальный учебный материал, расширяющий способности студентов использовать соответствующие лексические, грамматические и синтаксические средства. Для решения данных задач мы предлагаем студентам список лексики, характерной для деловой переписки, данный список рассматривается как обязательный минимум, и студенты при подготовке собственных текстов регулярно обращаются к данным словам. Что касается грамматических явлений, к наиболее частым можно отнести использование сослагательного наклонения, пассивного залога, независимых причастных и деепричастных оборотов в начале предложения. Употребление данных грамматических явлений часто связано с ошибками и для их предупреждения мы предлагаем упражнения на анализ использования грамматических явлений в электронной письменной коммуникации и на самостоятельное употребление соответствующих форм глагола в предлагаемых письмах.

Для деловой коммуникации вообще, и для электронной в частности, характерно использование специальных средств связи, вводных слов и союзов. Студентам предлагается анализировать их коммуникативные функции, определять условия их использования в официальной письменной речи. Необходимо понимать, что данные средства связи способствуют достижению логики повествования и более ясно выражают намерения пишущего и его цели. На начальном этапе работы над письменными высказываниями мы наблюдаем, как студентам сложно подбирать соответствующие средства связи, и для этого периода характерно их минимальное использование. По мере того, как обучающиеся анализируют предлагаемые им образцы электронных писем, использование данных средств расширяется, и их выбор характеризуется уместностью и точностью.

Следует подчеркнуть, что использование деловой переписки в процессе обучения иностранному языку, может также стать одним из способов оценивания уровня сформированности иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции обучающихся. Так, электронные деловые письма, «моделирующие естественные условия коммуникации, рассматриваются как рациональное средство

оценки уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, т.е. тех способностей, которые обеспечивают взаимодействие на межкультурном уровне» [2, с. 5].

Таким образом, деловое общение в электронной форме является важным компонентом обучения студентов неязыковых вузов иностранному языку. Коммуникативный подход, который лежит в основе данного процесса, является фактором, обеспечивающим моделирование условий реальной коммуникации в области будущей профессиональной деятельности. Это влияет отбор ситуаций для порождения письменной речи, выбор языковых средств и тем деловых писем. Подчеркнем, что эффективность организации обучения письменной деловой коммуникации зависит, во много, от подготовительной работы, связанной с отбором лексики и использованием специальных упражнений для активизации грамматических и лексических умений обучающихся, ориентированных именно на использование официально-делового стиля речи.

Список литературы

1. Бодоньи М.А. Иноязычная продуктивная письменная речь как объект оценивания // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: Сборник научных трудов. – Краснодар, 2016. – С. 23-29.
2. Бодоньи М.А. К вопросу о типологии оценок продуктов иноязычной речевой деятельности // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: Сборник научных трудов. – Краснодар, 2017. – С. 5-10.
3. Максютин О.В. Обучение деловой переписке на втором иностранном языке // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 5-4. – С. 588-592.
4. Фрезе О.В. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза в письменном электронном деловом общении (английский язык, дополнительное языковое образование): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Екатеринбург, 2013. – 23 с.

ОЦЕНКА ОБРАЗА ДОНАЛЬДА ТРАМПА В МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА *NEWSWEEK*)

Гавриленко О.В.

доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, канд. филол. наук,
Дальневосточный федеральный университет, Россия, г. Владивосток

Статья посвящена лингвокогнитивному исследованию оценочной составляющей образа действующего президента США Дональда Трампа. Анализируются языковые репрезентации оценок в политическом масс-медийном дискурсе, извлеченные методом сплошной выборки из ряда информационно-аналитических статей онлайн версии американского журнала *Newsweek*. Выявленные оценочные суждения формируют три группы оценок, включающих в себя физическое восприятие действительности (визуальное и вкусовое), сферу психического опыта (увлеченность собственной персоной, отрицательные эмоциональные оценки), этические и рационалистические оценки.

Ключевые слова: образ, оценка, оценочные суждения, дискурс, Дональд Трамп.

В современном мире средства массовой информации функционируют не только как канал коммуникации, но и как активный участник формирования поли-

тической жизни. Политическое или экономическое событие становится значимым, когда о нем рассказано в СМИ, при этом чем значимее эта фигура или структура в реальном мире, тем большее место она должна занимать в потоках информации [8, с. 297].

Выстраивая информационное пространство в соответствии с устойчивыми концептуальными моделями, которые выражены в четкой тематической структуре медиа материалов, СМИ создают и поддерживают целостную, упорядоченную картину мира [4, с. 157]. Доступ к этой картине мира возможно получить через исследование масс-медийного дискурса, т.е. речь участников масс-медийного общения, сиюминутный срез языкового и культурного состояния общества, отражающий в силу своей природы как языковое, так и культурное статус-кво социума [5].

В данной работе мы исследуем масс-медийный дискурс политической направленности – совокупность статей, относящихся к политической сфере. Для политического текста характерна, по замечанию А.П. Чудинова, "...пропаганда тех или иных идей, эмотивное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, выработка общественного консенсуса, принятие и обоснование социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе" [9].

Исследуя коммуникативное пространство, Г.Г. Почепцов пишет, что, руководствуясь причинами экономического, политического, зрелищного порядка, масс-медиа «...совершают выбор, когда из миллиона событий на страницу попадают только сотни. Выбор должен опираться на определенные ценностные фильтры. Опора на оценки и ценности в определенной степени "искривляет" мир, выпуская на авансцену лишь ограниченный ряд событий, которые из-за этого перестают быть реальными, а становятся чисто знаковыми» [8, с. 356].

Понятие оценки вбирает в себя представления и суждения о значениях с точки зрения потребностей, вкусов, интересов, страстей [1, с. 30]. Разграничивая понятия ценности и оценки, С.Ф. Анисимов отмечает, что объектом оценки является не предмет, а его значение для человека, т.е. ценность как качество ценностного отношения [1, с. 192]. Другими словами, если ценность выступает как значение, то оценкой будет суждение об этом значении.

На языковом уровне оценка реализуется в виде определенных оценочных суждений, содержащих собственно выражение оценки и некоторые качественные характеристики оцениваемого объекта. Любое оценочное суждение предполагает субъект оценки (лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка), объект оценки (лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка) [3, с. 12] и основание оценки (с точки зрения чего производится оценивание), но последнее часто не находит своего явного выражения [6, с. 27-28].

Оценочные суждения могут быть определенным образом структурированы. Обычно отмечается наличие у оценочного предиката двух основных значений – «хорошо» и «плохо», «+» и «-» [3, с. 19]. Данные значения являются общеоценочными, они связаны с характеристикой объекта в целом, сообщают аксиологический итог. Помимо этого, выделяются частнооценочные значения, дающие оценку какому-либо отдельному свойству объекта. Н.Д. Арутюнова выделяет три группы частнооценочных значений: сенсорные, сублимированные и рационалистические [2, с. 198-200], которые будут рассмотрены нами ниже.

Цель настоящей статьи – исследовать и систематизировать оценочную составляющую образа действующего американского президента Дональда Трампа на

материале политического издания *Newsweek*. Под «образом» мы, вслед за М.Г. Лебедько, понимаем «...ментальные репрезентации, возникшие на основе когнитивного процесса восприятия и являющиеся в силу этого косвенными концептуальными аналогами окружающей среды» [7, с. 17].

Для исследования было отобрано 50 информационно-аналитических статей американского журнала *Newsweek*, доступных для прочтения в сети Интернет, датируемых с августа по сентябрь 2017 года. Выбор данного вида статей обусловлен наличием в них аналитического, оценочного компонента помимо сообщающей части. По замечанию Т.В. Добросклонской, события и персонажи, представленные в новостях, получают здесь дальнейшее освещение, анализируются, снабжаются комментарием, обрастают мнениями и оценками, приобретая определенную идеологическую модальность [4, с. 114].

Материал для исследования представлен языковыми репрезентациями суждений о значениях в политическом масс-медийном дискурсе. В этих оценочных высказываниях актуализируются ценностные отношения субъекта и объекта суждения. Проводя исследование с позиций лингвокогнитивного подхода, мы рассматриваем не только оценку, которая содержится в семантике слова (эксплицитное, словарное, выражение), но учитываем и оценочную модальность высказывания, обусловленную контекстом (имплицитное выражение).

Описание практического материала мы организуем в соответствии с принятой классификацией Н. Д. Арутюновой, которая была упомянута нами выше. Первыми мы рассмотрим **сенсорные оценки**, т.е. оценки, связанные с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим. Они ориентируют человека в природной и социальной среде, способствуя его аккомодации, достижению комфорта. Оценка прямо проистекает из того ощущения, которое, независимо от воли и самоконтроля, испытывает человек. Предикаты этой группы характеризуют в большей мере вкусы субъекта оценки (человека), чем его объект (например, приятный-неприятный, вкусный-невкусный, радостный-печальный и другие) [2, с. 198-199].

Так, следующая оценка непосредственно связана с характеристиками объектов, полученными через модусы восприятия: *...many Republicans have swallowed private distaste for the president while putting forward a largely unified public front, fueled by the unexpected, golden opportunity that comes with controlling both chambers of Congress as well as the White House* [14]. Единица *distaste* (*a feeling that something or someone is unpleasant or morally offensive* [17]) этимологически восходит к глаголу *taste*, обозначающему вкусовые ощущения, и репрезентирует личную неприязнь республиканцев к президенту, которую они вынуждены были «проглотить» ради возможности контролировать Конгресс и Белый Дом.

В примере *Trump's tunnel vision on the size and catastrophic path of Harvey and the potential onslaught of Irma... could illustrate his political stance* [20] актуализировано туннельное видение, узость взглядов Трампа, транслируемых как на природные явления, так и на политику (*tunnel vision – the tendency to only think about one part of something such as a problem or plan, instead of considering all the parts of it* [17]). Эта «туннельность» видения кроется в убежденности действующего президента, что стихийные бедствия способствовали формированию доверительного отношения американцев к Баракку Обаме, его победе на выборах в 2012 году: *The president repeatedly suggested natural disasters helped former President Barack Obama win over the public's trust and confidence. "Polls show that the hurricane had a huge*

positive effect for Obama on his win," Trump wrote on Election Day 2012. "Isn't that ridiculous?" [20]. Журналист представляет собственную оценку этого мнения за счет использования аксиологического предиката *suggest (to make someone think that a particular thing is true* [17]). Этот предикат «...вводит в высказывание эксплицитную субъективность, указывая на присутствие оценочного субъекта и представляя оценку как относящуюся к его концептуальному миру...» [3, с. 97]. Таким образом, автор говорит о том, что данное мнение не является общепринятым в обществе, т.к., по его оценке, представленной в риторическом вопросе и единице *ridiculous*, является нелепым и смехотворным (*ridiculous – very silly or unreasonable* [17]).

Дальнейшее изучение контекстов позволяет выявить оценку увлеченности Д. Трампа собственной персоной: *There has arguably never been a president so eager to promote his own image as Trump, the country's first reality-television-star commander in chief* [15]. Помимо оценки, реализованной в слове *eager (very keen and excited...* [17]), в данном случае присутствует дескриптивное развертывание оценки, «...состоящее в том, что вслед за оценочным предикатом эксплицируется эталон или фактическое положение вещей» [2, с. 216]. Это развертывание – дескриптивная прозвищная перифраза *first reality-television-star commander in chief*, сама по себе обладающая аксиологической коннотацией. Она используется для активизации имеющихся у аудитории фоновых знаний об участии президента в известном деловом реалити-шоу «The Apprentice» («Кандидат»).

Проведенный анализ позволил выявить некоторые эмоциональные оценки – раздражение, злость, страх, вызванные действиями, решениями или личностью президента. Пробуждение подобных эмоций в среде Республиканской партии ставит под угрозу пребывание Трампа в Белом Доме, может привести к его импичменту: *President Donald Trump spent the past week further angering many Republicans, a trend that could not only hinder his hopes of accomplishing his legislative agenda but may endanger his very future in the White House. Republicans, after all, could be seen as the main barrier between him and a fate he surely wants to avoid: impeachment* [14].

В сентябре 2017 года Д. Трамп достиг ряда важных договоренностей с лидерами Демократической партии, связанных с повышением лимита государственного долга, переносом обсуждения проблем миграции. Эти договоренности рассматриваются Республиканцами, его собственной партией, как предательство и серьезное поражение Белого Дома – позиции Трампа нанесен непоправимый ущерб, она уничтожена, разрушена до основания, разочаровала, а президентским обещаниям теперь не доверяют: *Trump base is blown up, destroyed, irreparable, and disillusioned beyond repair. No promise is credible* [10].

Вторая группа оценок, выделенная нами в соответствии с классификацией Н.Д. Арутюновой, – **сублимированные оценки**. Они возвышаются над сенсорными оценками, «гуманизируя» их; подразделяются на эстетические и этические. Первые связаны с удовлетворением чувства прекрасного (например, красивый – некрасивый), вторые – с удовлетворением нравственного чувства (например, моральный – аморальный) [2, с. 198-199]. Данная группа оценок небезразлична к понятию архетипа – нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых к объекту. При этом положительная эстетическая оценка исключает строгую нормативность, этическая оценка требует ориентации на этическую норму, соблюдение нравственного кодекса [2, с. 199].

Проведенное исследование показывает, что моральные принципы и личные качества американского президента оцениваются отрицательно: *the worst of people*;

a man holding the most defective moral compass [13], an unfit, bigoted, incompetent moron [23], the dizzying standards of the Donald Trump presidency; utterly malleable, like a pillow shaped by whoever made the last impression on him [10], dishonest, unstable, prejudiced and selfish; the numerous untruths the president has uttered [16].

В примере *Trump's style of bipartisanship is entirely different for two very big reasons: He's ideologically mercurial and he's motivated much more by personal pique than other presidents. The most surprising thing about his bipartisan push is not that it's happening, but that it took so long. Trump famously wasn't a conservative or even a Republican until very recently* [10] мировоззрения Трампа представляются сумасбродными (*ideologically mercurial*), во главу угла личные обиды (*personal pique*) ставятся чаще, чем при других президентах, а его методы двухпартийной политики не одобряются, но подразумеваются (*The most surprising thing about his bipartisan push is not that it's happening, but that it took so long*).

В статье-источнике данного контекста вербализуется эмоциональная неустойчивость Д. Трампа, подверженность приступам гнева, при которых социальное положение используется при нападках на людей, что не вписывается в принятые в обществе стандарты, а сами эти стандарты им не соблюдаются: *Trump's first seven months in office were marked by what at times seemed like his borderline personality, prone to fits of rage. His use of the presidency for personal attacks on everyone from Meryl Streep to Jim Comey to Bob Corker to Jeff Sessions was weird. Ethical standards didn't exist for him; the president still owns his business, eschewing the normal protocols of divestiture* [10].

На оценку общественности большее влияние оказывает личность Трампа, нежели проводимая им политика: *For both those who approve and disapprove of Trump, his personality was viewed as a bigger factor than his policies* [16]. Разнообразная отрицательная оценка личных качеств президента резюмируется журналистами в актуализации сомнений в его психической стабильности: *questioned the commander in chief's mental stability; a deficiency in the president's mental health* [24], *the fun-house world of Trump's Washington* [11].

Попытки найти доказательства психического нездоровья Трампа регулярны: *This isn't the first time Trump's mental health has been questioned...* Далее высказывание продолжается и наполняется оценками: *Conservatives in July condemned the former real estate mogul for being "erratic" and "unreliable" for his chaotic first four-and-a-half months in office while a Democratic lawmaker in August called for the president to undergo a medical and psychiatric evaluation following Trump's flip-flopping and volatile rhetoric in the aftermath of the recent Charlottesville, Virginia, white nationalist rally, which left one woman dead* [24]. Отрицательная оценка представлена объективациями необычности (*erratic – ...does not follow any pattern or plan but happens in a way that is not regular* [17]), неблагонадежности (*unreliable – unable to be trusted* [17]), хаотичности действий (*chaotic – ...everything is happening in a confusing way* [17]), неустойчивости собственного мнения (*flip-flop – to change your opinion about something, volatile – to change your opinion about something* [17]), а также дескриптивной прозвищной перифразой *the former real estate mogul*, напоминающей аудитории о высоком положении Трампа в мире недвижимости и о скандалах, связанных с недвижимостью.

Особняком стоит пример с положительной оценкой интеллектуальных качеств президента (*intelligent was an appropriate way to describe him*), но она ставится под сомнение журналистом через упоминание скромных достижений Трампа в

учебе, отсутствие каких-либо верификаций тестирования на уровень интеллекта: *While Trump's frequent boasts about his IQ have never been verified and his educational achievements were modest, 51 percent of Americans, including 87 percent of Republicans, said that intelligent was an appropriate way to describe him* [16].

В завершение описания сублимированных оценок отметим, что нами не было выявлено каких-либо экспликаций эстетических оценок: президент США не оценивается эстетически в дискурсе политического журнала *Newsweek*.

Заключительная группа, рассматриваемая нами, представлена **рационалистическими оценками**, связанными с практической деятельностью человека. Их основные критерии – физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции, соответствие установленному стандарту (например, полезный – вредный, правильный – неправильный, нормальный – ненормальный и другие) [2, с. 198-199].

Оценка Трампа и его деятельности как непредсказуемой, ненормальной, нелогичной репрезентирована следующим образом: *the unpredictable president* [14], *little seems normal under President Donald Trump* [12], *this is the Trump era, and predictable rarely happens* [11], *As weird as Trump has been* [10]. Действия Трампа актуализируются как непредсказуемые, непрогнозируемые (*predictable – if something or someone is predictable, you know what will happen or what they will do* [17]), странные, сбивающие с толку (*weird – (informal) very strange and unusual, and difficult to understand or explain* [17]), а типичные, общепринятые, нормальные, поступки – редкость (*normal – usual, typical, or expected* [17]).

Одним из достижений Трампа считается сентябрьская договоренность о временном повышении «потолка» госдолга страны. Для положительной оценки данного события используется метафора мостостроителя (*a bridge-builder*), сумевшего прийти к соглашению с лидерами Демократической партии, но представители своей, Республиканской партии, называют его за это «продажным» (*sell-out*): *For the first time in his presidency, Trump had not governed as a knee-jerk conservative or a partisan Republican, but as a bridge-builder—and conservatives labeled him a sell-out* [11]. Далее автор статьи-источника контекста задается мыслью, свидетельствуют ли данные действия президента о появлении нового Трампа с умеренными взглядами или это импульсивное поведение маленького ребенка: *...The big issue now is what happens with Washington's other messes, most notably immigration, and the question of whether we're seeing a new Trump. Is this the birth of a moderate or just the impulsive behavior of a Toddler-in-Chief* [11]? В соответствии с модальностью высказывания аксиологически-нейтральное прилагательное *new* приобретает положительную оценку. Единица *Toddler-in-Chief* является метафорической прозвищной перифразой, активизирует фоновые знания публики о небольшом сроке пребывания Трампа на посту президента США.

К положительной оценке мы относим одобрение президента и его действий (*strongly approved of his performance* [22], *a whole new Trump; a return to the norm* [22] и актуализации гибкости в принятии решений (*Trump is ideologically flexible; real Trump: ...more politically flexible* [10]). Настоящее поведение Трампа оценивается как поведение ребенка, собирающего свои разбросанные игрушки: *Now, after spilling toys all over the floor, he's cleaning them up. This is pure Trump* [10]. В этом журналисту видится гибкость президента, стремление исправить сложную ситуацию, особенно в вопросах миграции.

Отрицательная оценка, неодобрение реализуется в основном через единицы *criticize (to express your disapproval of someone or something, or to talk about their faults [17]), disapprove (to think that someone or their behavior, ideas etc are bad or wrong [17]), unpopular (not liked by most people [17])* и производные от них: *strongly disapprove of Trump's performance; least popular president in history [22], a president more willing to work with Democrats, sometimes in unanticipated ways [11], criticizing President Donald Trump; Trump raised quite a few eyebrows [24]* и другие.

Негативно воспринимается то, что разъединяет нацию (*Trump is doing such a good job of turning Americans against each other instead of unifying them [13], slammed Trump's leadership as divisive [21]*), побуждая расистов, мракобесов, фанатиков вмешиваться и превращать жизнь простых американцев в ад: *Our president is dividing people, inciting racists and bigots and prejudiced people to unleash personal hell upon fellow Americans [13]. Трамп оценивается как противник любого, кто может объединить нацию: Donald Trump is anti-woman, anti-Hispanic, anti-black, anti-anything that would bring the country together [21].*

Одним из разъединяющих моментов видится оценка президента как расиста: *accusing the president and his supporters of being white supremacists [23], accusations of discrimination; Accusations of racism have long haunted Donald Trump [19]. Попытки президента сообщить об обратном, его утверждения о неприятии расизма не вызывают доверия: Trump has said "racism is evil" but has regularly been accused of racism dating back to his real estate days—he was, for instance, sued twice by the Justice Department for not renting to black people [18]. Для обоснования недоверия в данном контексте приводится тот факт, что на Трампа не раз подавали в суд из-за отказа сдавать недвижимость людям с черным цветом кожи.*

Таким образом, оценочная составляющая образа президента США Дональда Трампа включает в себя три группы оценок, репрезентированных в масс-медийном дискурсе политической направленности. В группе сенсорных оценок физическое восприятие действительности представлено двумя модусами – визуальным и вкусовым; сфера психического опыта вбирает в себя увлеченность собственной персоне и отрицательные эмоциональные оценки, включающие в себя раздражение, злость, страх, разочарование, вызванные действиями, решениями или личностью президента.

Группа сублимированных оценок представлена только этическими, связанными с удовлетворением нравственного чувства, ориентируемые на соблюдение норм этики. Моральные принципы и личные качества американского президента оцениваются отрицательно; эта оценка в значительной степени транслируется общественностью на оценку его политики. Взаимодействие Трампа с окружающей действительностью репрезентируется как неуравновешенное и безрассудное, некоторые методы ведения политики не одобряются. Эмоциональная неустойчивость и подверженность приступам гнева, использование собственного социального положения при нападках на людей не вписывается в принятые общественные стандарты. Разнообразная отрицательная оценка личных качеств президента резюмируется журналистами в актуализации сомнений в его психической стабильности.

В журнале *Newsweek* регулярную репрезентацию получают рационалистические оценки Трампа и его поступков, решений как непрогнозируемых, ненормальных, нелогичных. Действия Трампа актуализируются как непредсказуемые, непопулярные, странные, сбивающие с толку и разъединяющие нацию; типичные, общепринятые, нормальные поступки – нерегулярны. Тем не менее, исследование

показывает наличие положительной оценки, одобрения президента и его действий, гибкости при решении некоторых проблем.

Список литературы

1. Анисимов С. Ф. Аксиология: основные понятия и проблемы. М.: МГУ, 1999. 256 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
4. Добросклонская Т.В. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМН. 2008. URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobroslonskaya/dobroslonskaya-medialingvistika.pdf> (дата обращения: 11.10.2017).
5. Иванова С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/ivanova-08.htm> (дата обращения: 07.10.2017)
6. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во МГУ, 1970. 230с.
7. Лебедько М.Г. Топикализация дискурса о России в журнале "Time" // Культурно-языковые контакты: сборник научных трудов. № 13. Владивосток: Дальневосточный университет, 2009. С. 16-29.
8. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. 656 с.
9. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 07.10.2017).
10. Cooper M. The Real Trump? Why The Donald Could Be More Bipartisan Than We Thought // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/trump-bipartisan-or-crazy-665211> (дата обращения: 14.09.17).
11. Cooper M. Trump's Amazing Week Panics Left and Right // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/trump-triangulation-what-happens-next-661440> (дата обращения: 07.09.17).
12. Glum J. Why Are Republicans Quitting Congress? Dent, Reichert Add to Turnover Under Trump // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/republicans-congress-reichert-dent-trump-turnover-662017> (дата обращения: 08.09.17).
13. Hovitz H. What a 9/11 Survivor Says When Asked if Trump is Triggering PTSD // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/911-survivor-says-trump-triggering-ptsd-663072> (дата обращения: 11.09.17).
14. Le Miere J. Impeaching Trump Becomes More Likely Every Time He Criticizes Republicans // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/trump-impeached-republicans-president-impeachment-662306> (дата обращения: 09.09.17).
15. Le Miere J. President Trump's Photo Still Not Hanging in Federal Offices // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/trump-photo-federal-agencies-delay-663709> (дата обращения: 12.09.17).
16. Le Miere J. Trump is Unstable, Prejudiced, Dishonest and Selfish, Americans Say About President in Damning New Poll // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/trump-president-unstable-prejudiced-poll-656579> (дата обращения: 29.08.17).
17. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 05.10.2017).
18. Marcin T. Donald Trump Doesn't Care About Black People, Americans Believe: Poll // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/donald-trump-doesnt-care-about-black-people-americans-believe-poll-657972> (дата обращения: 31.08.17).
19. Marcin T. Is Trump Racist? White House Is 'Past Dog Whistling,' Touts 'Flat Out Discrimination,' CNN's Don Lemon Says // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/trump-racist-cnn-don-lemon-slams-president-660607> (дата обращения: 14.09.17).

20. Riotta C. Trump Is Obsessed With the Size of Crowds, Hands and Now Hurricanes // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/donald-trump-obsessed-sizes-hurricane-irma-harvey-sandy-obama-white-house-660294> (дата обращения: 06.09.17).

21. Sinclair H. GOP Strategist Slams Party Leaders Who Back Trump, They 'Deserve The Reckoning' That Will Come For Republican Party // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/former-gop-strategist-slams-party-leaders-who-back-trump-stating-they-deserve-659358> (дата обращения: 04.09.17).

22. Sinclair H. Trump's Approval Rating Just Bounced Back From Worst In History for a President // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/trumps-approval-rating-just-bounced-back-worst-history-662550> (дата обращения: 10.09.17).

23. Sinclair H. White House Wants ESPN Anchor to Be Fired for Calling Trump a Bigot // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/white-house-wants-espn-anchor-be-fired-calling-trump-racist-664539> (дата обращения: 13.09.17).

24. Williams J. Donald Trump Lacks Mental Stability, 'Morning Joe' Co-Host Mika Brzezinski Says // Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/mika-brzezinski-donald-trump-mental-stability-660450> (дата обращения: 06.09.17).

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Гусейнова Х.К.

ассистент кафедры иностранных и латинского языков,
Дагестанский государственный медицинский университет, Россия, г. Махачкала

В статье рассматривается процесс лексико-семантической адаптации иноязычной религиозной терминологии в даргинском языке. Анализируются три типа семантического освоения: сужение, расширение и смещение семантического наполнения заимствованного слова. Отмечается, что наиболее редким случаем адаптации иноязычного термина является смещение его семантического объема.

Ключевые слова: термин, терминология, сужение, расширение, смещение, даргинский язык, заимствование, семантический объем.

Процесс освоения арабской религиозной терминологии в даргинском языке сопровождался изменением их первоначального семантического объема. Изменение семантического объема в заимствованной лексике – явление вполне закономерное, так как “лексическое значение – наиболее подвижный элемент языка, находится в состоянии непрерывного изменения, наиболее чутко, сравнительно с другими элементами языка, откликаясь на все изменения, происходящие в сфере обслуживающей само существование языка, – истории народа” [3, с. 126].

Сужение семантического объема заимствованного слова.

Общеизвестно, что лексика развитого в словарном отношении арабского языка в большинстве своем отличается многозначностью, однако не все значения арабского слова могут быть приняты заимствующими языками. По мнению Л.П. Ефремова, “если иноязычному слову присуща полисемия, то в качестве заимствуемого материала выступает обычно лишь одно значение, а не вся его семантическая система” [2, с. 22]. Основным направлением семантического развития у арабизмов на новой языковой почве явилось сужение семантики слова, напр.:

дарг. *ажал*

смерть

2) предел, срок;

3) смерть

*Ху гъалав вашулри, хлед глергъи **ажал** дашули сари* (Р.) ‘Ты впереди ходишь, за тобой **смерть** следует’ (хотя жизнь течет, а ты даже об этом не думаешь);

дарг. *жагъаннаб*

ад

2) геенна

Жагъаннабла *гела укъяби хІу* (Р.) ‘Чтобы ты дальше **ада** ушел’ (чтобы ты исчез бесследно);

дарг. **закат** (зѣкат)

закат (доля урожая, выделенная

в пользу бедных мусульман)

3) закат (доля урожая, выделенная в пользу бедных мусульман)

Закат диркур хлу хлерирусилис (Р.) ‘Закат достанется тому, кто тебя содер-
жал’.

дарг. *имам*

1) духовный наставник;

2) руководитель богослужения;

жения в мечети:

Дагъиста миллатунала азаддеишлa хIаракатла бекI **имам Шамиль** сайри (Замана, 2012) ‘В Дагестане во главе национально-освободительного движения был **имам Шамиль**’;

См. также:

дарг. *алхІям*

первая сура Корана

2) хвала, прославление

дарг. *ᠳᠦᠭᠦᠯᠠ*

МОЛИТВА, МОЛЕНИЕ

2) мольба;

3) молитва

дарг. *загИуд*

благочестивый

2) подвижник, аскет

Расширение семантического объема заимствованного слова.

Расширение значений относится к редким случаям семантических изменений заимствованных слов. Наиболее точное определение этому явлению дал, по нашему мнению, Л.А. Булаховский, с точки зрения которого "расширение объема применения выступает в тех случаях, когда в новом употреблении слово охватывает большой круг понятий, то есть может быть употреблено как средство называния шире, чем раньше" [1, с. 71]. В нашем материале оказалось несколько терминологем арабского происхождения, которые расширили свою семантику на даргинской языковой почве, напр.:

араб. *kāfir*

1) неблагодарный;

2) неверующий;

3) безбожник; гяур

дарг. **капур**

1) безбожник, гяур;

2) подлый, подлец

По всей видимости, в даргинский язык – это слово попало в значении ‘безбожник’, ‘гяур’, но в процессе семантического развития на основе метонимического переноса оно развило свое первоначальное значение и приобрело второе, переносное значение ‘подлый’, ‘подлец’, напр.:

Гьар даим дергълизив къаршиирки капуртачил (Р.) ‘Постоянно в бою встречался с **гяурами**’.

В таком же направлении развивалась семантика арабского слова *juz* 1) часть, доля; 2) тридцатая часть Корана, которое в даргинском языке кроме основного терминологического значения **жуз** ‘одна тридцатая часть Корана’ получило второе метонимическое наименование ‘книга, учебник’, напр.:

Писателли сагаси жуз дураиб (Р.) ‘Писатель выпустил новую книгу’.

Другой арабский термин *zamzam* 1) обильный; 2) Земзем (священный колодец при храме Кааба г. Мекка), заимствованный во втором своем значении в процессе дальнейшего семантического развития получил на даргинской языковой почве еще одно переносное значение: дарг. **Замзам** 1) ‘Земзем’ (колодец в Мекке при храме Кааба); 2) вкусная, целебная вода, напр.:

Хлед нуни замзам лерхис (Р.) ‘я принесу тебе **земзем** (целебную воду)’.

Моления, заключающиеся в повторении слов *lā 'ilāha 'illā l-lāh* ‘нет Бога кроме Аллаха’, в даргинском языке имеют общее название **лайла**. Данное слово также получило дальнейшее семантическое развитие и выступает в даргинском языке в переносном значении ‘колыбельная песня’: *ДурхЯлис лайла белчIес* (Р.) ‘Спеть **колыбельную** (песню) ребёнку’.

Смещение значений заимствованного слова

Смещение значений арабских терминологических лексем происходит очень редко и исключительно под воздействием новой языковой среды. Причины смещения могут быть разные: как лингвистические, так и экстралингвистические. Например, заимствованное слово могло быть очень длинным или трудным для запоминания, что представляло сложность для освоения. Новое значение лексема приобретает, как правило, в результате метонимических или метафорических переносов, часто утрачивая первоначальное значение арабского прототипа.

Так, например, можно наблюдать семантическую связь между исконным арабским словом и его даргинским коррелятом:

араб. *janāza*[t]

1) похороны;

2) погребальные носилки

дарг. **жаназа**

труп, покойник

Биси дурхЯла хIили хIунтIенбарибси дяхIи, кIапIбуцили жаназа, вяшхIевхъун Чанкур вахъхIи (А. Гази) ‘Плакал снег кровью сына, Чанкур не двигался, обняв **тело** (труп) сына’.

Определенную семантическую связь можно определить между арабским словом *maḥlūqāt* ‘твари’, ‘создания’ и его даргинским коррелятом **махлукъат** ‘скопление прихожан’, напр.:

Майдайчиб шила магълукъат цалабикилири (Р.) ‘На площади было **скопление прихожан**’.

Метонимический перенос в процессе заимствования привел к нарушению смысловой связи между арабским словом ‘arṣ 1) трон, престол; 2) носилки покойника и даргинским *гIарш* 1) эмпирей; 2) зенит: *гIаршла малайкуни* ‘небесные ангелы’.

Список литературы

1. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. Ч. II. – М., 1953.
2. Ефремов Л.П. Сущность лексического заимствования. Вестник АН Каз. ССР, – Алма-Ата, 1959, № 5.
3. Звегинцев В.А. Семасиология. – М.: МГУ, 1957.

СИНОНИМИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Гусейнова Х.К.

ассистент кафедры иностранных и латинского языков,
Дагестанский государственный медицинский университет, Россия, г. Махачкала

В статье исследуются факты образования в даргинском языке синонимических конструкций, состоящих из религиозных терминологических единиц. Религиозная терминология даргинского языка достаточно насыщена синонимическими терминами. Многие религиозоведческие термины являются взаимозаменяемыми, соотносятся с одним и тем же понятием и не различаются смысловыми оттенками.

Ключевые слова: термин, терминосистема, синоним, синонимический ряд, лексическая синонимия, даргинский язык, вариант, заимствование.

Проблема лексической синонимии, изучение которой занимает столько же времени, сколько существует и наука о языке, еще очень далека от своего решения. Поэтому, нет ничего необычного, что применительно к терминам этот вопрос также вызывает множество самых разнообразных точек зрения, как и проблема синонимии словарных единиц в целом. В настоящее время лингвисты говорят о так называемом "взрыве" синонимии в терминологии, вызванном стремительным развитием наук [3, с. 70].

В процессе исторического развития религиозный термин может принимать одно или несколько разных семантических значений, вступающих в различные отношения с другими терминами или лексемами общеупотребительного языка. Это объясняется тем, что религиозный термин, как и слово вообще, является отражением противоречия, диалектичности языкового знака, где системность не может существовать без асистемных явлений. Одним из важных свойств системы языка является его неоднородность и способность элементов языка к комбинаторным преобразованиям. Изучение этих отношений и преобразований является составной частью исследования терминосистемы.

В современной лингвистике метод сопоставления и сравнения является одним из самых эффективных методов изучения языковой действительности. Единицы в системе языка связаны между собой отношениями сходства и тождества, а изучение этих отношений является актуальной проблемой языкознания, которой занимались и занимаются многие исследователи, связывающие ее с синонимией, антонимией и омонимией языковых единиц. Целью данного раздела является анализ явлений синонимии в системе религиозной терминологии даргинского языка.

Синонимами в современном языкознании считают "слова одной и той же части речи, имеющие полностью или частично совпадающие значения" [4, с. 447]. Некоторые лингвисты рассматривают наличие разных оттенков в значениях синонимов обязательной [1, с. 117-205], другие выражают мнение о том, что слова-синонимы могут не только отличаться оттенками значений, но и иметь тождественные значения [2, с. 62-63].

Если речь идет о синонимии в терминологии, то, с точки зрения классических требований, предъявляемых к классическому термину, отмечается, что явление синонимии является нежелательным. Некоторые ученые, как, например, Е.И. Толикина, которые исключают наличие синонимии в терминологии, считают, что язык науки по своей сути неэмоционален, следовательно, термины могут включаться в синонимические связи только как дублиеты [5, с. 57-67]. По мнению этих исследователей, синонимия в терминологии отличается от общеязыковой синонимии тем, что не может выполнять стилистических функций. То есть, терминологические синонимы соотносятся с одним и тем же понятием и объектом, однако не могут определять различные его свойства, а только характеризуют один и тот же предмет с разных сторон, но под разным углом зрения. Термины, в свою очередь, определяют одни и те же понятия, различаясь лишь характерным признаком, положенным в основу названия понятия, и представляют достаточно специфическую категорию слов относительно их стилистических возможностей.

Синонимия в терминологии является хоть и нежелательным, но неизбежным явлением. Это объясняется тем, что терминология представляет собой одну из составляющих лексики, ее подсистему и развивается по тем же законам, что и весь словарный состав языка. Так как синонимические термины соотносятся с одним и тем же понятием или объектом, некоторые исследователи такие лексические единицы называют также терминологическими дублиетами.

Религиозная терминология даргинского языка достаточно насыщена синонимическими терминами. Многие религиоведческие термины являются взаимозаменяемыми, соотносятся с одним и тем же понятием и не различаются смысловыми оттенками. В то же время, следует указать на отсутствие однозначного решения проблемы синонимии в терминологии, что можно объяснить несколькими причинами, среди которых главные – неодинаковое толкование терминологических синонимов как таковых (даже разное названия их: синонимы, параллельные образования, варианты, дублиеты) и включение в категории синонимических терминов различных языковых единиц. Вместе с тем, такие своеобразные терминосистемы, как политический или религиозный лексикон языка требуют наибольшее количество синонимических единиц, поскольку сфера их социального потребления намного шире, чем в специальных терминосистемах отдельных наук и технических дисциплин. Поэтому, несмотря на то, что терминология является подсистемой общелитературного языка и для нее обязательны общие тенденции и законы развития литературного языка, считаем, что отношение синонимии в пределах узкоспециальной терминологии существуют, хотя они и ограничены семантической структурой самой терминосистемы.

Что касается религиозной терминологии, то вопрос следует рассматривать шире, в общем аспекте языка, поскольку религиозные термины являются особенным терминологическими единицами и обнаруживают часто большее сходство с лексемами общеупотребительного языка, чем с собственно терминологическими единицами.

Связь между словом и понятием особенно ощутимо в синонимических рядах. Каждая эпоха служит причиной возникновения новых реалий, познания новых явлений, а, следовательно, и формирования новых понятий. Однако не только новые явления требуют своего осмысления и словесного выражения; старые понятия также с течением времени меняются, их понимание становится глубже и шире – это естественная взаимозависимость понятийного и словесного миров.

В настоящее время религиозный лексикон дагестанских языков быстро реагирует на активные процессы религиозной жизни, а богатство ее внутренних ресурсов позволяет словесно отобразить широкую гамму оттенков значений новых реалий внеязыкового мира. Закономерные процессы развития языка требуют поиска новых лексических средств, а также возрождения языковых знаков как атрибутов культурно-литературного наследия прошлого. Определяя синонимию, следует исходить из явления параллельности употребления различных по форме слов для обозначения того же содержания. Такая неоднородность плана выражения направлена на выполнение различных синонимических функций (замещения, уточнения, углубления характеристики предмета).

Содержание определения "синоним" наглядно видно на примере двух заимствованных арабских имен существительных: *жигъад* (jihād) и *къазават* (араб. ġazawāt). Так, в даргинском языке слова *жигъад* 'джихад' и *къазават* 'газават' с общим значением 'священная война за веру' представляют собой образцы полных синонимов, которые могут свободно взаимозаменяться в речи без потери или добавления смыслового качества.

Рахли жягIял жигъад багъахъалли, ну гIяхIулали цаибил аркъяс (Р.) 'Если завтра объявят **джихад**, я буду первым добровольцем'.

Ит дус урусуначи къарииси дурхъаси дяв, гъазават, багъахъур (Р.) 'В тот год объявили священную войну, **газават**, против русских'.

В даргинском языке можно наблюдать синонимичные лексико-семантические варианты многозначного слова. Например, арабское заимствование *хIярамси* (harām), которое в одном из своих значений в языке-источнике означает 'запрещенный, запретный' в процессе заимствования вступает в синонимические связи с исконным словом *къадагъаси* 'запретный, недозволенный', напр.:

Аллагъли ахIи, хIярамси чили хIялалбиресу? (М. Тахсурманов) 'Кто сделает разрешенное **запретным**, кроме Аллаха'?

Амма къадагъаси хIяйна баралли, ил биштIаси бунагъличи шурбулхъуси саби (Ас-Салам, 2010) 'Если **запретное** совершить трижды, оно обернется маленьким грехом'.

Другой религиозный термин арабского происхождения *имам* ('imām) 'духовный наставник', 'духовный глава мусульман' вступает в квазисинонимические связи с арабским термином *малла* (mullā) 'мулла', 'служитель религиозного культа', напр.:

Каспийск шагъарла мижитла имамли дурхIначил ихтилат дураберкIили саби (Ас-Салам, 2014).: '**Имам** мечети города Каспийск провел беседу с детьми'.

МуцIур бируси ахIенригу, дила мурул, хIела, иша диркъаличи вакIибхIели, рахли малла ветаурли хIейадли? (С. Рабаданов) 'Бороды же не было, муж мой, у тебя, когда переехал на равнину, может быть муллой стал?'.

Даргинская лексема арабского происхождения *гъайкар* 'талисман' (haykal) вступает в синонимические отношения с исконным словом *кла* 'амулет, ладанка', однако в данной синонимической паре наблюдается дифференциация значений, т.к.

исконная лексема **кла** отличается от заимствованной семой "носимый на теле человека", напр.:

Цали, дарайла кесекуназибад архЯла чИмачил ибули, гьалмагъла чугурличи баршес гьайкар бири (Р.Омаров) 'Один, зашивая нитками шёлка, из кусков вискозы делал **талисман** на чунгур друга'.

Талихлагар клалира мяхИкамхлейру (Р.) 'Несчастливого и **амулет** не спасёт'.

Образование синонимической пары также произошла в даргинском языке счет заимствованной лексемы арабского происхождения **хлурулгЯн** (< араб. hūriyya[t]) 'гурия', 'красавица' и исконного имени **исбагъи** 'красавица', причем синонимия возникла со вторыми, переносным значением арабского слова, напр.:

ХлурулгЯн глур хлугъуна ахИелкИни дунъяличир балас (Ш. Рабаданов) 'Такой **красавицы**, как ты, знаю, больше в мире не родится'.

Ил чина-дигара раширареси исбагъи сари (Р.) 'Она **красавица**, которую можно пригласить хоть куда'.

Итак, возникновение новых и пополнение существующих в языке синонимических рядов, по нашему мнению, может быть вызвано: 1) активизацией слов, обозначаемых в современных словарях как историзм, устаревшие или редко употребляемое слово; 2) широким использованием разговорной лексики; 3) заимствованием иноязычных слов для обозначения понятий, которые уже имеют свое словесное выражение.

Список литературы

1. Будагов Р.А. Человек и его язык. – М., 1974. – 250 с.
2. Булаховский Л.А. Очерки по общему языкознанию // Булаховский Л.А. Избранные произведения: В 5-ти т. – К., 1980. – Т. 1. – С. 62-63.
3. Лаптев В.Д., Татаринов В.А. Новые пути описания терминологии // Терминологический вестник. М.: Московский лицей; Русский филологический вестник, 2000. № 1. С. 68-71.
4. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь/ Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
5. Толикина Е.И. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1971. С. 57-67.

УПОТРЕБЛЕНИЕ УСТАРЕВШИХ СЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Давлатзода Р.С.

магистрант 2 курса, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Россия, г. Уфа

Статья посвящена употреблению устаревшего слова как объекту в художественном произведении. Рассматриваются понятия «архаизмы», «историзмы», «художественное произведение». Раскрывается сущность употребления устаревших слов в художественных произведениях.

Ключевые слова: устаревшая лексика, историзмы, архаизмы, художественный текст, стилистические функции.

Статья посвящена употреблению устаревших слов в художественных произведениях. В современном русском языке появляются новые слова, а некоторые ис-

ключаются из лексикона, переходя в разряд историзмов и архаизмов. На уроках русского языка особого внимания и детального разбора требуют устаревшие слова, которые встречаются в художественных произведениях.

Стилистические функции, которые выполняет устаревшая лексика, разнообразны. Историзмы и архаизмы в художественном произведении используются для воспроизведения колорита эпохи, для воссоздания каких-то исторических событий (Романы А. С. Пушкина «Борис Годунов», А. Н. Толстого «Петр I», А. Чапыгина «Степан Разин», и многие другие). Историзмы выполняют номинативную функцию, поскольку служат названиями реалий прошлых эпох. Авторы художественных произведений при помощи историзмов изображают картину прошлого, насыщая её конкретным описанием.

Архаизмы, наряду с историзмами, используются для создания исторического колорита эпохи. Они относятся не только к речи персонажей, где их употребление вполне естественно, но и к авторской речи, в которой архаизмы являются средством стилизации. В качестве примера можно привести роман В. Я. Шишкова «Емельян Пугачёв», в котором представлены следующие историзмы: целовальник – торговец вином в питейных заведениях; челядь – так до отмены крепостного права назывались дворовые слуги; урядник – унтер-офицер в казачьих войсках; кольчуга – безрукавка из мелких стальных планок, скреплённых кольцами; кивер – твёрдый головной убор, использовавшийся в некоторых воинских частях (в основном в кавалерии); секира – вид холодного оружия, и архаизмы: вгул – вслух, сряда – одежда, опричь – кроме, особо, персты – пальцы; рацеи – длинные нравоучительные наставления, облыжно – обманно и многие другие.

При передаче речи лиц духовного звания в художественном произведении активно используются архаизмы, например реплики Пимена в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»:

...А сын его Феодор? На престоле
Он воздыхал о мирском житии
Молчальника. Он царские чертоги
Преобразил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась – а в час его кончины
Свершилось неслыханное чудо:
К его одру, царю едино зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор,
И называть великим патриархом,
И все кругом объаты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святой владыка пред царём
Во храмине тогда не находился.

Кроме указанных функций писателями и публицистами архаизмы используются в качестве средства для придания особой торжественности, возвышенности, патетичности. Чаще всего для этой цели используются исторические церковносла-

вянизмы. Такую функцию выполняют только те славянизмы, которые устарели для нашей эпохи и не встречаются в широком употреблении, в то время как их русский вариант принадлежит к общему употреблению (ср. голос – глас, дочь – дщерь, молодой – младый и др.). Таким образом, историзмы и архаизмы могут выполнять различные стилистические функции. Во-первых, они используются для придания речи торжественного возвышенного звучания:

Увы! куда ни брошу взор – везде бичи, везде железы, законов гибельный позор, неволи немощные слезы (А.С. Пушкин); *И в зареве его – твоя безумна младость; Пусть укрыла от дольного горя утонувшая в розах стена* (А. Блок).

Довольно часты высокие архаизмы в стихах С.Есенина: *Лёгким взмахом белого перста тайны лет я разрезаю воду; Я хочу быть отроком светлым.*

Во-вторых, архаизмы и историзмы используются в художественных произведениях об историческом прошлом страны, чтобы воссоздать колорит эпохи:

Как ныне собирается вещей Олег, отмстить неразумным хозарам, их селы и нивы за буйный набег обрек он мечам, и пожарам; с дружиной своей, в цареградской броне, князь по полю едет на верном коне (А.С. Пушкин).

Для стилизации прошлого устаревшими словами широко пользовались, например, А.С. Пушкин в романе «Арап Петра Великого», А.К. Толстой в романе «Пётр Первый», А. Чапыгин в романе «Степан Разин» и другие писатели. А.С.Пушкин, описывая в повести «Капитанская дочка» события второй половины 18 века, для создания колорита времени использовал устаревшие в его время слова *премьер – майор, стремянный, фортеция, капрал, душегрейка.*

В-третьих, иногда устаревшие слова в художественных произведениях используются для создания насмешки, иронии. Например, М.Е. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города» создает юмористический эффект за счёт включения историзмов или архаизмов (особенно высокаторжественных) в контекст, где преобладает современная общеупотребительная лексика.

В-четвертых, некоторые писатели включают устаревшие слова в художественный текст в качестве средства речевой характеристики персонажей, например служителей культа, монархов. Ср. стилизацию речи царя у А.С. Пушкина:

*Достиг я [Борис Годунов] высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж, охладев, скучаем и томимся?*

В-пятых, к архаизмам, и особенно старославянизмам, авторы обращаются в том случае, когда хотят воссоздать древний восточный колорит, поскольку старославянская речевая культура близка к библейской образности. Примером может служить поэзия А.С. Пушкина («Подражания Корану», «Гавриилиада»).

Анализируя стилистические функции устаревших слов в художественной речи, необходимо помнить, что в некоторых случаях их использование может быть

и не связано с конкретной стилистической задачей, а обусловлено особенностями авторского слога, индивидуальными пристрастиями писателя. Так, для М. Горького многие устаревшие слова были стилистически нейтральны, и он использовал их без особой стилистической установки:

Мимо нас, не спеша, проходили люди, влача за собою длинные тени; [Павел Одинцов] философствовал... о том, что всякая работа исчезает, одни что-то делают, а другие разрушают сотворенное, не ценя и не понимая его.

Эффективная методика формирования навыков работы с архаизмами в школьной программе на уроках русского языка призвана выявлять трудности, возникающие при усвоении устаревших слов, выявлять причины возникновения трудностей, прогнозировать трудности, которые могут появиться в ходе обучения русскому языку.

Факт выявления типичных ошибок способствует их преодолению, имеет ключевое значение при разработке адекватной и приемлемой системы обучения устаревшей лексике в средней школе.

Обучение устаревшей лексике на уроках русского языка должно учитывать сложности системы устаревшей лексики, трудности их запоминания из-за редкого их использования в речи, возрастные особенности восприятия устаревших слов школьниками и проблемы методического характера.

Устаревшие слова отражают прошлое, быт, культуру страны. Их усвоению учениками на уроках русского языка необходимо уделять большое внимание. Необходимо нацеливать на понимание роли устаревших слов в художественных произведениях, поддерживать интерес школьников к словам, вышедшим из современной языковой системы, осуществлять тесную межпредметную связь, применяя на уроках русского языка богатый лексический материал из произведений, изучаемых на уроках литературы, проводить работу над словом на уровне текста, с учетом синтаксических связей слова, его сочетаемости с остальными словами.

Список литературы

1. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 336 с.
2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Учеб. Пособие для студентов фак. рус.яз. и литературы пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1977. 223 с.
3. Коренькова Е.В., Н.В. Пушкарёва. Русский язык и культура речи: учеб. – М.: Проспект, 2010. – 384 с.
4. Рублева, О.Л. Лексикология современного русского языка: учебник / О. Л. Рублева. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2004. – 250 с.
5. Современный русский литературный язык: учебник / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков и др.; Под ред. П.А. Леканта. – М.: Высш. Школа, 1982. – 399 с.
6. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика: учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ЧТЕНИЕ КАК ЦЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Джабраилова З.С.-Э.

преподаватель английского языка ФСПО,
Грозненский государственный нефтяной технический университет, Россия, г. Грозный

Бисултанова М.А.

преподаватель английского языка ФСПО,
Грозненский государственный нефтяной технический университет, Россия, г. Грозный

Дзейтова М.М.

преподаватель английского языка ФСПО,
Грозненский государственный нефтяной технический университет, Россия, г. Грозный

Хасанова С.С.

преподаватель английского языка ФСПО,
Грозненский государственный нефтяной технический университет, Россия, г. Грозный

Профессионально-направленное чтение рассматривается как одна из целей обучения иностранному языку студентов нелингвистических направлений подготовки. Ее достижение возможно при сбалансированном формировании остальных компонентов иноязычной профессиональной компетенции. В статье рассматриваются пути обучения профессионально-ориентированному чтению как компоненту профессиональной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза.

Ключевые слова: иноязычное чтение, иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция, методы обучения, стратегии чтения, виды чтения.

Обучение иноязычному чтению текстов профессиональной направленности в неязыковом вузе – сложный процесс, обусловленный различными факторами, начиная от недостаточного количества часов и заканчивая необходимостью освоения профессиональной терминологии, без знания которой понимание текстов затруднено. Вместе с тем, мы понимаем, что профессионально-направленное чтение является важнейшим компонентом обучения английскому в неязыковом вузе, так как овладение читательскими умениями дает возможность будущим специалистам знакомиться с зарубежным опытом, читая статьи профессиональной тематики, находя интересующую информацию в интернете. Для достижения целей более эффективного обучения профессионально-направленному чтению мы считаем необходимым оптимизировать и интенсифицировать данный процесс. Для этого при организации процесса обучения важно предусмотреть специальные приемы, использование которых является фактором развития умений профессионально-направленного чтения, а также обеспечивает расширение лексического запаса обучающихся в области профессиональной терминологии.

Дисциплина «Иностранный язык», которая входит в обязательные предметы для изучения студентами неязыковых направлений подготовки, направлена на формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции, включающей овладение языковыми и неязыковыми средствами, умениями таких видов речевой деятельности как аудирование, говорение, письмо, чтение, владение

стратегиями ведения диалогического общения как коммуникативного взаимодействия на межкультурном уровне, моделями внутригруппового субъект-субъектного и межгруппового коллективного взаимодействия, формами мышления, мыслительными операциями и способами формулирования мысли постановки проблемных задач и вопросов, профессиональной иноязычной терминологии, владение стратегиями адаптации социокультурных и профессионально-ориентированных ситуаций, а также в соответствии с профессионально-социальным контекстом, умениями ставить и решать индивидуальные цели-задачи и цели-результаты, соотнося и связывая их с коллективными [2, с. 56-57].

Иноязычное чтение является составной частью формируемой профессиональной коммуникативной компетенции. Представляется очевидной ее интегративный характер, т.е. все компоненты (лексический, грамматический, речевой рецептивный, речевой продуктивный и т.п.) влияют друг на друга. Это позволяет сделать вывод о том, что достижение цели обучения иноязычному чтению невозможно без опоры на остальные компоненты: «в современных условиях цели обучения иностранному языку соотносятся со сбалансированным формированием компонентов иноязычной коммуникативной компетенции» [1, с. 23].

Формирование читательских умений в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе является одним из путей достижения глобальной цели современного высшего образования – формирования специалиста, способного работать с профессиональными источниками на иностранном языке. Чтение как рецептивная речевая деятельность требует развития, прежде всего, лексической компетенции, так как без необходимого уровня владения иноязычной лексикой, включая термины, профессиональную лексику, обучающиеся не будут достигать необходимого и достаточного уровня понимания текстов.

Одно из проблем обучения чтению являются трудности понимания профессиональной лексики, которая характерна для текстов профессионально-ориентированной направленности. Важно подчеркнуть, что при работе с текстами необходимо предусмотреть специальные приемы работы, обеспечивающие как понимание, так и освоение специальных лексических единиц, используемых в профессиональной сфере. Для этого на разных этапах работы с текстом используются различные упражнения. Например, на предтекстовом этапе мы предлагаем студентам задания на подбор соответствующих эквивалентов на русском языке к английским терминам. Также используются упражнения на:

- поиск соответствий терминов и их дефиниций,
- выбор соответствующих терминов в узком контексте (предложения),
- сопоставление терминосистем в русском и английском языках,
- классификация терминов по разным основаниям,
- анализ особенностей употребления терминов в контексте (анализируются грамматические особенности, коллокационные),
- выявление словообразовательного потенциала терминов и т.п.

На послетекстовом этапе мы предлагаем задания, направленные на выявление особенностей функционирования терминов в тексте. Так студентам предлагается составить глоссарий терминов, которые использовались в тексте. Отметим, что мы предлагаем разные форматы глоссариев в зависимости от лексических единиц, с которыми работают студенты. Часто термины являются интернациональными словами, которые понятны без перевода, в таком случае мы требуем давать экспликацию термина на английском языке в глоссарии. Иногда при работе над тер-

минологией лексика отличается в двух языках, а также имеют случаи ложных друзей переводчика. Тогда глоссарий включает перевод английских терминов на русский язык.

В ходе работы над текстом мы предлагаем обучающимся задания на объяснение каждого термина как в общем на уровне дефиниции, так и в рамках контекста, т.е. пояснить смысл употребления конкретного термина в читаемом тексте. Другим приемом работы является перевод текста на русский язык и поиск терминологических соответствий. Мы часто сталкиваемся с проблемой различий терминологических систем в русском и английском языках. Дифференциация терминов, так называемых эквивалентов в изучаемых языках, способствует более глубокому пониманию специальной литературы профессиональной направленности на английском языке. Таким образом, работа над профессиональными лексическими единицами английского языка является обязательной составляющей последовательности упражнений во время чтения текстов. Без автоматизации данной группы лексических единиц студенты не справляются с заданиями на понимание текста и также проявляются сложности при выполнении заданий коммуникативной направленности, дискуссий, обсуждения вопросов на основе текста.

Выдвигая чтение в качестве основной цели обучения иностранному языку в неязыковом вузе, мы не имеем в виду вторичный характер других видов речевой деятельности. Отбор дополнительных материалов для обучения чтению делает возможным использование специальных методов и ресурсов, которые связывают чтение со всеми видами речевой деятельности. Например, при чтении текста мы специально подбираем дополнительный видео материал соответствующей тематики, и предлагаем его студентам для расширения знаний по прочитанному тексту, разрабатываем специальные задания, которые связывают чтение и аудирование. Подобный подход позволяет снять трудности восприятия речи на слух, так как читая текст, студенты осваивают лексику, которая далее встречается в аудио- или видеотексте. Примером подобных заданий являются следующие целевые установки:

- Назовите совпадающие темы, идеи, особенности и т.п., которые рассматриваются в тексте и видео.
- Какой аспект проблемы, затрагиваемой в тексте, рассматривается в видео фрагменте.
- Какие способы решения проблемы, рассматриваемой в тексте, предлагаются в видео сюжете.

Подобные задания позволяют связать оба рецептивных вида деятельности и таким образом активизировать восприятие иноязычной речи как на слух, так и в визуальной форме.

Обучение чтению является основой не только для активизации рецептивных видов речевой деятельности, но и продуктивных (говорения и письма). Как известно, «продукты иноязычной речи, интегрирующие различные языковые аспекты и моделирующие естественные условия коммуникации, рассматриваются как рациональное средство оценки уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, т.е. тех способностей, которые обеспечивают взаимодействие на межкультурном уровне [2, с. 5]. Именно поэтому важно использовать методы активизации устной и письменной речи в процессе работы над текстами.

Задания, предлагаемые нами студентам для активизации умений устной речи, связаны с моделированием будущей профессиональной деятельности. Так, например, мы предлагаем проанализировать ситуации, в которых информация тек-

стов могла бы быть полезной. В данном случае важно подчеркнуть, что мы часто используем аутентичные тексты, которые представлены в разных форматах – инструкции, фрагменты статей, каталоги, программы и т.п. Студенты, характеризуя профессиональные ситуации, указывают на актуальность информации текста, а также анализируют область профессиональной деятельности. При работе над текстом также представляется целесообразным использовать задания на компрессию текста. Это задания на выделение основной идеи текста, составление плана, определение основных и второстепенных идей. При работе с инструкциями предлагаются задания на пояснение требований к действиям, представленным в тексте. Обучающиеся должны объяснить, почему выдвигаются именно такие рекомендации к деятельности.

Для активизации умений письменной речи при работе над профессионально-ориентированными текстами используются задания коммуникативной направленности. Например, подготовить официальное письмо, основанное на проблеме, затрагиваемой в тексте, или составить рекомендации для иностранных коллег для совместной работы.

В целом, работа над иноязычным чтением тесно связывает все виды коммуникативной деятельности, а само чтение выступает в качестве базового элемента целеполагания. При работе с профессионально-ориентированными текстами мы наблюдаем рост мотивации студентов к изучению иностранного языка в общем, что объясняется связью их профессии и материалов, используемых в учебном процессе.

Список литературы

1. Бодоньи М.А. Иноязычная продуктивная письменная речь как объект оценивания // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: Сборник научных трудов. – Краснодар, 2016. – С. 23-29.
2. Бодоньи М.А. К вопросу о типологии оценок продуктов иноязычной речевой деятельности // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: Сборник научных трудов. – Краснодар, 2017. – С. 5-10.
3. Серова Т.С. Концепция языковой, речевой и коммуникативной подготовки специалиста в процессе инженерного образования // Прикладная филология инженерного образования. – Т. 1. Методология и методика языкового обучения в техническом вузе. – Нортхэмптон – Томск; Томск. гос. политехн. ун-т, 2004. – С. 48-62.

АНГЛИЦИЗМЫ В НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «DEUTSCHLAND»

Жебрунова Л.А.

старший преподаватель,

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Россия, г. Смоленск

Гомелько Н.А.

студентка третьего курса,

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Россия, г. Смоленск

Статья рассматривает факторы, которые влияют на развитие немецкого языка, посредством англицизмов. Основными из них является: освещение международных собы-

тий, обозначение предметов, упрощение употребления слова. Приведены примеры англицизмов в популярном немецком журнале.

Ключевые слова: англицизмы, немецкий язык, заимствования из английского языка, журнал, глаголы, статья, лексика.

В настоящее время немецкий журнал «Deutschland» переводится на одиннадцать языков в ста восьмидесяти странах мира, что говорит о том, что он самый читаемый немецкий журнал.

Это связано с тем, что журнал «Deutschland» подробно освещает мировые события и дает им подробный анализ событий, а также дает полную информацию об актуальных вопросах как в Германии, так и в Европе. Особое место занимает региональный раздел, который рассказывает о сотрудничестве Германии с другими странами мира, дает оценку политической, экономической, культурной сторонам жизни, науке и образованию. Журнал приводит обзоры новостей общества и культуры, рассказывает как о личностях, так и об учреждениях.

В статьях журнала «Deutschland», освещающих экономические и политические вопросы общественной жизни, встречаются в большом количестве заимствования из английского языка. С одной стороны, они являются дополнительным вкладом в лексическую систему языка, с другой – происходит засорение немецкого языка чужеродными по структуре единицами.

В статьях фигурируют чаще всего следующие группы заимствований:

– прямые заимствования, которые применяются без изменения смысла слов (от англ. «Sprint» – спринт, «CD-Player» – CD-проигрыватель, «Meeting» – конференц-зал);

– смешанные образования, которые представляют собой сложные слова, которые состоят из двух составляющих (первая часть слова принадлежит заимствованию из английского языка, вторая часть слова – флексии, немецкие по происхождению, адаптирующие чужеродное слово в языке, или целые слова). К ним относятся, например: «Livesendungen» – передачи с места событий, передачи в прямом эфире (от англ. «live» – «вживую», в прямом эфире); «Reiseboom» – туристический бум, большой спрос на турпоездки (от англ. «boom» – подъем, расцвет, повышение);

– терминологические синонимы, которые существуют совместно с применяемыми в языке понятиями, названиями, составляя непосредственную конкуренцию немецким синонимам. К основным из них относятся: «consultant» – «der Berater» («советник», «консультант»); leasing – «Vermietung» («сдача в аренду»); «slang» – «die Umgangssprache» («разговорная речь», «сленг»); «marketing» – «die Massnahmen eines Unternehmens» («маркетинг»); «investor» – «der Investitionsträger» («инвестор»); «user» – «Nutzer» («пользователь»).

В статьях, которые освещают политическую ситуацию, английские слова, которые заимствуются в немецкий язык не в прямом их значении. К данным словам относится и, американское слово «administration» («администрация») в современном немецком языке применялся для обозначения не управленческого аппарата президента США, а правительства США в целом.

При написании статей СМИ в немецком языке используются заимствованные глаголы, которые преобразовываются с учетом немецкой грамматики: к ним присоединяется инфинитивное окончание -en, -n. Данные преобразования обеспечивают возможность спрягать глагол и образовывать причастие: «to manage» –

«managen» («управлять»), «to swap» – «swappen» («обменивать», «подкачивать данные»), «to trade» – «traden» («торговать»).

Отметим, что целью данной статьи не является рассмотрение заимствования лексики из английского в русский языки, хотя уже на вышеприведенных примерах видно, что английский оказал также значительное влияние и на русскоязычные СМИ, где происходят сходные процессы.

В журнале «Deutschland» особое место занимает реклама с яркими, зачастую более компактными, запоминающимися англоязычными заимствованиями, что привлекает внимание потребителя. Также, заимствования в рекламе служат для обозначения новых явлений и предметов, что служит для экономии языковых средств, а также для точности выражения. Данный факт придает рекламному тексту современный колорит, а также делает его модным и узнаваемым, поэтому покупатели с удовольствием покупают «Snacks», а не «Leichte Imbisse» («закуски»), «Shorts», а не «Oberschenkelhose» («шорты»), «Conditioner», а не «Klimaanlage» («кондиционер воздуха»).

Всем известна, англоязычна рекламная терминологическая лексика, а именно «slogans» – «слоганы», «marketing» – «маркетинг», «corporate identity» – «корпоративная идентичность; корпоративное самоопределение», «promotion» – «продвижение», «image» – «имидж, образ», «message» – «послание». Привлекательность английского языка в рекламе обусловлена его способностью приносить, дополнительные смыслы, а именно открытость миру, чувство успешности, в котором процесс глобализации связывают с использованием английского языка, который за последние годы стал интернациональным [2].

Статьи журнала, связанные с информационными технологиями, пестрят англицизмами: «Mouse», «E-Mail», «Online», «Provider», «Bit», «Byte», «CD-Rom», «Computer», «editieren», «Hacker», «Display», «Playstation», «Gameboy», «Joystick» и т.д. Аналогичный процесс заимствования терминологии из английского языка в различных областях наблюдается и в русском.

Также спортивная лексика не обходится без заимствований из английского языка: «Finish», «Team», «Fan», «Match», «Cross», «Freestyle», «Badminton», «Sprint» и другие.

Вот еще примеры, которые дает лишь беглый анализ немецкоязычного «Deutschland»: «Feature», «Pay-TV», «Motion», «Primetime», «Print», «Slow», «Entertainer», «Offset», «Yellow Press», «Reporter», «Interview», «Comic», «Monotype», «Charts», «Comics», «Jingle», «Headline», «Hit», «live», «News», «Playback», «Serial», «Show», «Single», «Special», «Trailer», «Bestseller», «Essay», «Love-Story», «Promoter».

Существует статистика, согласно которой 3,0 % англицизмов отмечаются как «ergänzend», т.е. «заполняющие пробелы». Данные слова практически ассимилировались в немецком и имеют право на полноценное существование, хотя в языке воспринимаются как иностранные.

18,0 % рассмотрены как «differenzierend», обозначающие понятия, названий для которых нет в немецком языке, например: «E-Post» вместо «e-mail», «Prallkissen» вместо «airbag». В тоже время, существуют исторические примеры победивших немецких слов над английскими заимствованиями: «Bahnsteig» вместо «Perron», «Bürgersteig» вместо «Trottoir», «Hubschrauber» вместо «Helicopter». 79,0 % слов названы «verdrängend» (употребляющиеся вместо существующих немецких): «keeper» («Torwart»), «shop» («Laden»), «slow motion» («Zeitlupe»), «ticket» («Fahrkarte»), «all-inclusive» («Pauschalangebot»), «bad bank» («Auffangbank») [3].

Даже такой краткий обзор ситуации с заимствованием лексики из английского в немецкий демонстрирует динамичность современного лексического состава немецкого языка. Журнал «Deutschland» был выбран нами для анализа как репрезентативный источник – одно из самых влиятельных СМИ в Германии. Очевидно, что немецкий, так же как и русский, не может сопротивляться проникновению огромной массы англоязычных лексических единиц. Отчасти, это можно объяснить «интернациональностью» английского языка, который является посредником для общения бизнес-сообществ, отчасти – тем фактом, что уже не одно десятилетие в немецких школах английский язык является популярнейшим предметом, одной из основных дисциплин. В ситуации, когда все вокруг владеют английским, использование его в повседневной речи и понимание его не являются затруднительным. Можно говорить о чрезмерном «засорении» немецкого языка англоязычными лексическими единицами.

Список литературы

1. Васильева Л.В. Обогащение современного немецкого языка иноязычными заимствованиями: Экспериментально-типологическое исследование на материале англицизмов: Дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004. 220 с.
2. Жебрунова Л.А. Лингвокогнитивная модель фразеосемантического поля «Страхование» (на материале английского и русского языков): Дис. ... к. филол. н. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2009. 225 с.
3. Гордишевская Е.В. К вопросу о влиянии английского языка и его американского варианта на языковую ситуацию в современной Германии: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. 206 с.

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Зуева Е.А.

доцент кафедры второго иностранного языка, канд. филол. наук, доцент,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В данной статье предпринята попытка рассмотреть лингвострановедческий потенциал фразеологических единиц современного немецкого языка, содержащих в своем составе ономастический компонент. Анализ данного пласта фразеологии позволяет определить, на каком уровне проявляется национально-культурный компонент фразеологизма и выявить возможные их семантические особенности.

Ключевые слова: ономастическая фразеология, лингвострановедение, национально-культурное содержание, этимологический анализ, семантический анализ.

Специфика фразеологии состоит в установлении состава устойчивых или фразеологических сочетаний языка, в изучении закономерностей образования и развития этих единиц, в определении групп устойчивых словосочетаний в зависимости от их структуры и семантических особенностей.

Язык является не только средством общения, т.е. обладает коммуникативной функцией, но и в то же время выступает в качестве своеобразного хранилища национального самосознания, культуры и истории конкретного народа, т.е. обладает кумулятивной функцией.

В наибольшей степени способностью отражать культурологическую информацию и одновременно служить ее источником обладают единицы лексического уровня – слова, фразеологизмы, языковые афоризмы, так как именно здесь конденсируется весь сложный комплекс культуры и психологии данного народа, способ его мышления, т.е. они являются источником и носителем различного рода страноведческой информации.

Национально-культурное своеобразие фразеологических единиц может проявляться не только эксплицитно – через совокупное значение, но и имплицитно и быть обусловлено ролью в жизни народа и отношением носителей языка к тому или иному предмету или явлению и ассоциациями, с ними связанными.

В рамках лингвострановедения проводится целенаправленный комплексный анализ культурной специфики лексических единиц, в ходе которого возможно выделение культурно-специфического компонента плана содержания, отражающего элементы культуры, специфичные по отношению к культуре народа-носителя сопоставляемого языка. Лексика, обладающая таким компонентом, определяется как страноведчески значимая.

Имена собственные занимают особое место в системе языка и составляют значительную часть словарного состава языка. Ономастические реалии всегда национально окрашены, т.к. являются частью истории народа, тесно связаны с культурой страны изучаемого языка и обладают ярко выраженным национальным колоритом.

Факт наличия имени собственного в составе фразеологических единиц выделяет их в отдельную группу, требующую специального изучения в первую очередь с точки зрения этимологии и семантики. Национально-культурное содержание имени собственного, входящего в состав фразеологизма, определяется, прежде всего, особенностями коннотаций, возникающих на основе культурно-исторического развития имени. Многие из фразеологизмов данной группы связаны с фактами давно забытого прошлого, например, *Ab nach Kassel!* – с глаз долой! Катись! Прочь! Данное выражение появилось в 1870 году, когда поверженный Германией Наполеон III был арестован и отправлен в один из замков города Касселя в земле Гессен. Присутствовавший на вокзале народ провожал императора криками «Прочь в Кассель!».

Либо с поверьями и легендами, например, *jmd auf den Blocksberg wünschen* посылать к черту. *Der Blocksberg* – название одной из гор в Германии, где по поверьям по ночам собираются ведьмы на шабаш.

Источниками других фразеологических единиц являются литературные, музыкальные или художественные произведения, например, **Wie Zieten aus dem Busch** – совершенно неожиданно. Фразеологизм употребляется для характеристики неожиданности, внезапности и стремительности какого-либо действия. Г.И. фон Циттен (1699-1786) – генерал кавалерии в прусской армии. Он появлялся на поле боя всегда внезапно и в любом месте. Эти особенности ведения боевых действий Циттенем легли в основу сравнения в стихотворении Т. Фонтане „*Der alte Zieten*“ – которому фразеологизм обязан своим происхождением и распространением [2, с. 110].

Berliner Luft – дух Берлина. Один из самых популярных номеров в оперетте Пауля Линке «*Фрау Луна*», написанный в стиле марша, называется «Берлинский воздух». Эта песня стала неофициальным гимном столицы Германии и считается одним из наиболее известных немецких шлягеров XX века. Сейчас данное выраже-

ние используется для характеристики особой культурной и социальной атмосферы города, а также особого жизнеощущения жителей германской столицы.

В некоторых случаях этимологическая мотивация фразеологической единицы совершенно ясна, например, *Wasser in die Elbe (in den Rhein) tragen* – заниматься ненужной работой. Однако, значительно чаще она давно давно утрачена и может быть восстановлена только путем этимологического анализа, например, **Wie der Pfarrer Assmann** – делай, как хочешь. Этимология данного фразеологизма до конца не ясна. По одной версии он восходит к имени гессенского священника Рассмана, руководствующего в своих действиях принципом «делаю, как хочу». По другой версии – к имени некоего тюрингского священника, о котором рассказывают, что он, сопровождая однажды на охоте герцога Августа, убил Библией зайца, на что герцог заметил, что, хотя тот и не имел, как священник, права заниматься охотой, но т.к. убил зайца Библией, то может делать с ним все, что захочет [1, с. 43].

В отдельных случаях в основу фразеологической единицы может быть положена аллитерация, например, **Flotte Lotte** – (разг.) протирочная машинка, соковыжималка. На сегодняшний день является зарегистрированной торговой маркой. Можно предположить, что при выборе имени собственного решающую роль сыграл именно фонетический фактор, т.е. созвучие обоих компонентов фразеологической единицы [2, с. 123].

Среди ономастических фразеологизмов встречается также полисемантические фразеологические единицы, например, *Blauer / Stolzer Heinrich* (*Echium vulgare*) – (бот.) синяк обыкновенный. Данное растение имеет соцветия ярко-голубого цвета и является засухо- и морозоустойчивым. Это, вероятно, послужило основанием для выбора имени собственного при становлении фразеологизма.

Данный фразеологизм имеет еще ряд значений. Он употребляется для обозначения плевательниц из голубого кобальтового стекла, которые в гигиенических целях применялись больными туберкулезом и были широко распространены в конце 19 – начале 20 века [5].

Кроме того данный фразеологизм используется для обозначения супа с перловой крупой или жидкого молочного супа.

Очевидно, что этимология всех трех значений данной фразеологической единицы различна. В первом случае происхождение фразеологической единицы объясняется тем, что в средние века именем *Heinrich* часто называли различных демонических существ (кобольдов, гномов и домовых), которым приписывалась сверхъестественная сила и способность исцелять тяжелобольных. Целебными свойствами обладает также и растение синяк обыкновенный. Следует отметить, что данное имя собственное встречается в составе других названий целебных растений [3, с. 67].

Во втором случае выбор имени собственного объясняется, вероятно, тем, что по форме плевательница похожа на фигурку человечка. А так как имя *Heinrich* было одним из самых распространенных мужских имен того времени, то данный предмет называли именно так.

Чтобы проследить этимологию третьего значения данного фразеологизма, необходимо дать историческую справку. Фразеологизм восходит к временам Фридриха Вильгельма Первого, и связан с именем армейского директора Генриха, по приказу которого солдат кормили жидким перловым супом [4].

Список литературы

1. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. 387 с.
2. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. М.: Высшая школа, 1991. 173 с.
3. Köster, Rudolf. Eigennamen im deutschen Wortschatz: Ein Lexikon. Berlin; New York : De Gruyter, 2003. 196 S.
4. Küpper, Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Bd. 36, Berlin 2004.
5. URL: <https://blauerheinrich.jimdo.com/> (дата обращения 21.12.2017).

КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ В КИРГИЗСКО-КИТАЙСКИХ ОБЩИХ МОРФЕМАХ

Зултукаров К.З.

доктор филологических наук, профессор,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Амиралиев С.М.

кандидат филологических наук, доцент,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Статья посвящена сравнительному анализу общих корневых и суффиксальных морфем киргизского и китайского языков в русле гипотезы о ностратической принадлежности сино-тибетских языков. В ней продемонстрирован консонантный характер китайских слов по отношению к трансформируемым и варьируемым эквивалентам киргизского языка.

Ключевые слова: сингармонизм, консонанты, переменные, морфема, алломорфы, единство инварианта и его вариантов.

Цель статьи – сравнительное описание китайских корневых морфем, обладающих фонетической цельностью и устойчивостью, с их киргизскими эквивалентами суффиксального характера, которые легко варьируются и трансформируются в зависимости от контекста, от фонетических условий, диктуемых звуковым обликом корня. В сравниваемых языках очень много этимологически идентичных корневых и служебных морфем, которые, имея общее значение и близкое звучание, ведут себя в тексте совершенно по-разному. Китайские слоги устойчивы и не подвергаются звуковым изменениям. Их киргизские эквиваленты в служебной позиции под действием закона сингармонизма видоизменяются, трансформируются и уподобляются фонетическому облику корневой морфемы [1, с. 25-31].

С этой точки зрения заслуживают внимания киргизские соответствия китайских слогов 1) *zhì* «желание, стремление, воля, надежда, ожидания; личные стремления, честолюбивые помыслы; чувства; стремиться к, иметь склонность к; увековечивать, подсчитывать, запечатлевать (о сердце)»; 2) *zhì* вежл. «дать (мне), вернуть (мне)». Эти слоги семантически и формально отдаленно напоминают киргизский суффикс с алломорфами *-чы, -чи, -чу, -чү*, который передает волеизъявление и помыслы говорящего, его желание, направленное на осуществление субъектом определенного действия. В качестве субъекта выступают говорящее, собеседник или третье лицо. Ср., например: *кел-чи* «иди-ка (сюда)», *бар-чы* «иди-ка (туда, по-

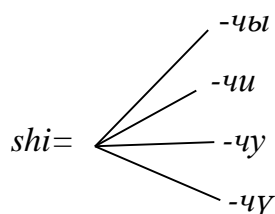
дальше от говорящего)», *кой-чу* «оставь-ка, перестань-ка, прекрати-ка»; *көр-чү* «посмотри-ка» и т.д.; казах., кара-калп. *ал-шы* «возьми-ка», карач.-балк., крым.-тат., кум. *ал-чы* «возьми-ка», кирг., карач.-балк. *келсин-чи* «пусть-ка придет», казах., кара-калп. *алсын-шы* «пусть-ка возьмет»; каз., кара-калп. *алайын-шы* «возьму-ка», *алайык-шы* «возьмем-ка», узб. *берса-чи* «а если (он/она) отдаст», *берсак-чи* «а если (мы) отдадим» и т.д. Данный суффикс в тюркских языках выступает в качестве носителя важного прагматического смысла: он участвует в установлении тесного контакта между говорящим и слушающим, между слушающим и неучастником общения, между говорящим и третьим лицом. С данными примерами перекликаются значения и других китайско-киргизских морфем. Китайское *rǔ/ruò* [жу/жуо] «ты, твой (в обращении к равному или низшему по положению)» очень напоминает киргизский глагольный суффикс *-чы, -чи, -чу, -чү*: *койчу* «оставь, не трогай» (*кой-* «оставить»), *келчи* «иди-ка сюда» (*кел-* «прийти»), *алчы* «возьми-ка» (*ал-* «взять»), *корчу* «смотри-ка» (*кор-* «смотреть»).

В китайском языке есть суффикс, реализуемый в двух вариантах – ударном и безударном. Ударный вариант произносится в нисходящем тоне, а безударный – в нейтральном: *-zhù/-zhu*. Этот суффикс выражает глагольное значение, подчеркивающее переход действия в устойчивое состояние (со значением «накрепко, намертво, прочно»), в гуанчжоуском диалекте при глаголе указывает на длительный характер действия. Данному суффиксу в киргизском языке соответствует суффикс, реализуемый в алломорфах *-чы, -чи, -чу, -чү* и передающий повторяющееся и длительное действие в прошедшем времени: *ойноочу* «играл (постоянно)», *келчу* «приходил, приезжал (всегда)», *дечу* «говорил (постоянно)», *жуучу* «мыл, стирал (всегда)». В этих примерах конечный слог-суффикс соответствует китайскому *-zhù/-zhu*, участвуя в передаче постоянного и длительного действия в прошедшем времени. Следует отметить, что основы приведенных киргизских глаголов имеют этимологически идентичные корни в китайском языке: 1) киргизское *оюн* «игра, танец (в говорах), любовник, любовница (в говорах), спортивные состязания, шутки», *ойно-/ойноо* «играть, игра, танцевать, участвовать в спортивных состязаниях» соответствует китайскому *yǐn* «сменяться, сменять друг друга, чередоваться, совершать кругооборот, вращаться, кружиться, поворачиваться, перемещать, двигать, вращать, вертеть, поворачивать; кругооборот, чередование, смена»; 2) киргизское *кел* соответствует китайскому слогу *ke* «направление, направляться» + слог *lai* «сюда, в сторону говорящего» [5, с. 161]; 3) киргизский корень *де-* «говорить» соотносительен с китайским слогом *dào* «говорить, молвить, рассказывать, трактовать, выражать»; 4) киргизское *жуу-* «мыть, смывать, стирать (белье)» соответствует китайским слогам а) *yǐ* «мыть, купать, совершать омовение, купаться, купание»; ср. узбекские *юв-* «мыть», *ювиш-* «совместно стирать», которые своей инициальной очень напоминает китайский слог; б) *zhuó* «мыть, полоскать, омываться», фонетически очень сходное с киргизским *жуу*, т.е. кирг. *жс* = кит. *y/zh*. Как видим, киргизские глагольные корни имеют этимологически тождественные соответствия в ханью.

Киргизский суффикс с вариантами *-чы, -чи, -чу, -чү* употребляется для передачи значения субъекта действия и обладателя признака. Он имеет аналог в ханью в виде суффикса *shì* со значением субъекта, который как служебное слово не имеет ударение и произносится в нейтральном тоне. Ср., например, китайские слова *dòu* «бороться, биться, сражаться, драться; состязаться, соперничать, играть; сходиться, соединяться, сливаться, дразнить, вызывать, завлекать, свергать; борьба, драка, битва, сражение, бой; боевой, бойцовый» и *dòushì* «боец, воин, борец», соответ-

ствующие киргизским словам *доо* «тяжба, иск, вражда», *доочу* «истец, заявитель иска».

Китайское *zhàn* «война, бой, сражение, схватка; военный, полевой, боевой; соревнование, борьба; состязание, игра, полемика, пари, заклад; вести войну (бой, сражение), воевать, сражаться, биться» имеет дериваты с названным субъектным суффиксом, употребляемым в ударном и безударном вариантах: *zhànshì/zhànshi* «солдат (рядовой) действующей армии, боец, борец»; *zhàng* «оружие; бой, сражение, военные действия, война». Х.К. Карасаев считает киргизское слово *жаң* китайско-иранским: *жаң* «война, сражение, бой», *Кылым бою мындай жаң жер жузундо болбоду* (Барпы). – В течение века такого сражения не было на земле [1, с. 105]. В киргизских говорах Узбекистана и сопредельных территорий встречается производное слово *жаңчы* «боец, солдат». Мы считаем слово *жаң* восточно-нестратическим корнем. Китайский суффикс *-shì/-shi* в силу своей целостности и звуковой устойчивости выступает в качестве инварианта по отношению к алломорфам киргизского суффикса. Их соотношение можно продемонстрировать схематически в следующем виде:

К этой же схеме подходит дериват китайского слога *yì* «совершать омовение, купаться; очищаться в; летать зигзагами, порхать вверх и вниз; мыть, обмывать, купать, содержать в чистоте; купание, ванны» с субъектным суффиксом *yùshì* «ванная». Данное производное слово очень напоминает киргизское слово *жуучу* «мойка, моющий».

Важную лингвопрагматическую функцию выполняют китайские полисемантические прономинативы: а) *sī* «этот, тот, такой, здесь, тут; его, их (со значением принадлежности и объектности)»; б) кит. *qí* «его, ее, их; того, той, тех; свой», которые, вероятно, имеют этимологическую связь с киргизским посессивно-местоименным суффиксом с вариантами *-сы, -си, -су, -сү* «его, её, их»; *баласы* «его/её сын» (*балам* «мой сын»), *эжеси* «его/её старшая сестра» (*эжем* «моя старшая сестра»), *күйөөсү* «ее муж/супруг» (*күйөөң* «твой муж/супруг»), *короосу* «его/ее/их двор» (*короом* «мой двор»).

Китайский слог *sì* «быть похожим, походить на, казаться, уподобляться; продолжать, наследовать, идти по стопам; по-видимому, похоже, как будто; -видный, -подобный, псевдо-», выражающий стремление человека походить на другого, выступает в качестве материального и смыслового эквивалента киргизского суффикса с идентичным значением, имеющего фонетические варианты в виде *-сы, -си, -су, -сү* «будто, как будто, словно». Например, *кыйынсийт* «старается казаться/показаться сильным, достойным» (где *кыйын-* «сильный, достойный», *сы-* «будто, как будто, казаться», *-й* знак процессуальности и *-т* признак III лица в значении «он, она»), *билгенсийсиң* «старается казаться/показаться знающим» (*билген* «знал, познал», *-си* «будто, как будто, казаться», *-й* знак процессуальности и *-сиң* признак II лица в значении «ты»), *көргөнсүйт* «делает вид как будто бы увидел» (*көргөн* «увидел», *-сү* «будто, как будто, казаться», *-й* знак процессуальности и *-т* признак III лица в значении «он, она»), *ойногонсуйт* «старается показаться как будто игра-

ет, шутит» (*ойногон* «играл», *-су* «будто, как будто, казаться», *-й* знак процессуальности и *-т* признак III лица в значении «он, она»).

Китайское *ёр* «близкий, ближний, ближайший, недалекий, недавний, неглубокий» сравнивается с киргизским глагольным суффиксом *-ар, -ер, -ор, -өр* со значением сомнительного будущего времени: *кел-ер-мин* «наверное, я приду/приеду» (где *кел-* «прийти/приехать», *-ер* признак будущего сомнительного, *-мин* «я»), *бар-ар-сың* «ты, наверное, пойдешь/поедешь» (где *бар-* «пойти/поехать», *-ар* признак сомнительного будущего, *-сың* «ты»). С этим суффиксом сходен корень *эр* в слове *эртең* «завтра». Вполне можно допустить, что оно сложное и состоит из *эр* «будущее, ближайшее» и *таң* «утро, рассвет». Гласный звук второго слова подвергся прогрессивной ассимиляции, в результате чего произошел переход *эр + таң* в *эртең*. Теперь обратимся к фактам китайского языка. В этом языке есть слова *ёр* «близкий, ближний, ближайший» и *dàn* «утро, рассвет, на рассвете, рано утром, утренний, день, дневная пора, днем, рассветать». Их сочетание могло образовать слово *er + tan*, к которому восходит киргизское наречие *эртең/эртеге* «завтра». А чередование *-н/-ң/-г* – распространенное явление в финальной части тюркских слов. Ср. в других языках: *эртен* в тур. диал., кумык., карачаево-балк., ног., алт., тув., *эртан* в узб. диал., *иртен* в хак., шор., бар., *иртан* в тат., башк., *эртең* в кирг., каз., ног., кара-калп., алт. языках в значении «утро, утром, наутро, поутру, рано утром; завтра, завтра утром» [3, с. 305-306]. Тот же корень *эр* мы обнаруживаем в слове *арзан* «дешевый, недорогой», где компонент *-зан* допускает сравнение со словом *зыян* «ущерб, вред, урон, убыток». Киргизское *зыян/зан* очень напоминает китайские лексемы 1) *xiàn/xiàn* (диал.) [сян/суан] «нести ущерб, наносить ущерб, вредить, губить, запутывать, вовлекать в, ловить в (ловушку); яма, впадина, провал, западня, ловушка; проступок, ошибка, промах»; 2) *xiǎn* [сян] «вредить, портить, пресекать путь, воздвигать преграды, создавать препятствия»; 3) *jiǎn/jiàn* [дзян] «экономить, экономный, бережливый, скудный, бедный, недостаточный; недостаток, неурожай, экономия, умеренность, бережливость»; 4) *jiǎn/xian* [дзян/сян] «уменьшать(ся), убавлять(ся), снижать(ся), сокращать(ся); уменьшенный, сокращенный, вычитать, отнимать, минус; портить, вредить, убивать, выводить из строя»; 5) *qiǎn* [тсиан] «терпеть урон (ущерб), быть притесненным, подпруга» (ср. кирг. *чыгым* «расход, ущерб, убыль, отход»). В китайском языке отмечается инициальное чередование *x-/j-/q-*, передаваемое киргизским звуком *з-*. Таким образом, есть основание считать, что в древнем языке архиформа слова *арзан* могла иметь значение «близкий к ущербу, к убытку» [2, с. 329].

В китайско-киргизских соответствиях обнаруживаются и случаи, когда китайский инвариант-слог соотносится с чередованием корневых гласных в киргизском языке. Например, слог *dùn* «варить на пару, тушить» имеет в киргизском языке аналог с чередующимися межконсонантными гласными: *дем-/дым-/дум-/дүм-* в словах: *дем* «дух, духота, вдох, выдох», *демде-/демдөө* «парить», *демдеме-/дымдама/дүмдөмө* (разг.) «пареный», *думугуу* «страдать от духоты, чувствовать удушье; страдание от духоты, чувство удушья», *дымы-/дымуу* «медленно кипеть, медленное кипение», *дымытуу/дымыктыруу* «заккрыть, наглухо закрыть (котел или кастрюлю, чтобы пар не выходил)». Ср. рус. *дым*. Необходимо отметить, что морфонологическую инвариантность мы обнаруживаем и киргизско-китайских соответствиях, когда киргизскому слогу в китайском языке соответствуют чередующиеся слоги. Чередование происходит также в его эквивалентах в других тюркских языках.

Китайские слова 1) *zhào* «колпак, чехол, капот; накидка, покрывало, плащ; (бамбуковая) плетенка, лукошко (садок для птиц), корзина (для ловли рыбы); покрывать, укрывать, окутывать; накладывать, надевать сверху, набрасывать, ловить корзиной (плетенкой)» 2) *zhē* «покрывать, закрывать, заслонять от, прикрывать, загораживать, затенять, преграждать, препятствовать» едины по инициальному звуку и общему значению, полисемантичны и обнаруживают этимологическую связь с целым рядом алломорфов киргизских корней, идентичных по происхождению: 1) *жап-/жабуу* «закрывать, покрывать, крыть», *жабуу* «покрывало, попона, чехол»; *жабдуулуу* «покрытый попоной»; 2) *жамын-/жамынуу* «укрывать, покрываться, закрываться, надевать на себя, носить одежду»; *жамынчы* «покрывало; то, чем покрываются, укрываются; защитник, покровитель»; 3) *чүмбөт* «женское покрывало (на лицо), чадра» *чүмбөт жаап* «накинув покрывало (на лицо)», *чүмкө-/чүмкөө* «укрывать, покрывать»; *чүмкөн-/чүмкөнүү* «покрываться, укрываться»; 4) *жоолук* «женский платок», *жагоо* «шарф, галстук»; 5) *чоо* «плетенка из прутьев для ловли рыбы (род верши, морды)»; 6) *чабыра* «большая корзина с открытым верхом, плетенная из прутьев, перегородка из прутьев для молодняка в сарае». Итак, мы имеем соответствие: *жап-/жаб-/жам-/чүм-/чаб-/жоо-/жаг-/чоо* = *zhào*, которое имеет много других аналогов в сравниваемых языках. Однако в данном случае мы можем говорить о чередовании инициальных звуков в двух языках, китайского дифтонга с киргизскими звукосочетаниями и долгими гласными, а также о частичном сингармонизме в киргизских примерах. Все виды этих морфонологических изменений имеют аналоги во многих других примерах.

В связи с этим интересно сопоставить китайский слог *tóu* и его рефлексии в киргизском языке. Китайское *tóu* выступает в качестве константы по отношению к киргизским переменным. Константная единица целостна и монолитна по форме, многозначна и вбирает в себя многочисленные семы с инвариантным значением. Ее киргизские эквиваленты разбивают формальное единство константы на смысловые части и представляют их в составе агглютинированных полиморфемных образований. Китайское *tóu* передает различные значения, дифференцированно оформляемые в киргизском языке.

1. Значение «голова»: *төбө* «макушка (головы)», *төбөл* «звездочка (на лбу животного)», *ак төбөл* «(животное) с белой отметиной на макушке», *токол* «безрогий, комолый; младшая жена (при многоженстве)». Здесь эквивалентами *tóu* выступают следующие начальные компоненты киргизских слов: *төб-* и *ток-*.

2. Значение «головной убор»: *топу/допу* «тюбетейка», *топучан* «в тюбетейке», *такыя* «девичья тюбетейка», *тумак* «мужская шапка», *тебетей* «мужская шапка»; *кеп такыя* «белая тюбетейка, надеваемая женщинами под элечек». В данном случае мы имеем соответствия: *tóu* = *тон-/дон-/тум-/теб-/так-*. В русском слове, заимствованном, вероятно, из тюркских языков, также *тюб-*. В слове *тебетей* вторую часть составляет формант *-тей*, который этимологически связан с китайским словом *dài* со значением «носить на голове, надевать на голову, накрываться сверху, носить головной убор».

3. Значение «вожак, главарь, шеф, руководитель»: *төбөл* «руководитель, начальник, шеф, высшее начальство, верхушка», *теке* «козел, вожак овечьего стада, козерог, горный козел». Здесь *tóu* = *төб-/тек-*.

4. Значение «круглая форма»: *топ* «мяч, группа, круг», *-топ* в слове *куртоп* (в говорах) / *куртап* (в узбекском языке) «шарик из творога», *топчу* «пуговица», *томолок/тоголок/тумалак* (в говорах) «круглый; шар, человек», *томук* «надколен-

ная чашечка», *томпок-/томпогой* «выпуклый, круглый (о лице, лбе)», *топ-томолок* «кругленький», *того* «кольцо (например, для связки ключей)», *томо-лон/тоголон-* «катиться, скатываться», *төгөрөк/тегерек* «круг, окружение, вокруг», *тегеректе-/төгөрөктө-* «чертить круг, окружать, округлять». В данном случае мы имеем соответствия с *tóu* следующие корни *топ-/тог-/тум-/төг-/тег-*. Эти киргизские алломорфы китайского слога легко сравниваются с аналогичными примерами из других тюркских языков. Значение «круг, круглый» имеют слова: древнетюркское *тегирми/тегирме*, азербайджанское, турецкое *дайирми*, чувашское *тавър-*, татарское *тәгәрә-*, якутское *тэҕири-*. В древнетюркском *тегирä* «вкруг, кругом», *тегирмән* «мельница», туркменском *тегелек* «круглый», турецких диалектах *теңермек* «катиться», *теңиришек* «круг, круглый» [3, с. 173]. В связи с этими примерами см.: ногайское *тогин*, татарское *дугим*, чувашское *тоғам* «обод», киргизское, телеутское *тоголок*, казахское *тоғалак*, хакасское *тоглак* «круглый», казахское *төңөрөк* «круг», *төңгүлөк* «колесо», тобольское *туңалък* «кольцо».

Эти примеры допускают сравнение со словами а) в монгольских языках: среднемонгольское *төгөриг*, монгольско-письменное *төгүриг*, калмыцкое *төгөрэг*, от глаголов монгольско-письменного *төгүри-/төгүре-*, калмыцкого *төги-* «окружать»; монгольско-письменное *тогури-/тогари-* «окружать», *дугуни/дугури* «кружиться», *дугуй* «колесо, круг», халха-монгольское *дугариг* «круглый»; б) в тунгусо-маньчжурских языках: евенкийское *тоңолло* «круг», *тоңолломо* «круглый», эвенское *тоңалра* «кольцо», *тоңаар* «петля, окружность», негидальское *тоңгуликин* «круглый», *тоңоло* «кольцо», орокское *тиңепке* «кольцо», удегейское *тоңо* «петля», орокское *тоңолто* «круг, петля» и т.д. Эти примеры мы сравниваем с среднекорейским *тоңкор-*, современным корейским *тоңголда/тунгилда* «круглый», которые очень напоминают киргизские слова *дөңгөлөк* «колесо», *төңкөрүү* «опрокинуть», *төңкөрүш* «опрокинуть, переворот» [4, с. 41]. Как видим, число алломорфов китайского корня *tóu* в алтайских языках значительное: *тэг-/тог-/төг-/тег-/тек-/дуг-/дай-/төң-/дөң-/тиң-/туң-/тең-/тоң-/тав-/тум-*. В этом случае признается архетипичность китайского слога и производность алтайских признаков инвариантного значения «круг». Здесь возможно и иное понимание данной корреляции: китайский корень является вторичным по отношению к вариантам и вариациям номинанта круга и «сжато», экономно передает соответствующее значение в рамках многозначного слога.

5. Значение «конец, предел, окончание»: *түгөт-* «окончить, закончить, довести до конца», *түгөн-* «кончатся, иссякать», *түгөт* «небрежливый, расточитель», *токто-/токтоо* «остановиться», *токто-/токтомуу* «остановить», *токтоо* «сдержанный, спокойный», *токтом* «постановление, заключение», где *tóu* = *ток-/түг-*.

6. Значение «вершина, верхушка, верх»: *тоо* «гора, вершина», *дөбө/төбө* «холм, возвышенное место», *дөбөлө-/дөбөлөө* «наложить кучу, груды, навалить горой».

7. Служебный компонент *-tóu* после основы прилагательного суффикс существительных, обозначающих людей, чаще всего с оттенком неодобрения, презрения; *-toi* словообразовательный суффикс существительных, обозначающих предметы округлой или цилиндрической формы; *-toi* словообразующий суффикс имен существительных, обозначающих некоторые части тела или лица; *-toi* словообразовательный суффикс имен существительных, обозначающих единицу времени; *-toi* словообразующий суффикс существительных и наречий места [1, с. 453].

Таким образом, многозначный слог *tóu* имеет в киргизском языке разнообразные функциональные соответствия с финальными *əbə/ебе/омо/ого/əgə/еге/опу/ок/ак/ап/оп/ом*, но с устойчивой инициальной на *t-*. Такие соответствия в финальной части слогов не единичный случай и встречаются во многих других примерах.

На основе вышеизложенного мы приходим к выводу о том, что корневые и суффиксальные морфемы киргизского языка (как и других тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков) представляют собою неустойчивую, легко трансформируемую и варьируемую систему, которая противопоставляется константному характеру фонетического облика китайской морфемы.

Список литературы

1. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. – Бишкек, 2016. – 768 с.
2. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Смысловое строение киргизских словосочетаний с точки зрения китайского языка // Языки в диалоге культур. – Бишкек, 2017. – С. 329-333.
3. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) – М.: Изд-во АН СССР, 1974. – 318 с.
4. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. – М., 1991. – 298 с.
5. Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. – Л.: Наука, 1957. – 181 с.

КОРРЕЛЯЦИЯ МОРФЕМ И ИХ АЛЛОМОРФОВ В РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Зулпукаров К.З.

доктор филологических наук, профессор,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

Амиралиев С.М.

кандидат филологических наук, доцент,
Ошский государственный университет, Киргизия, г. Ош

В статье сравниваются отдельные факты китайского, киргизского и узбекского языков в рамках ностратики. В ней сингармонизм определяется как один из продуктивных способов звукового видоизменения производных слов в родственных языках. Показано, что в несингармонических китайском и узбекском языках чередование киргизских морфем соотносится с фонетически неварьируемыми единицами.

Ключевые слова: сингармонизм, родственные языки, морфема, алломорфы, единство инварианта и его вариантов.

Термин сингармонизм, как известно, имеет греческое происхождение. Он состоит из префикса *syn* «вместе» и слова *harmonia* «созвучие». С его помощью обозначается морфонологическое явление, состоящее в единообразном вокалическом (иногда консонантном) оформлении слова как морфологической единицы.

В языках, где действует закон сингармонизма, в структуре слова особую значимость приобретает корень как независимый доминирующий компонент, который предопределяет фонетический облик последующих аффиксов как зависимых

компонентов слова. Сингармонизм приводит к единообразию звучания слов в языке. По тому, какой фонологический признак является основой сингармонизма, различаются 1) тембровый сингармонизм (по признаку ряда); 2) лабиальный сингармонизм (по огубленности); 3) компактный сингармонизм (по подъему или расцвету). Иногда встречаются случаи совмещения двух типов сингармонизма – тембрового и лабиального.

Сингармонизм присущ главным образом агглютинативным языкам, где он обеспечивает целостность и отдельность словоформы, действуя как «цементирующее» средство (И.А. Бодуэн де Куртенэ), и в этой функции он соотносится с ударением в индоевропейских языках.

В киргизском языке в употреблении гласных в соседних слогах и в составе слова в целом существует строгое ограничение по признаку их палатальности (ряда) и лабиальности. Эти ограничения носят последовательный, твердый характер и представляют собой специфический закон, обеспечивающий созвучие любого киргизского слова. Палатальная (небная) гармония гласных универсальна, не терпит исключений, оказывая влияние на произношение соседних согласных звуков, приспособляя их к своему звучанию. Например, сравнивая примеры *келгендерге* «тем, которые пришли» и *көргөндөргө* «тем, которые увидели», можем сказать, что корневые морфемы *кел-* «прийти» и *көр-* «увидеть» уподобляют себе звучание всех трех аффиксов по признакам переднерядности, лабиальности/нелабиальности, в отличие от примеров *калгандарга* «тем, которые остались» и *болгондорго* «тем, которые были/присутствовали», где аффиксальные морфемы обладают признаками непереднерядности и лабиальности/нелабиальности. Необходимо отметить, что согласные звуки в последних двух примерах произносятся твердо, имеют самостоятельный фонологический статус и аналогичные звуки в других тюркских языках (например, в казахском и узбекском) передаются отдельными графическими знаками. Гармония гласных в киргизском языке вызывает соответствующие изменения в артикуляции согласных в пределах данного слова. По закону сингармонизма в одном слове могут быть или гласные только переднего, или заднего ряда, отсюда согласные в каждом слове должны быть или только мягкими, или только твердыми. Таким образом, в составе слова гармонируют по признаку палатализованности не только гласные, но и согласные.

В киргизском языке сингармонизм представляет собой полную прогрессивную ассимиляцию и обуславливает созвучие гласных и согласных по всей длине состава слова. На этом основании можем считать, что этот закон носит комбинированный характер и определяет фонетический облик киргизского слова в целом.

Своеобразие киргизского сингармонизма проявляется в каждой морфологической категории. В качестве примера сошлемся на признак множественного числа в этом языке. Есть все основания считать, что соответствующая аффиксальная морфема как абстрактная единица обобщает употребления следующего множества алломорфов: *-дар, -дер, -дор, -дөр; -тар, -тер, -тор, -төр; -лар, -лер, -лор, -лөр*. Ни один из этих вариантов морфемы не является продуктивным, распространенным и поэтому доминирующим. Все они равноправны и равнозначны. Выбор того или иного варианта в каждом конкретном случае прямо зависит от качества конечного звука основы и от качества гласного конечного слога основы. Если конечный слог основы имеет гласные *е* и *и*, то морфема реализуется в вариантах *-дер, -тер, -лер*, если конечный слог имеет гласные *а* и *ы*, то морфема множественного числа необходимо приобретает разновидности *-дар, -тар, -лар*. Соответственно гласные *о* и *ө*

в конечном слоге предполагают выбор алломорфов 1) *-дор, -тор, -лор* и 2) *-дөр, -төр, -лөр*.

Основы с конечными глухими согласными требуют выбора алломорфов *-тар, -тер, -тор, -төр*, с конечными звонкими – алломорфов *-дар, -дер, -дор, -дөр*, с конечными гласными и *й* – алломорфов *-лар, -лер, -лор, -лөр*. Таким образом, двенадцать разновидностей аффиксальной морфемы множественного числа выступают как ее видоизмененные, взаимнодополняющие и невзаимозаменяемые варианты. Каждый из этих вариантов выбирается и употребляется говорящим в определенных условиях. Эти условия заключены в конечной части основы. Именно качество конечного звука (согласный или гласный, звонкий или глухой, лабиализованный или нелабиализованный и т.д.) диктует выбор варианта морфемы.

Во всех учебных и научных грамматиках киргизского языка в качестве эталона (инварианта) рассматривается алломорф *-лар*. До сих пор не обосновано, почему этот алломорф наделен таким статусом. Вероятно, в данном случае определенную роль сыграл прототипический характер этого алломорфа. Ведь в узбекском литературном языке, например, мы встречаем аффиксальную морфему множественности *-лар*, представленную в единственном варианте. В этом языке инвариант и вариант выступают как фонетически тождественные единицы, в отличие от киргизского языка, где абстрактная аффиксальная морфема множественного числа видоизменяется и представлена в двенадцати своих разновидностях с общей семантикой. Ср., например:

- 1) *адам-дар* «люди», *кыз-дар* «девушки, девочки»;
- 2) *эл-дер* «народы», *из-дер* «следы»;
- 3) *короз-дор* «петухи», *кол-дор* «руки»;
- 4) *көз-дөр* «глаза», *көл-дөр* «озера»;
- 5) *ат-тар* «лошади», *ак-тар* «белые»;
- 6) *ит-тер* «собаки», *мектеп-тер* «школы»;
- 7) *от-тор* «огни», *ок-тор* «пули»;
- 8) *сөөк-төр* «кости», *өрдөк-төр* «утки»;
- 9) *ата-лар* «отцы», *жарды-лар* «бедняки»;
- 10) *эне-лер* «матери», *ийне-лер* «иголки»;
- 11) *ой-лор* «мысли», долины», *ороо-лор* «ямы»;
- 12) *көйгөй-лөр* «проблемы», *бирөө-лөр* «какие-то люди» и т.д.

Чтобы быть отнесенными к одной морфеме, члены данного множества аффиксов должны обладать функциональной общностью. Такой общностью выступает значение не-единственности, т.е. множественности. Все узбекские эквиваленты приведенных киргизских примеров имеют морфему *-лар*, реализуемую в одном варианте и тождественную самой себе: *одам-лар, киз-лар, из-лар, от-лар* и т.д. В киргизском языке алломорф *-лар* выступает как эталон, как инвариант по отношению к другим вариантам. Повторяем: все варианты одной морфемы равнозначны. Ни один из них не обладает свойством доминировать над другими. Только алломорф *-лар* принят в качестве эталона, выполняя функцию инварианта. Как видим, **двенадцати алломорфам киргизской морфемы в узбекском языке соответствует одна неварьируемая морфема**. Именно этим своеобразием узбекского языка можно объяснить его легкую усвояемость представителями других этносов.

В приведенных выше примерах из двенадцати алломорфов аффикса множественности в соответствии с требованиями гармонии звуков мы использовали только четыре единицы: *келген-дер-ге* «тем, которые пришли», *көргөн-дөр-гө* «тем,

которые увидели», *калган-дар-га* «тем, которые остались», *болгон-дор-го* «тем, которые были/присутствовали». Каждый из этих алломорфов занимает интерпозицию относительно препозитивного причастного аффикса и постпозитивного аффикса дательного падежа, фонетически уподобляется гласным звукам предшествующей части словоформ и конечному сонорному согласному и уподобляет себе звучание конечной падежной морфемы. Данная особенность созвучия киргизских слов оказывает влияние на фонетическую структуру заимствованных слов (ср. например, русское *купец* – киргизское *көпөс*, русское *почта* – киргизское *почто*, где губные гласные первого слога в русских словах передаются губными в киргизских заимствованиях, уподобляющими себе негубные гласные второго слога), гармонизирует неидентичные гласные слов родственных языков (азербайджанское *бормак* – киргизское *бармак* «палец», *дован* – *таман* «ступня», туркменское *бойдак* – киргизское *бойдок* «холостой», *жорга* – *жорго* «иноходец», башкирское *ырыу* – татарское *ыру/ыруг* – киргизское *уруу/урук* «род»), отражается также в современных рефлексиях древних слов, общих для алтайских и тюркских языков (калмыцкое *аарин* «сгущенное молоко» – киргизское *айран* «кислое молоко, кефир», *босха* – *босого* «порог», *солхач* – *сологой* «левша», монгольское *хүлэг* «скакун, рысак» – киргизское *кулук* «скакун, скаковая лошадь» и т.д.). Во всех случаях киргизские примеры имеют созвучные гласные и согласные в рамках сингармонизма.

Аналогичное соответствие мы находим и в киргизско-китайских общих словах. В китайском языке имеются продуктивно употребляемые слоги с модальным значением 1) *gāi* «быть должным, надлежать, быть необходимым (нужным); необходимо, нужно, должно, следует; должно быть, по-видимому, возможно, вероятно, наверное, надо полагать, не иначе как; заслуживать, стоить, требовать, быть достойным, годиться, подходить для (к), соответствовать; заслуживающий, достойный; брать в долг, задолжать, быть должным; подлежащий, заинтересованный, соответствующий, данный, вышеупомянутый»; 2) *gài* «(перед глагольным сказуемым) вероятно, по-видимому, должно быть», которые соответствуют в киргизском языке 1) двум частицам *гой/кой* «ты (-ка), тебе нужно, ты должен» и *гойгула/койгула* (мн.ч.) «вы (-ка), вам нужно, вы должны»: *бара гой* «сходи-ка», *барып кой* «посети обязательно, ты должен сходить/посетить», *бара гойгула* «сходите-ка», *барып койгула* «сходите/посетите обязательно»; 2) глагольным модальным суффиксом с варьируемыми начальными согласными и интерконсонантными гласными *-гай*, *-гей*, *-гой*, *-гөй*, *-кай*, *-кей*, *-кой*, *-көй*. Выбор того или иного алломорфа данного суффикса зависит от качества конечных гласных и согласных звуков корня. Этот суффикс, присоединяемый к глагольной основе, встречается почти во всех тюркских языках. Ср. один из алломорфов этого аффикса в тувинском языке, имеющего согласительное (позволительное) значение: *көргей мен* «ладно, я посмотрю», *көргей сен* «ладно, ты посмотришь», *көргей* «ладно, пусть посмотрит», *көргей бис* «ладно, мы посмотрим», *көргей силер* «ладно, вы посмотрите», *көргей(лер)* «ладно, посмотрят».

В этих примерах суффикс *-гей* передает модально-согласительный смысл и входит в парадигму суффикса как ее элемент (*-гай*, *-гөй* и т.д.). Ср. также хакас. *алгаймын* «ладно, возьму», *полгайбын* «ладно, буду», кара-калп. *көргеймин* «увиджу», *көргейсиз* «увидите», уйг. *ба(р)гайман* «пойду», *ба(р)гайсан* «пойдешь». В последних двух языках отмеченный суффикс имеет значение будущего времени с желательным оттенком. В киргизском же языке данная суффиксальная парадигма имеет явно выраженное значение желательности ожидаемого действия: *баргай эле* «жела-

тельно, что бы он посетил/сходил», *жеткей эле* «желательно, чтобы он догнал/дошел/доехал», *өткөй эле* «желательно, чтобы он прошел/проехал/перешел/переехал» и т.д. Как видим, в тюркских языках модальный суффикс занимает постпозицию относительно глагола. В ханью *gāi* располагается перед глагольным слогом со значением желательного действия: *gāisǐ* «чтобы ты сдох! чтобы тебе (ему, ей) пусто было! черт тебя (его, ее) побери/возьми! проклятие!» [4, с. 278], где *sǐ* обозначает «смерть, умереть, помереть, погибнуть, гибель, пасть, издохнуть, околеть» [4, с. 855]. Это не означает, что во всех случаях китайские слова имеют в киргизском языке варьируемые эквиваленты. Когда китайским словам соответствуют киргизские неаффиксальные, корневые морфемы, чередование в них не происходит. Например, китайское слово *gǎi* «изменяться, переменяться к, исправляться; изменять, переменять, исправлять; улучшать, править; переделывать; пере-, ре-, реформа, преобразование» (*gǎizào* «перестраивать, реконструировать, преобразовывать, перековывать; реконструкция, перестройка, перековка, переустройство, преобразование», *gǎigé* «реформировать, обновлять, преобразовывать, исправлять, изменять; реформа, обновление, преобразование, исправление, изменение», *gǎimíng* «переименовать, переименование») имеет в киргизском языке эквивалент в виде корня *кай-*, встречающегося в словах: 1) *кайта/кайтадан/кайра* «опять, снова, повторно, обратно», *кайра тарт* «возвращайся», *кайра басылыш* «переиздание», *кайра кароо* «пересмотр, пересмотреть», *кайра уюштуруу* «реорганизация, реорганизовать; преобразование, преобразовывать»; *кайра куруу* «перестраивать, перестройка»; 2) *кайтала-/кайталоо* «повторять, делать повторно, повтор, повторение», *кайтар-/кайтаруу* «возвращать, отправлять назад, делать повторно; возвращение, отправка назад», *кайтыш* «возвращение, возврат, смерть (т.е. возвращение в иной мир)»; *кайыр-/кайтар//кайруу/кайтаруу* «отворачивать, поворачивать, возвращать, вернуть; отворот, поворот, возврат, возвращение». Как видим, в начальной позиции киргизская морфема самостоятельна, не подвергается чередованию и диктует свои условия фонетическому оформлению последующих аффиксальных морфем.

Соотношение межъязыковых инварианта и вариантов наглядно демонстрируется и на других примерах. Китайское слово с модальным значением *gǎn* «смечь, осмеливаться, решаться, дерзать; мочь, уметь (ср.-кит.), дерзкий, дерзновенный, безрассудно-отважный; конечно, непременно, точно, наверняка; видимо, вероятно, наверное, не иначе как; оказывается, в общем; ну! ну-ка!» по значению и звуковому облику обобщенно коррелируется с киргизским суффиксом *-ган, -ген, -гон, -гөн, -кан, -кен, -кон, -көн* со значением результативности и осуществленности действия в прошлом, выражаемого глагольной основой. Как известно, прошедшее результативное время на *-ган, -ген* ... «характерно для кыпчакских и карлуко-уйгурских языков, а также для всех языков Сибири и Алтая, кроме якутского» [5, с. 92]. Это очень распространенная форма глагола. Ср. употребление рассматриваемого суффикса в киргизских лично-глагольных парадигмах результативности в форме только первого лица единственного числа: *алганмын* «я получил», *бергенмин* «я отдал», *көргөнмүн* «я увидел», *болгонмун* «я был», *айтканмын* «я сказал», *өткөнмүн* «я прошел, перешел», *кеткенмин* «я ушел», *коркконмун* «я побоялся» и т.д. В этих примерах алломорфы рассматриваемого суффикса занимают интерпозицию относительно корня и лично-глагольного аффикса первого лица единственного числа и имеют тождественный смысл, выступая в качестве признака уже осуществленного действия. Качество начальных согласных суффикса зависит от звонкости и глухо-

сти конечных согласных основы, качество гласных суффикса – от требований гласных звуков основы.

Во всех случаях рассматриваемый суффикс передает значение прошедшего времени. А результативность действия в прошедшем времени, известная говорящему, соотносительна с семами «конечно, непременно, точно, наверняка; видимо, вероятно, наверное, не иначе как; оказывается, в общем ...» в системе значений китайского слова *gǎn*. На этом основании мы можем говорить об этимологической идентичности китайского слова *gǎn* и киргизского суффикса, реализуемого в алломорфах *-ган, -ген, -гон, -гөн, -кан, -кен, -кон, -көн*. В связи с этим необходимо отметить фонетическую аналогию между китайским словом и узбекским суффиксом *-ган/-кан*, которые имеют одинаковый гласный звук и отличаются друг от друга только по начальному консонантному элементу. Узбекский суффикс имеет два алломорфа, зависящих от качества конечного звука основы: алломорф *-ган* присоединяется к основе с конечным гласным или звонким согласным, алломорф *-кан* – к основе с конечным глухим согласным. Например, *ишлаганман* «я работал», *билганман* «я знал», *экканман* «я сеял», *сотканман* «я продавал» и т.д. Как видим, факты узбекского языка служат как бы мостом, связывающим фонетически не варьируемую лексическую единицу ханью и восьмивариантную алломорфную систему киргизского языка.

Китайский слог *dài* «похоже, как будто, как будто бы, словно, вероятно, пожалуй, почти, приближаться» этимологически идентичен с киргизским сравнительным суффиксом *-дай, -дей, -дой, -дөй, -тай, -тей, -той, -төй* [2, с. 664-666; 3, с. 310].

Рассматриваемая морфема имеет значения «как, подобно, наподобие, такой же как, вроде; словно, будто (бы), как будто, как бы; подобный, сходный, идентичный, одинаковый». В киргизском языке она варьируется в зависимости от качества конечного звука слова и слога:

1) вариант *-дай* присоединяется к основе с конечным звонким согласным и слогом на гласные *а, у* и *ы*: *кардай* «как снег», *баладай* «как ребенок», *аарыдай* «как пчела»;

2) вариант *-тай* присоединяется к основе с конечным глухим согласным и слогом на гласные *а, у* и *ы*: *аттай* «подобно лошади», *жаттай* «как чужой», *мыктай* «как гвоздь, лучший»;

3) вариант *-дей* присоединяется к основе с конечным звонким согласным и слогом на гласные *э* и *и*: *сендей* «как ты», *бээдей* «подобно кабыле»;

4) вариант *-тей* присоединяется к основе с конечным глухим согласным и слогом на гласные *е* и *и*: *иттей* «как собака», *чептей* «подобно крепости, как крепость»;

5) вариант *-дөй* присоединяется к основе с конечным звонким согласным и слогом на гласные *ө* и *ү*: *көөдөй* «как сажа», *үйдөй* «как дом, вроде дома»;

6) вариант *-төй* присоединяется к основе с конечным глухим согласным и слогом на гласные *ө* и *ү*: *чөптөй* «как трава», *көктөй* «подобно небу», *көбүктөй* «подобно пене»;

7) вариант *-дой* присоединяется к основе с конечным звонким согласным и слогом на гласный *о*: *койдой* «как баран», *ороодой* «как яма»;

8) вариант *-той* присоединяется к основе с конечным глухим согласным и слогом на гласный *о*: *октой* «стрелой, как стрела», *оттой* «как огонь, подобно огню».

Эти примеры мы приводим не только для демонстрации продуктивности аффикса сравнения в языке, зависимости его варьирования от типичных условий и

роли вариантов суффикса в определении границ между словами, но и для показа того, что эта частотная аффиксальная морфема имеет аналог-слог в ханью.

Следует отметить, что данный суффикс соотносится с послелогоми и суффиксами в других тюркских языках: в виде *дек* в туркм., уйг., *дег* в карагас., тув., *дей* в алт., туркм., *тег* в сарыг-югур., др.-тюрк., *тей* в туркм. диал., *тый/дый/дий/дыг/диг* в алт. диал., *тейин/дейин* в туркм. диал., *дайын* в крым.-татар., *teki* в тур. диал. и т.д. В киргизском языке она выполняет функцию словоизменительного аффикса. Мы называем ее формой сравнительного падежа, следуя традиции, которая восходит к морфологической концепции В.В. Радлова, развиваемой в трудах целого ряда тюркологов (Е.Д. Поливанов, В.М. Насилов, Н.П. Дыренкова, К.К. Сартбаев, Г.И. Рамстедт, В.Л. Котвич, М.З. Закиев, Э.Р. Тенишев, Е.И. Убрятова, Г.Г. Фисакова, К.С. Кадыраджиева, А.М. Щербак и др.). [1, с. 183-184, 247-248]. И здесь мы имеем дело с инвариантом китайского языка, обобщающим алломорфы тюркских признаков сравнительного значения.

Китайское слово *shè* «язык, речь» по форме и значению напоминает киргизский суффикс с алломорфами *-ча, -че, -чо, -чө*, употребляемый в значении «язык, способ передачи сообщений». Ср. *кыргызча-орусча сөздүк* «киргизско-русский словарь», где значение аффикса *-ча* прозрачно, но в русском наименовании оно специально не выражается, передается в общем контексте; *түркмөнчө* «по-туркменски», *өзбекче* «по-узбекски», *монголчо* «по-монгольски». А казахский суффикс *-ша/-ше* фонетически связывает неварьируемое китайское слово с четырехалломорфным киргизским суффиксом.

Китайские слоги *chā/chà* «сравнительно, более или менее, довольно, относительно, в некоторой мере, до известной степени, в общем, примерно, как будто, может быть, почти, чуть не, вот-вот» и *zhé* «равняться, соответствовать, по цене, по паритету (курсу), сообразно, соразмерно, соответственно» этимологически, вероятно, тоже связан с киргизским суффиксом *-ча, -че, -чо, -чө* «равный, равняться, соответствующий, соответствует, как», употребленным в уравнительном значении в примерах: *бою менче* «ростом равняется со мной, ростом как я» (*мен* «я», *менче* «как я»), *кирешеси бизче эмес* «(его) доход не равняется с нашим, (его) доход не такой, как наш; (его) доход не соответствует нашему» (*биз* «мы», *бизче* «как мы, как у нас»), *айлыгым кеткен мээнетимче эмес* «моя зарплата не соразмерна вложенному труду». Мы не считаем данные словоформы наречными образованиями вопреки традиционной точке зрения, а формами уравнительного падежа [1, с. 183-184, 247-248].

Значение уравнительности свойственно и другим китайским слогам: 1) *zhé* «равняться, соответствовать, по цене, по паритету (курсу), сообразно, соразмерно, соответственно»; 2) *chā/chà* «сравнительно, более или менее, примерно, как будто, может быть, почти»; 3) *rú* [жу] «походить на, быть похожим на, быть схожим с, уподобляться; быть таким же, как; соответствовать, отвечать, сообразоваться с; равняться, равно; похоже, кажется, как будто, будто, словно, наподобие; подобно тому, как; соответственно, согласно, по, или, либо»; 4) *rě/ruò* [же/жуо] «быть схожим с, уподобляться; похоже, как будто, кажется, пожалуй, приблизительно, примерно, наподобие; подобно тому, как; как если бы, будто, или, либо, или-или, либо-либо», которые тоже формально и семантически очень похожи на приведенный выше киргизский уравнительно-сравнительный суффикс. Ср.: *бою менче* «ростом с меня, как я» (*мен* «я»), *корозчо кыйкырат* «кричит как петух» (*короз* «петух»), *жыйырмача адам* «человек двадцать, примерно двадцать человек» (*жыйырма*

«двадцать»). Разделительное значение китайских слогов позволяет нам сравнивать их с киргизским разделительным союзом *же*. В этом же значении употребляются и другие китайские слоги *zhī* и *shì*, занимая место впереди глагола и соответствуя по значению киргизскому союзу *же*. Ср. примеры: *Nǐ shì hē chá háishì ai hē kāfēi?* – *Сен чайды жакшы көрөсүңбү же кофениби?* «Ты любишь чай **или** кофе?». Здесь *shì* = *zhī/rú/ruò* [жу/жуо] «или, либо».

Таким образом, китайскому и узбекскому языкам чуждо явление сингармонизма. Трансформы киргизских суффиксальных морфем соответствуют в них устойчивым, консонантным единицам, выступающим в качестве обобщенного инварианта по отношению к алломорфам.

Список литературы

1. Зулпукаров К.З. Падежная грамматика: теория и прагматика. – Санкт-Петербург – Ош, 1994. – 317 с.
2. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. – Бишкек, 2016. – 768 с.
3. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Протеза в киргизско-китайских лексических соответствиях // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. – М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 307-312.
4. Китайско-русский словарь / Сост. Чжу Имин, Яо Иэнь и др. – М.: Вече, 2008. – 1280 с.
5. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). – Л., 1981. – 183 с.

К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ АВАРСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Иманмагомедова Э.А.

ассистент кафедры иностранных и латинского языков,
Дагестанский государственный медицинский университет, Россия, г. Махачкала

В статье дается характеристика аварской общественно-политической терминологии на предмет ее принадлежности к различным тематическим группам, в которых слова объединяются на основе общности сферы употребления. Отмечается, что по сравнению с другими лексико-семантическими группами, общественно-политическая лексика имеет значительный объем и отличается от них тематической разнообразием и широтой сферы функционирования.

Ключевые слова: термин, имя, семантика, тематическая группа, классификация, словарная единица, общественно-политический.

Неисчислимость словарного состава языка и разные типы связей, существующие между лексическими единицами, не дают возможности четко определить различные типы лексических объединений, включая и тематическую группу, которая в языковедческих работах понимается неоднозначно. Неодинаковые подходы к системным взаимоотношениям в лексике, которая является неисчислимой, привели к расхождению в определении лексических объединений, а также к трудностям в определении собственно понятия "тематическая группа".

Распределение общественно-политического терминологии по тематическим группам, отображающим разнообразные области гуманитарных знаний, представляет собой одну из важнейших форм классификации терминологического лексикона. Под тематическими группами подразумевается объединение слов, чья совокупность обусловлена схожестью обозначаемых ими понятий и сходством языковых признаков.

Ф.П. Филин, одним из первых, использовавший термин "тематическая группа", понимал под этой дефиницией "группу слов, объединённых на основе классификации самих реалий, а не лексико-семантических связей. Замена одного из слов тематической группы другим с течением времени не приводит к изменению в значении, стилистической окраске слов той же группы, что свидетельствует о почти полном отсутствии семантических связей между словами группы в языке на данном этапе его развития" [9, с. 526].

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой можно найти иное определение термина "тематической группы": "ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному (стержневому) семантическому содержанию, т.е. по принадлежности к одному и тому же семантическому полю" [1, с. 118]. Необходимо обратить внимание на то, что в данном определении исследователь использует термины "семантическое поле" и "тематическая группа" как вполне параллельные, однако это, как свидетельствуют более поздние изыскания, не совсем правильно.

О практически полном отсутствии каких-либо семантических связей между членами отдельных тематических групп утверждала, в частности, А.А. Уфимцева, исходя из того, что изменения в составе членов тематической группы или изменения их семантики не отражаются на значении других её членов [7, с. 173].

Согласно мнению Л.М. Васильева, позиция которого нам более близка, к тематическим объединениям следует причислять лишь "такие классы слов, которые объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой, но общая идентифицирующая сема для них не обязательна" [3, с. 110].

Итак, под тематической группой понимают группирование слов в силу сходства или общности функций обозначаемых словами предметов и процессов в одном и том же или разных языках, объединённых по чисто номинативной, а не сигнификативной стороне слов [7, с. 133].

Главным принципом, которым исследователи обычно руководствуются при распределении общественно-политической терминологии в тематических группах, является принцип функционально-семантического поля, при котором термин связывается с той или иной темой по смыслу и его функционирование закреплено за определенной предметной областью. В качестве еще одного принципа можно назвать сочетательный, при котором тематическая отнесенность тех или иных терминов определяется контекстуально.

Относительно группирования общественно-политической терминологии, следует отметить, что, по единодушному мнению исследователей, политические науки, как правило, входят в число общественных наук, а значит, политические термины входят в состав общественных терминов. Все данные термины обозначают научные понятия в той же мере, что и так называемые научно-технические термины; разница заключается только в том, что первые обозначают понятия общественных наук, а вторые – понятия естественных и технических наук [10]. Следовательно, если стремиться к определенной точности, то термины следовало бы

подразделять по направлениям наук: общественные, естественные и технические, то есть говорить об общественной или технической терминологии, но вовсе не об общественно-политической или научно-технической.

Тем не менее, термины общественных наук имеют ряд характерных признаков, которые противопоставляются терминам естественнонаучным и техническим: 1) прямая, явно выраженная зависимость терминов общественных наук от определенной теории, определенной системы взглядов. В терминах социальных наук она входит в их содержательную структуру; 2) своеобразная реализация признака системности. Наряду со сложившимися подъязыками, отражающими законченные теории, имеются такие области знания, для которых еще не построены системы понятий; 3) наличие терминов с размытыми границами обозначаемых ими понятий, например, терминов, обозначающих общие понятия социального характера; 4) более широкое развитие синонимии и многозначности, чем в терминосистемах естественных и технических наук; 5) включение оценочного фактора в семантику терминов [4].

Справедливо суждение о том, что группирование терминологических единиц по тематическим сферам дает возможность установить удельный вес данных групп в словарном составе, определить соотношения исконных и заимствованных словарных единиц, дать ответ на ряд иных лексикологических проблем. Придерживаясь данного взгляда на проблему, полагаем, что систематизация терминологической лексики, распределение ее по тематическим группам является одним из важнейших эффективных методов исследования ее функционального статуса, который позволяет четко показать содержательную сторону изучаемого пласта лексики.

Важно отметить, что невозможно четко разделить общественно-политическую лексику на лексику общественную и политическую, т.к. в настоящее время политика может проникать во все области социальной сферы и оперировать в своих методиках любыми языковыми жанрами. В таком случае можно предложить несколько условную классификацию, в рамках которой под лексикой общественного дискурса понимаются слова, которые описывают социальные явления, однако не входят в собственно политический дискурс (**мажлис** 'собрание', **аскар** 'войско', **бетлергъан** 'собственник', **ижарачи** 'арендатор', **ватлан** 'родина', **багъабачари** 'бунт', **миллат** 'национальность', **байрахъ** 'флаг', **багъари** 'движение', **бахларчилъи** 'героизм', **даран-базар** 'торговля', **жаза** 'санкция', **законияб буклин** 'законность', **эркенлъи** 'свобода', **ритлухълъи** 'справедливость', **идара** 'управление', **экономика**, **полиция**, **репрессия**, **революция**, **конституция**, **диктатура**), а непосредственно политической лексикой следует понимать наименования политических идеологий, партий, движений (**миллатчилъи** 'национализм', **миллатчилъи** 'национализм', **аскетлъи** 'аскетизм', **космополитлъи** 'космополитизм', **антисемитлъи** 'антисемитизм', **бюрократлъи** 'бюрократизм', **дворянлъи** 'дворянство', **сектантлъи** 'сектантство', **хъазахълъи** 'рабство' **демократизм**, **демократ**, **либерализм**, **либерал**, **социализм**, **анархизм**, **коммунизм**, **коммунист**, **фашизм**, **фашист**, **реформизм**), номенклатурные названия должностей чиновников законодательной, исполнительной и судебной властей (**визир** 'министр', **назир** 'управляющий', **амир** 'начальник', **вакил** 'уполномоченный', **амручи** 'повелитель', **бегавул** 'аульский староста', **бетлер** 'руководитель', **илчи** 'посол', **хъулухъчи** 'чиновник', **министр**, **президент**, **делегат**, **губернатор**, **депутат**, **прокурор**, **судья**) и т.п.

В сравнении с другими лексико-семантическими группами, общественно-политическая лексика имеет значительный объем и отличается от них тематиче-

ской разнообразием и широтой сферы функционирования. Это очень открытая система, постоянно пополняющаяся единицами других лексических разрядов. Поэтому в лингвистической практике нет единой общепризнанной дефиниции исследуемой категории слов, отсутствует единодушие во мнениях языковедов относительно толкования состава, пределов и критериев выделения общественно-политического словаря.

Так, одни ученые относят к анализируемому слою лексику наименования из области политики, социологии, политэкономии и философии [6], другие добавляют также и термины из сферы юриспруденции, истории, военного дела [2, 9], третьи считают необходимым включать в общественно-политический словарь также и религиозную лексику [11, 5].

Стоит отметить, что одной из предпосылок исследования лексического словаря является распределение языковых единиц на семантически связанные тематические группы, в которых слова объединяются общей темой, которая отображает определенную коммуникативную ситуацию. На основе иерархической структуризации тематические группы мы последовательно распределяем на подгруппы от более широких к более узким категориальным значениям. Такое разделение является удобным рабочим приемом, который позволяет сосредоточить внимание на тематически схожей совокупности лексем и обстоятельно исследовать их структурно семантические и функциональные особенности.

Выделение тематических групп в рамках общественно-политического словаря является в некоторой степени условным, продиктованным необходимостью упорядочения и систематизации фактического лексического материала. Ведь в политической науке содержание и объем таких понятий, как, например, "государство и политика", "государство и общество", "государство и право", "политика и экономика" и т.д. частично пересекаются, свидетельствуя о сложности системы общественного устройства и создавая определенную дисперсию между тематическими группами.

Большинство классификаций общественно-политической терминологии осуществлено по семантическому или тематическому принципу. Поскольку в авароведении подобных классификаций не существуют, мы, обобщив опыт предшественников, попытались создать определенный рубрикатор общественно-политической терминологии современного аварского языка с последующим его использованием для структуризации лексической подсистемы.

Исходя из этого, весь пласт общественно-политических терминов аварского языка, который включает в себя около 850 словарных единиц, распределен нами по следующим сферам употребления:

1. Административно-политическая терминология, куда входят номенклатурные наименования лиц (государственных служащих), учреждений, организаций, органов власти, территорий, наименования политических партий и других политических движений (около 350 слов).
2. Культурологическая, социологическая, философская терминология, которые тематически примыкают к общественно-политической группе, и обозначают реалии, имеющие значительную общественную значимость (около 200 слов).
3. Религиозная терминология (около 150 слов).
4. Правовая терминология (около 100 слов).
5. Военная терминология (около 50 слов).

Классификация общественно-политической терминологии в аварском языке по сферам ее употребления, показывает, что, кроме слов собственно политического

дискурса, включающих в себя подклассы идеологических течений, номенклатурных наименований служащих, ведомств, территорий, в рассматриваемую нами словарную парадигму входят также некоторые термины права, экономики, наименования религиозных направлений, философские, культурологические и социологические термины, обозначающие реалии, которые имеют очевидное общественно-политическое значение.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 606 с.
2. Бурячок А.А. Формирование общего фонда социально-политической лексики восточнославянских языков. – Киев, 1983. – 225 с.
3. Васильев Л. М. Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания, 1971. – № 5. – С. 105 – 113.
4. Городецкий Б.Ю. Термин и его лингвистические свойства // Структурная и прикладная лингвистика. – Л., 1987. Вып. 3.
5. Магомедова Н.М. Общественно-политическая терминология даргинского языка. Дис. ... канд. филол. наук – Махачкала, 2011.
6. Протченко И. Ф. Русский язык: проблемы изучения и развития. М., 1984.
7. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка) / А. А. Уфимцева. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 288 с.
8. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Езикovedски исследования в честь на акад. Стефан Младенов. – София, 1957. С. 523-538.
9. Холявко И.В. Общественно-политическая лексика в прессе 90-х годов XX ст. (семантико-функциональный анализ): дис. ... канд. филол. наук / И.В. Холявко. Кировоград, 2004 – 229 с.
10. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.
11. Эфендиева С.С. Развитие общественно-политической терминологии лезгинского языка. Дис. ... канд. филол. наук – Махачкала, 2006.

О СУФФИКСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Иманмагомедова Э.А.

ассистент кафедры иностранных и латинского языков,
Дагестанский государственный медицинский университет, Россия, г. Махачкала

В статье описывается один из наиболее распространенных способов терминообразования в аварском языке. Констатируется, что при образовании аварской терминологической лексики действуют те же законы, что и во всей аварской словообразовательной системе, но в отличие от других тематических пластов, в общественно-политической сфере существуют определенные словообразовательные элементы-суффиксы, которым отдается предпочтение.

Ключевые слова: термин, суффикс, аффикс, суффиксация, словообразование, продуктивный, имя, семантика.

Важное место в образовании общественно-политической терминологии аварского языка принадлежит собственным словообразовательным средствам, поэтому достаточно распространенным способом образования терминологической

лексики является суффиксация. Как известно, среди способов словообразования в аварском языке преобладает суффиксальный способ, основосложение, субстантивация прилагательного и причастия, аблаутное чередование и калькирование [4, с. 56].

В случае если в словарном составе данного языка нет готовых терминов, новые терминологические единицы могут создаваться путем присоединения соответствующих аффиксов к исконным корням. При образовании аварской терминологической лексики действуют те же законы, что и во всей аварской словообразовательной системе, но в отличие от других тематических пластов, в общественно-политической сфере существуют определенные словообразовательные элементы-суффиксы, которым отдается основное предпочтение.

Известно, что словообразовательные модели в языке не являются раз и навсегда данными и абсолютными. Существуют суффиксы, которые могли быть продуктивными в прошлом, но в настоящее время они не участвуют в образовании новых слов, и наоборот, есть суффиксы, со временем получающие более широкое употребление в словообразовании.

Общеизвестно, что продуктивных суффиксов в аварском языке немного. К наиболее распространенным и продуктивным суффиксам в аварском языке относится суффикс **-хъан**, при помощи которого образуются имена, обозначающие людей по роду занятий и профессии. П.К. Услар писал, что в аварском языке "хъан служит для обозначения разумных действующих лиц, например, *xIalmtIuxъan* 'работник' (*xIalmtI* 'работа'), *чанахъан* 'охотник', 'зверолов' (чан 'зверь')" [5, с. 82].

По мнению Л.И. Жиркова данный суффикс восходит к аффиксу местного падежа (транслатив III серии) [2]. Следует отметить, что данный суффикс имеет место также в табасаранском и лезгинском и агульском языках. Основное значение данного суффикса в этих языках – образование новых слов, обозначающих людей по профессии, роду занятий и выполняемой ими работе [1, с. 67; 3, с. 10; 6, с. 75]. Со словообразовательных позиций суффикс **-хъан** можно отнести к полифункциональным единицам, поскольку данный формант может присоединяться к словам разных частей речи, образуя имена существительные. Его словообразовательная семантика определяется следующим образом: суффикс **-хъан** образует наименования людей по профессии, роду занятий, по выполняемой работе; названия лиц с теми или иными отрицательными чертами характера, а также образует названия птиц и животных, напр.:

xIalmtIu-хъан 'работник' < *xIalmtI* 'работа': 18 июналда щалали лъазе *kIвечIел такъсирчагIаз Хасавюрталда лъукъана полициялъул xIalmtIuxъан* (Миллат, 2011) '18 июня в Хасавюрте неизвестные преступники ранили **работника** полиции';

гъекъолду-хъан 'пьяница' < *гъекъолдизе* 'пьянствовать': *Зубайирги, нильеда лъала, кIудияв гъекъолдухъан вуго* (Г. Цадаса) 'Мы знаем, что Зубаир тоже **пьяница**';

гъекъолду-хъан 'пьяница' < *гъекъолдизе* 'пьянствовать': *Зубайирги, нильеда лъала, кIудияв гъекъолдухъан вуго* (Г.Цадаса) 'Мы знаем, что Зубаир тоже **пьяница**';

рагъу-хъан 'солдат, воин' < *рагъ* 'война', 'битва': *БитIараб буго, – ян абунa жинцаго жиндаго гIадин ахирги Хасбулатица, – Шамил цIакъав рагъухъан вукIун вуго* (А. Тагиров) 'Правильно, сказал как бы про себя Хасбулат – Шамиль, оказывается, был сильным **воином**';

Небольшое количество словообразований в аварском языке находим с суффиксом **-гъан**, который по придаваемому словам значениям близок к суффиксу

-хъан и также обозначает людей по профессии, роду занятий и выполняемой ими работе:

гъаби-гъан ‘мельник’ < **гъобо** ‘мельница’: *Хинкъун кьер тIурав гъабигъан раквибокъов вахчанила* (Ахихъан, 2013) ‘Сильно напуганный, побледневший **мельник** спрятался в хлеву’;

бого-гъан ‘повар, кашевар’ < **бог** ‘ужин, вечерняя еда’: *Дие гъаниб рехсей гъабизе бокъун буго богогъан Марзигат Ибрагъимовалъул* (Гумбет, 2012) ‘Мне здесь хочется сказать о **поваре** Марзият Ибрагимовой’;

коро-гъан ‘печник, истопник’ < **кор** ‘глиняная печь’: *Рокъой жание ячIана херай корогъан ва печалъубе цIул рехана* (Р.) В комнату вошла старая **истопница** и подбросила дров в печку;

коро-гъан ‘печник, истопник’ < **кор** ‘глиняная печь’: *Рокъой жание ячIана херай корогъан ва печалъубе цIул рехана* (Р.) В комнату вошла старая **истопница** и подбросила дров в печку;

С помощью относительно продуктивного суффикса **-лъи** от различных частей речи в аварском языке образуются имена существительные с абстрактным или конкретным значениями. В следующих примерах производное слово обозначает род деятельности занятия лица, обозначенного исходным словом:

эмен-лъи ‘отцовство’ < **эмен** ‘отец’: *Эменлъи гъабурасе васлъи гъабе, вацлъи гъабурасе вацлъи гъабе* (Гумбет, 2012) Тому, кто проявил **отцовство**, будь сыном, тому, кто проявил братство, будь братом’;

чи-лъи ‘человечность’ < **чи** ‘человек’: *Парикъат бечедаб, чилъи бергъар-аб...* (Цолъи, 2012) ‘Богатые тарикатом и **человечностью**...’;

нача-лъи ‘царствование’ < **нача** ‘царь’: *Щибаб шуго сонил планалги лъун, Пачалъи бахъана Сталиница* (Миллат, 2011) ‘Утвердив пятилетний план, **царствование** взял Сталин’.

Посредством исконных суффиксов **-ел**, **-ен** от основы глагола в аварском языке образуются имена существительные, выражающие состояние, результат действия:

рецI-ел ‘расплата’, ‘мечь’ < **рецI-изе** ‘платить’: *ШаригIаталда рекъон, Iагарлъиялъул ихтияр буго бидул рецIел босизе* (Миллат, 2011) ‘По законам шариката родственники имеют право на кровную **мечь**’;

рат-ел ‘наследство’ < **р-ат-изе** ‘находить’: *Гъеб дуца абулеб уяб батани, Инсул рател бичун, чу лъикIаб босе* (ХъахIабросуль М.) ‘Если это правда, что вы говорите, продайте отцовское **наследство** и купите хорошего коня’;

рекъ-ел ‘мир’ < **рекъ-езе** ‘приспосабливаться’: *ТалихI, рекъел ва бергъ-енлъаби нужее, хириял районцоялги гъалбалги!* (Цолъи, 2012) ‘Счастья, **мира** и удачи вам, мои дорогие земляки!’;

хурх-ен ‘отношение, связь’ < **хурх-ине** ‘примкнуть’: *Росуль вугев медхIалтIухъанасул хурхен букIине ккола ветспециалистасулгун* (Гумбет, 2013) ‘Медработник, который работает в селе, должен иметь **связь** с ветспециалистом’.

При помощи суффикса **-чи**, присоединяемого к прямой основе существительных и к прилагательным, в аварском языке образуются слова со значением лиц по признаку профессии, рода занятий, отдельных качеств человека, т.е. значение данного суффикса аналогично значениям, передаваемым посредством суффикса **-хъан**.

хъулухъ-чи ‘служащий, работник’ < **хъулухъ** ‘служба, работа’: *ГъедигIан гIебеде витIун кIалъазе бегъиларо кIудияв хъулухъчи* ... (Г. Цадаса) ‘Так прямолинейно не должен был говорить большой **работник**’;

колхоз-чи ‘колхозник’ < колхоз ‘колхоз’: *Дир буго цо суал, – янги абун, тIаде ворхун вачIана цо ригь арав колхозчи* (Ахихъан, 2013) ‘У меня есть вопрос, сказал и поднялся с места пожилой **колхозник**’;

хиянат-чи ‘изменник’, ‘предатель’ < *хиянат* ‘измена’, ‘предательство’: *ХIакъикъияв поэт ва хиянатчи абураб цоцздаса цIакъ рикIадаб кIуго бичIчи киданиги цадахъ букIине ресго гъечIо* (Миллат, 2012) ‘Настоящий поэт и **предатель** – это абсолютно разные понятия и абсолютно разные люди, никогда не могут быть вместе’;

кумек-чи ‘помощник’ < кумек ‘помощь, содействие’: *Ралел бакIазда 1000 гъуруц къоялъе къун кумекчи цоларо* (Миллат, 2012) ‘На стройках даже за 1000 рублей в день **помощника** не найти’;

Следует констатировать, что под влиянием социальных изменений в обществе, в связи с потребностью в новых терминах для выражения инновационных понятий происходят существенные изменения в соотношении производных и непродеривных слов, в продуктивности тех или иных суффиксов. Наиболее значительные изменения, касающиеся суффиксального словообразования, относятся к области агентивных имен существительных, а также к существительным абстрактного значения, широко представленных в общественно-политической терминологии и составляющих одну из её отличительных особенностей.

Список литературы

1. Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка. – Махачкала, 1966. – 264 с.
2. Жирков Л.И. Словообразование в аварском языке // Языки Дагестана. Т. 1. – Махачкала, 1948.
3. Каидов З.Г. Словообразование в агульском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. – 24 с.
4. Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1981. – 160 с.
5. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889.
6. Ханмагомедов Б.Г. Табасаранский язык // Языки народов СССР. Т. IV. М., 1967. – С. 545-561.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТЕРМИНОВ «ИМИДЖ» И «ОБРАЗ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КОНЦЕПЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Контиевская А.С.

студентка, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье исследуются концепции ученых по проблеме разграничения / тождественности терминов «имидж» и «образ». Даются определения понятий «имидж» и «образ» в политическом дискурсе. Рассматриваются различные подходы к определению данных понятий.

Ключевые слова: политический дискурс, имидж, образ, концепции.

Наступление этапа господства информационных технологий в значительной степени подтолкнуло развитие процессов межкультурной коммуникации, в рамках которой происходит взаимодействие культур разных стран и народов. В ходе межкультурного взаимодействия неизбежно возникает и формируется определенная

совокупность признаков, параметров, качеств, которая закрепляется за тем или иным участником культурного обмена. Эти представления получили свое терминологическое выражение в таких смежных понятиях, как «образ», «имидж», «стереотип», «репутация» и др.

Среди исследователей нет единой точки зрения на проблему соотношения данных терминов. На сегодняшний день одни исследователи дифференцируют эти понятия, другие же рассматривают их как тождественные.

Наибольшую дискуссию вызывает проблема соотношения понятий «имидж» и «образ», которая особенно актуальна применительно к политической сфере общественной жизни. Термины «образ страны» и «имидж государства» зачастую трактуются исследователями как тождественные. Опираясь на то, что в англоязычной литературе эти понятия предстают как взаимозаменяемые (английское слово «image» объединяет эти термины) в диссертационных работах таких российских имиджеологов как Н. С. Виноградова, В. А. Адилова, Т. Б. Бокова и др. эти термины представляются равноценными [3, с. 30].

В трудах других исследователей (Е. Б. Шестопал, Д. А. Леонтьев) проводится четкое разграничение данных терминов. Так в своей работе «Образы государств, наций и лидеров» исследователь Е. Б. Шестопал решительно настаивает на том, что термин «образ не тождественен понятию имидж». По его мнению, имидж – это «впечатление, которое конструируется целенаправленно и сознательно, а образ – то, что формируется спонтанно. Образ можно конструировать специально, и тогда он становится имиджем» [3, с. 31].

Изучением проблемы терминологии в вопросе соотношении понятий «имидж» и «образ» занимался известный исследователь А. А. Гравер. Он провел комплексное изучение данного вопроса, вследствие чего выделил спектр подходов к определению понятий «образ и имидж»: теоретический, психологический, культурологический, маркетинговый и географический. Несмотря на то, что в рамках каждого из подходов отсутствует четкое разграничение понятий «образ» и «имидж», автор работы приходит к выводу о тождественности данных понятий. Исследуя концепции разных ученых, он предлагает следующие определения:

- Имидж – «мнение рационального характера или эмоционально окрашенное мнение об объекте, возникшее в психике, в сфере сознания и подсознания – определенной группы людей на основе образа, сформированного целенаправленно и произвольно в результате прямого восприятия ими тех или иных характеристик данного объекта или косвенно с целью возникновения аттракции – притяжения людей к данному объекту. Имидж может быть создан под влиянием эмоций или разума, осознанно или неосознанно, целенаправленно или спонтанно» (И. В. Гринев) [3, с. 32];

- Имидж – «сформировавшийся в психике людей образ объекта, к которому у них возникает оценочное отношение, проявляемое в форме мнения. Это комплексное образование, включающее семиотическую, когнитивную, образную и эмоциональную составляющую» (А. П. Панкрухин, С. Ю. Игнатьев) [3, с. 34];

- Имидж/образ – это «совокупность трех признаков: условно-статичных (культурное наследие, природные ресурсы, геополитические факторы, история), условно-динамических (социально-психологическое настроение общества, моральные и нравственные устои) и институциональные факторы (устойчивость экономики, механизмы государственного регулирования)» (Э. А. Галумов) [3, с. 36];

- «Образ (страны)» – это «устойчивые пространственные представления, которые возникают в результате какой-либо человеческой деятельности (бытовой, профессиональной и др.) Это совокупность ярких, характерных, сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающие какие-либо региональные пространства (территория, местность, регион, страны и др.)» (Д. Н. Замятин) [5, с. 15].

Таким образом, исследователь А. А. Гравер приходит к выводу о том, что термин «имидж» происходит, выводится через понятие «образ». Однако обратного процесса не происходит.

Также следует отметить работу такого специалиста как Т. Э. Гринберг. В своей статье «Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели» автор разграничивает понятия «образ» и «имидж», подчеркивая, что они – «не братья-близнецы» [4]. Как представитель исследователей в области публичных рилейшнз, Т. Э. Гринберг, рассуждая по проблеме разграничения данных понятий, дает следующие определения: имидж – «рабочий конструкт в формировании необходимого образа», а образ – «отраженные в сознании участников коммуникации с разной степенью адекватности фрагменты реальности» [4].

В своей работе автор приводит отличительные особенности имиджа:

- Доминантность – большой объем информации «сворачивается» в ограниченный набор символов;
- Индивидуализация – отражает специфику и уникальности объекта;
- Подвижность и изменчивость – адаптируется к текущей ситуации и ожиданиям аудитории;
- «Обратная связь» – изменчивость имиджа связана с реакцией получателей информации (адресных групп);
- «Прообраз» и «идеал» – имидж выступает как основа (как старт) для конструирования данного образа и как конечная точка его создания, к которой его приближают имиджмейкеры;
- Наличие собственных духовных законов в соответствии с духовными ориентациями обыденного сознания;
- Совмещение представлений целевой аудитории и характерных признаков самого объекта.

Таким образом, автор статьи приходит к выводу об инструментальном характере термина «имидж», рассматривает его как явление, которое включает в себя персональные, социальные характеристики и символические показатели. Далее в своей работе автор компоненты имиджа государства, характеризуя каждый из них; рассматривает проблему идентичности государства и приводит алгоритм по созданию имиджа страны.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, несмотря на целый ряд концепций, теорий, многочисленный спектр подходов к определению понятий «имидж» и «образ», большинство исследователей сходятся в том, что эти термины могут считаться тождественными. Таким образом, в политическом дискурсе под имиджем понимается преднамеренно формируемый социально-психологический, эмоционально окрашенный образ, который способствует становлению определенного мнения, представления в отношении кого-либо или чего-либо для достижения определенных целей.

Список литературы

1. Боголюбова М. Н., Николаева Ю. В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен. – СПб: СПбКО. – 2009. 416с.
2. Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования. – М.: Известия. – 2003. 446 с.
3. Гравер А. А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. Томск. №3. – 2012. С. 29-39.
4. Гринберг Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели / Т. Э. Гринберг // Медиаскоп. – 2008. – №2. Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/252>.
5. Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф. – 2004. 512 с.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ)

Кусбатырова А.К.

магистрант первого курса, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Россия, г. Уфа

В данной статье рассматриваются сходные и различные черты фразеологизмов тематической группы «Природа» в казахском и русском языках. Дан сопоставительный анализ фразеологической картины мира двух народов. Показан как жизнь, быт, климатические условия отражаются в языке.

Ключевые слова: фразеологизм, мировидение, природа, концепты, поле, равнина, степь.

В последние годы большой интерес уделяется изучению фразеологии как системы национального мировидения. Лингвокультурологические подходы к исследованию фразеологической картины мира дают возможность выявить когнитивный механизм образного картирования мира с помощью особых языковых единиц – фразеологизмов.

Во фразеологических единицах фиксируется история каждого народа, их культура, язык, обычаи, традиции, фольклор и национальные особенности мировосприятия. В разных языках имеют место неповторимые фразеологические образы, хотя в них существуют немало и сходных черт в описании мира с помощью устойчивых оборотов языка, в силу универсальности самого бытия мира и человека.

У многих народов есть фразеологизмы и пословицы о роли языка в жизни человека. У казахов есть пословица *Tіл – халық жаны*, что в переводе означает *язык – душа народа*. Говоря о языке как о хранилище национальной культуры, можно выделить такой способ классификации фразеологизмов, как тематическая классификация оборотов, выражающих совокупность знаний и представлений о мире, прежде всего, на уровне обыденного сознания. Эти знания и представления формируют, по словам Р.Х.Хайруллиной, «наивную картину мира» [3, с. 12].

Фразеологизмы языка в символической форме отражают черты культурно-национального самосознания народа. В образном содержании его воплощается его культурно – национальное мировоззрение. Так, чувство времени и отношение этнического сознания к категории времени является, по словам Л.Н. Гумилева, инди-

котором определения состояния народа [1, с. 144-145]. Во фразеологических единицах передаются представления народа о жизни, мифах, морали, поведении и мировидении. По фразеологизмам можно определить ценности народа, их быт, природу, обряды, религию. Можно считать, что фразеологизмы сформировались на основе сложившихся в народе концептосфер, то есть тех концептов, которые отражают актуальные для народа понятия, явления и предметы.

Целью нашего исследования является сопоставительный анализ русских и казахских фразеологизмов тематической группы «Природа». По словам Давлетбаевой З. Д. в любом языке важна и интересна национально – культурная семантика языка, т.е. такие языковые значения слов, которые отражают, фиксируют и передают от поколения к поколению особенности природы, экономики страны, общественного устройства, фольклора, художественной литературы, искусства, науки, подробности быта и обычаев народа [2, с. 3]. Изучение этой группы ФЕ обусловлено тем, что природа, ландшафт, растительный и животный мир выступают в качестве жизненного пространства народов, а своеобразие природных условий жизни обуславливают национально маркированные образы в национальной фразеологии.

Казахский и русский народы с древних времен проживали в тесном контакте. Но культуры, менталитет, мировидение и традиции народов различаются, в силу специфики национального образа жизни. Русские занимались земледелием и вели оседлый образ жизни. Вследствие этого, актуальными концептами, отражающими русскую природу, выступают *поле, равнина, река, дождь* и др. Казахская земля – это необозримые степи, простор и бескрайние ковыли. Казахи вели кочевой образ жизни, разводили скот. В казахском языке образ степи получил закрепление во многих пословицах и поговорках. Орел как символ казахского народа олицетворяет такие качества казахов, как свободолюбие, широта души, гордость. В казахских устойчивых оборотах частотными компонентами выступают слова *степь, солнце, мороз, иней, буран, кочевье, конь* и др.

Сопоставительный анализ фразеологизмов тематической группы «Природа» позволил выявить различные и схожие черты в описании природных условий жизни русских и казахов. В казахской фразеологии важными компонентами фразеологизмов являются – *земля/жер и степь /дала*. В русской фразеологии частотными компонентами выступают слова *поле, конь, земля*.

Важное значение для всех народов имеет противопоставление своего и чужого, близкого и дальнего пространства. Например, казахские представления о дальнем, а потому неизвестном и опасном месте на земле получили выражение во фразеологизмах *жер аяғы қиянда* (букв. конец земли вдали), *жер түбі* (букв. дно земли), *ит өлген жер* (букв. земля, где умерла собака), *ит арқасы қиянда* (букв. хребет собаки вдали) – в этих ФЕ дается характеристика дальней стороны через образы земли и стерегущих скот на кочевье собак. В русском языке ФЕ, передающие значение «далеко», фиксируют дальнюю сторону, куда русский человек попасть не мог: *за три девять земель, на краю земли, у черта на куличках, куда Макар телят не гонял* и т.д. также через описание чужого, опасного, неизвестного места.

Поскольку казахи были кочевым народом и разводили скот, в казахском языке большое количество устойчивых оборотов с компонентом скот, скотина/мал. Компонент конь/ат является общей концептом для русских и казахов. Но для казахов конь был не только средством передвижения, кочевья, он выступал символом богатства, взросления мальчика (в семь лет мальчика впервые сажали на коня, и он считался взрослым), а также источником пищи (употребляли в пищу мясо, молоко

лошадей). Для русских же лошадь являлась помощником в тяжелом крестьянском труде. Все эти национальные своеобразные, обусловленные жизненным укладом народов, стереотипы мировосприятия получили закрепление во фразеологии языков сравнения.

Например, такие казахские поговорки, как *атың жемқор болса берді құдай, қатының жемқор болса ұрды құдай* (букв. если лошадь много ест, то бог одарил, а если жена много ест, то бог наказал), *жылқылы бай – сылдыр бай* (букв. у кого много лошадей, тот богат), *ат үсті әулие, ат үстінен күн көру* (означает что сидя на лошади можно увидеть новый день), *ағайын тату болса ат көп, абысын тату болса ас көп* (букв. если родственники дружны то много лошадей, а если невесты дружно то много блюд) и т.д. демонстрируют понимание роли коня в жизни казахов. В русском языке ФЕ *конь не валялся* – работа еще и не начиналась, т.е. ничего еще не сделано; *лошадиное здоровье* – очень крепкое; *поставить не на ту лошадь* – выражение из области досуга – скачек, означает проигрыш; *бред сивой кобылы* – ерунда, глупость, нелепица; *ход конём* – шахматная тематика, решительный поступок, который идёт в ход в крайнем случае – отражают символизацию образа коня в русской фразеологии.

Частью природы является *вода/су*. Данный компонент чаще входит в состав эквивалентных ФЕ, так как вода является источником жизни всего живого на Земле. Например: *су – табиғаттың көзі* (букв. вода – глаза природы); *судан ақ* (букв. чист как вода, невинный); *су – тіршілік нәрі* (букв. вода – источник жизни); *тау мен тасты су бұзар, адам арасын сөз бұзар* (букв. вода может разрушить и горы и камень, а отношения людей – слово). Русские фразеологизмы также закрепляют важность воды для жизни и труда, но во фразеологии получают выражение житейские ситуации: *решетом воду носить* – делать какую-то бессмысленную работу, не приносящую пользы, результата; *мутить воду, баламутить воду* – намеренно портить чьи-либо взаимоотношения, создавать скандальную обстановку; *вывести на чистую воду* – разоблачить кого-то, поймать на совершении запретного действия, сделать тайное явным; *как в воду глядел* – о человеке, угадавшем наступление какого-то события и т.д.

В русской и казахской фразеологии получают также закрепление и образное, переосмысленное понимание разных природных явлений – времен года, атмосферных явлений и т.д. Например, в русском языке – *как гром среди ясного неба, как снег на голову, искать прошлогодний снег, ждать у моря погоды*. В казахском языке: *жыл желтоқсанды аяқтайды – қысты бастайды* (букв. год оканчивается декабрем и начинает зиму), *қыста малынды бақ – жазда шөбіңді шап* (букв. зимой паси скот, а летом коси траву), *жаздың бір күні – қыстың мың күні* (букв. один день весны как тысячи дней зимы).

Таким образом, сопоставительный анализ ФЕ тематической группы «Природа» в русском и казахском языках позволил сделать следующие выводы. Универсальный характер природы и природных явлений обусловил наличие в языках сравнения эквивалентных или близких по смыслу ФЕ, а национальное своеобразие географических и климатических условий проживания каждого из народов стало основой для формирования в языках культурно маркированных единиц. Отметим, что в русской и казахской фразеологии больше близких как по значению, так и по компонентному составу устойчивых оборотов. Исследование сходных и различных свойств во фразеологии разноструктурных языков дает богатый материал для изучения национального миропонимания.

Список литературы

1. Гумилев Л.Н. Экосфера: история людей и история природы. – М.: Экопрос. 1993. – 254 с.
2. Давлетбаева Р. Г., Батталова З. Д. Коннотативный словарь-минимум русского язык. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2016. – 108 с.
3. Хайруллина Р.Х. Картина мира во фразеологии: от мировидения к миропониманию. Монография. Уфа: Изд-во. БГПУ, 2001. – 285 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Лутфуллина Н.М.

старший преподаватель кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин,
Зеленодольский институт машиностроения и информационных технологий
(филиал) КНИТУ-КАИ, Россия, г. Зеленодольск

Галиуллин И.С.

студент, Зеленодольский институт машиностроения и информационных технологий
(филиал) КНИТУ-КАИ, Россия, г. Зеленодольск

В статье рассматриваются особенности перевода английской научно-технической литературы в группах при изучении иностранного языка. А также отличия от художественной литературы, сложности при использовании, требования при переводе научно-технической литературы.

Ключевые слова: лексическое значение, терминология, морфологическое строение, семантические особенности.

При переводе научно-технической литературы следует учитывать, что, хотя язык научно-технических текстов является частью общенационального языка, использует его лексику и грамматический строй, тем не менее, ему свойственны определенный стиль, отвечающий целям и задачам содержания научной литературы, а также ряд особенностей в области как терминологии, так и грамматики.

Для языка научно-технической литературы характерны наличие большого количества терминов, распространенность различных видов сокращений, предпочтение одних синтаксических оборотов другим, особенность перевода ряда грамматических конструкций, эллиптический характер выражения мысли и т.п.

Основной стилистической чертой научно-технической литературы является краткость изложения материала и четкость формулировок. Одним из главных отличий языка технической литературы от языка художественной литературы является значительная насыщенность текста специальными терминами, которые часто отсутствуют не только в обычных, но и в терминологических словарях. По мере расширения границы человеческих знаний растет потребность новых определений понятий как в освоенных, так и в новых областях науки и техники, и, соответственно, расширяется словарный состав, причем расширение идет, в основном, за счет новых терминов [2, с. 34-36].

При переводе научно-технических текстов требуется совершенно отчетливое знание новой терминологии и умение точно передать ее на русском языке. В этом и заключается одна из главных трудностей перевода.

Основные требования, которым должен удовлетворять хороший перевод, сводятся к следующему:

1. Точная передача текста оригинала.
2. Строгая ясность изложения мысли при максимально сжатой и лаконичной форме, присущей стилю русской научно-технической литературы.
3. Полное соответствие перевода общепринятым нормам русского литературного языка. Это необходимо учитывать при переводе отсутствующих в русском языке и характерных для английского языка синтаксических конструкций. Кроме того, следует все время помнить о том, что смысловая насыщенность в английском языке ослабляется к концу предложения, тогда как в русском языке, наоборот, смысловое нарастание идет от начала предложения к его концу [2, с. 42-44].

Для языка научно-технической литературы характерно отсутствие эмоциональной насыщенности, образных сравнений, метафор, элементов юмора, иронии и т.п.

Хотя основной особенностью языка научно-технической литературы является огромное количество специальных терминов, он включает большой процент общеупотребительных слов и сочетаний. Значительная часть общеупотребительных слов составляют многозначные слова.

В ряде случаев для определения значения многозначного слова одних грамматических признаков оказывается недостаточно, необходимо учитывать его лексические связи.

Так перевод глагола *to suggest* зависит от того, выражен ли субъект действия одушевленным лицом или неодушевленным. В первом случае он переводится *предлагать, предполагать*:

We suggested a new method of work.

Мы предложили новый метод работы.

Во втором случае его следует переводить *наводить на мысль, позволить предположить*:

This evidence suggested that the acid was essential.

Эти данные позволили предположить, что необходима кислота.

В других случаях, наоборот, правильный выбор лексического значения многозначного слова требует учета его грамматических связей. Так, хорошо известные значения глагола *to assume* *принимать, приобретать* характерны для него в тех случаях, когда за этим глаголом следует дополнение, выраженное существительным:

The increase of labour productivity will assume tremendous importance.

Повышение производительности труда приобретает огромное значение.

В значении *предполагать, полагать*, глагол *to assume* встречается в объектном инфинитивном обороте (сложном дополнении), субъектном инфинитивном обороте (сложном подлежащем), а также перед дополнением, выраженным придаточным предложением:

The most common alternating current for lighting is assumed to go through 50 cycles in 1 second.

Предполагается, что для освещения чаще всего применяется переменный ток 50 периодов в секунду (50 Гц).

We assume the compressor to be adaptable to any power source.

Мы полагаем, что компрессор можно приспособить к любому источнику энергии [1, с. 58-61].

Для того чтобы правильно определить выражаемые термином понятия, нужно знать ту область науки и техники, к которой относится данная терминология.

Любой термин следует рассматривать не как обособленную смысловую единицу вне всякой связи с окружающими его словами и контекстом в целом, а как слово, за которым закреплено определенное техническое значение, но которое может изменить свое содержание в зависимости от той отрасли, в которой оно употреблено в данном конкретном случае.

Для термина характерна соотнесенность с точно определенным понятием, стремление к однозначности. Это приводит к тому, что целый ряд терминов приобретает своего рода независимость от контекста и, следовательно, может переводиться с помощью лексического эквивалента.

Однако это не означает, что термин совершенно не зависит от контекста. Речь идет лишь о том, что терминологическое значение слова обычно не изменяется, но выявляется в контексте.

Для правильного понимания и перевода терминов необходимо также знать морфологическое строение терминов, семантические особенности, отличающие их от общеупотребительных слов, основные типы терминов-словосочетаний, их структурные особенности и специфику употребления. Это позволит добиться исчерпывающего понимания содержания понятий, выражаемых терминами, и облегчит работу с соответствующими терминологическими словарями [1, с. 62-74].

Термин должен по возможности быть кратким и точным. Под точностью термина понимается его способность правильно ориентировать, иными словами, буквальное значение составляющих его компонентов должно соответствовать смысловому содержанию.

Список литературы

1. Гредина И.В. Перевод в научно-технической деятельности: учебное пособие / И.В. Гредина. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – С. 56-87.
2. Лимов В.В. Теория перевода: перевод в сфере профессиональной коммуникации. 3-е изд., стереотип. – М.: УРСС, 2005. С. 34-48.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ГРУППАХ, УКОМПЛЕКТОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТАМИ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ

Лутфуллина Н.М.

старший преподаватель кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин,
Зеленодольский институт машиностроения и информационных технологий
(филиал) КНИТУ-КАИ, Россия, г. Зеленодольск

Старушенкова Н.А.

студентка, Зеленодольский институт машиностроения и информационных технологий
(филиал) КНИТУ-КАИ, Россия, г. Зеленодольск

Статья рассматривает приемы в организации учебного процесса в группах при изучении иностранного языка. Раскрывает особенности индивидуально-групповой работы: чтение текстов по специальности, закрепление лексики и устная речь.

Ключевые слова: индивидуально-групповая работа, индивидуальный текст, контроль, лексическая единица.

При изучении иностранного языка в группах, укомплектованных специалистами разных профессий, наступает этап, на котором возникает необходимость проводить с каждым учащимся работу по чтению научно-технических текстов и изучению терминов, непосредственно относящихся к его специальности и, следовательно, интересующих лишь его одного учебной группе. Естественно, что использование на этом этапе только групповой формы проведения занятий, при котором все учащиеся отрабатывают один и тот же материал, снижает эффективность учебного процесса, так же как она не позволяет учитывать интересы каждого учащегося в отдельности. Эти интересы могут быть учтены путем организации индивидуально-групповой работы, при которой каждый учащийся, параллельно с материалом, общим для всей группы, отрабатывает материал, представляющий интерес с точки зрения содержания и терминологии только для него одного.

Вопросами, над которыми при индивидуально-групповой форме организации занятий работает вся группа в целом, являются: так называемые рецептивные грамматические явления; приемы анализа структуры предложения, к которому в ряде случаев приходится прибегать при чтении сложных текстов; способы догадки о значении неизученных слов и т.п. Материалом для обработки этих явлений и выработки соответствующих умений и навыков являются тексты, содержание которых представляет интерес для специалистов различных областей науки и техники, т.е. тексты на такие темы, как пример: системы мер, взаимосвязь между науками, основные принципы устройства приборов и т.п. Кроме того, из общих текстов отбираются и активизируются общенаучные нетерминологические лексические единицы, необходимые как для понимания специальных текстов, так и для ведения беседы по специальности [3, с. 71].

Для индивидуальной работы каждый учащийся сам подбирает себе тексты согласно принципу крайней заинтересованности в их тематике. Роль преподавателя при подборе индивидуальных тестов сводится к определению языковой и методологической целесообразности работы с каждым из них. Читая эти тексты, учащийся самостоятельно применяет знания и навыки, приобретенные в групповом порядке, а также накапливает и активизирует термины по специальности расширяет запас общенаучной лексики. Наряду с этим, индивидуальные тексты служат материалом для развития навыков устной речи на профессиональные темы [1, с. 93].

Индивидуально-групповая работа организуется на занятии следующим образом: преподаватель дает задание всей группе по работе над общим материалом, учащиеся выполняют задание, а в это время преподаватель поочередно работает с каждым из них над подготовленным ими дома индивидуальным материалом; после завершения индивидуальной работы проводится групповая работа по проверке задания, данного всей группе. Однако индивидуально-групповая работа может быть эффективна только при условии проведения ее в рамках системы индивидуально-групповых занятий, построенной в соответствии с целью обучения.

Рассмотрим в качестве примера построение системы индивидуально-групповых занятий при целевой установке на выработку навыков точного понимания литературы по специальности и умения вести беседу на профессиональные темы. Для достижения указанной цели при укомплектованности учебных групп специалистами разных профессий система индивидуально-групповых занятий должна позволить: а) в одной группе проводить чтение разных текстов, количество которых равно числу учащихся; б) обеспечить отбор из каждого текста лексических единиц для активизации их только одним учащимся; в) добиться закрепления этих

лексических единиц в устной речи при ограниченности аудиторского времени на индивидуальную работу.

Ограниченность аудиторского времени на индивидуальную работу вынуждает проводить чтение текстов по специальности в виде домашнего чтения, контролируемого на занятиях преподавателем; перед началом контроля каждый учащийся обсуждает с преподавателем не понятные им предложения текста [2, с. 481].

В условиях работы всех учащихся над разными текстами отбор новых лексических единиц активизации может осуществляться только самими учащимися под контролем преподавателя. При этом для обеспечения качественного отбора следует обучить учащихся умению отбирать для активизации лишь те лексические единицы, которые необходимы для передачи основного содержания текста, с тем чтобы их можно было в последующем закрепить при пересказе текста и беседе по нему.

Ввиду самостоятельного отбора учащимися лексических единиц важно, чтобы они умели составлять краткие иллюстративные примеры употребления отобранных лексических единиц, причем в целях предупреждения ошибок такие примеры должны составляться строго на основе предложений текста, в которых они встретились [4].

Для обработки одного индивидуального текста предусматривается цикл занятий. В рассматриваемом нами случае такой цикл должен состоять минимум из трех занятий, чтобы позволить преподавателю:

- на 1-м занятии – проверить понимание учащимся прочитанного им дома текста, разобрать с ним непонятные места, проверить отобранные учащимся лексические единицы (исключив из них малоупотребительные нетерминологические лексические единицы), внести исправления в их запись, санкционировать их для активизации в исправленном виде и дать домашнее задание на составление письменных иллюстративных примеров их употребления;
- на 2-м занятии – проверить и исправить иллюстративные примеры на активизируемые лексические единицы, провести первичное устное закрепление этих лексических единиц и дать домашнее задание на подготовку пересказа прочитанного текста с обязательным употреблением активизируемых лексических единиц;
- на 3-м занятии – прослушать пересказ текста, исправить ошибки в употреблении активизируемых лексических единиц и провести беседу на тему текста, строя ее вокруг активизируемых лексических единиц.

Однако для того чтобы побудить учащихся к систематическому чтению литературы по специальности при постоянном контроле преподавателя, целесообразно сразу же после завершения чтения индивидуального текста А начинать чтение индивидуального текста Б и проводить его параллельно с работой над закреплением лексики, отобранной для активизации из текста А. Для этого указанное выше 1-е занятие цикла следует разбить на два, в результате чего цикл занятий по отборке одного индивидуального текста увеличится до четырех занятий.

Рассмотрим организацию работы при цикле из четырех занятий, условно считая, что из одного индивидуального текста отбирается для активизации 20 лексических единиц. Отрабатываемые индивидуальные тексты обозначим А, Б, В и т.д. Тогда индивидуальная работа при цикле из четырех занятий будет проходить как указано ниже, причем, начиная с 3-го занятия по тексту А, тексты будут отрабатываться внакладку, то есть 3-е занятие по тексту А будет одновременно 1-м занятием по тексту Б и т.д.

1-е занятие по тексту А. К этому занятию учащийся получил задание прочесть первую половину текста А и отобрать из нее 10 лексических единиц для активизации. На занятии проводится работа над чтением первой половины текста А и отбором из нее лексики. Домашнее задание: прочесть вторую половину текста А и отобрать из нее 10 лексических единиц для активизации.

2-е занятие по тексту А. Проводится работа над чтением второй половины текста А и отбором из нее лексики. Домашнее задание: 1) составить иллюстративные примеры на 20 лексических единиц, отобранных из текста А; 2) прочесть первую половину текста Б и отобрать из нее 10 лексических единиц для активизации.

3-е занятие по тексту А, оно же 1-е занятие по тексту Б. На этом занятии проводится работа над закреплением лексики, отобранной из текста А, а также над чтением первой половины текста Б и отбором из нее лексики. Домашнее задание: 1) подготовить пересказ текста А с обязательным употреблением 20 отобранных лексических единиц; 2) прочесть вторую половину текста Б и отобрать из нее 10 лексических единиц для активизации.

4-е занятие по тексту А, оно же 2-е занятие по тексту Б. На этом занятии проводится работа над устной речью на тему текста А, а также над чтением второй половины текста Б и отбором из нее лексики. Домашнее задание: 1) составить иллюстративные примеры на 20 лексических единиц, отобранных из текста Б; 2) прочесть первую половину текста В и отобрать из нее 10 лексических единиц для активизации.

Затем следует 3-е занятие по тексту Б (оно же 1-е занятие по тексту В), 4-е занятие по тексту Б (оно же 2-е занятие по тексту В) и т.д.

Количество занятий цикла можно при необходимости увеличить. Так, например, при основной целевой установке на развитие навыков устной речи 4-е занятие разобранного выше цикла можно разбить на два занятия, работая на втором из них над устным реферированием прочитанного текста, обсуждением основных проблем, связанных с тематикой отрабатываемого текста, и т.п.

Кроме того, циклы индивидуально-групповых занятий можно чередовать с циклами групповых занятий или же проводить линейно, т.е. один за другим без работы над индивидуальными текстами внакладку, что даст возможность сочетать индивидуально-групповую работу с групповой.

Как уже было отмечено, в то время, когда преподаватель занят индивидуальной работой с каждым учащимся по очереди, вся группа в целом выполняет определенные упражнения, заданные перед началом индивидуальной работы. Поскольку эти упражнения выполняются без непосредственного контроля со стороны преподавателя, то их объем и трудность должны быть такими, чтобы учащиеся были полностью загружены интенсивной работой на весь этот период. Групповое задание могут включать в себя: упражнения на закрепление рецептивного грамматического материала; упражнения на перевод предложений, содержащих строевые и многофункциональные слова, подлежащие активизации, а также составление своих примеров на эти слова; анализ сложных в структурном отношении предложений и составление письменных иллюстративных примеров на выделенные в этих предложениях слова; чтение текста с последующими ответами на вопросы преподавателя по содержанию; составление аннотаций и т.п. [5].

Следует отметить некоторые преимущества и недостатки предложенной формы индивидуально-групповой работой. Преимущества: максимальное использование заинтересованности каждого учащегося в материале, над которым он рабо-

тает; выработка прочных навыков самостоятельной работы учащихся над иностранным языком; широкие возможности педагогически дифференцированного подхода к каждому учащемуся. Недостатки: возможность эффективного использования этой формы работы только в малочисленных группах, позволяющих выделить достаточно времени на индивидуальную работу с каждым учащимся; отсутствие непосредственного активного контроля со стороны преподавателя за учащимися во время самостоятельного выполнения ими группового задания (когда преподаватель занят индивидуальной работой).

Применяя в течение ряда лет индивидуально-групповую работу, мы убедились в ее эффективности на продвинутом этапе обучения не только в группах, укомплектованных специалистами разных профессий, и в группах, укомплектованных специалистами одной профессии, заинтересованными в чтении разных текстов по специальности ввиду различий в профиле своей работы или разных тем исследования. Следовательно, при соответствующей адаптации к конкретным условиям обучения индивидуально-групповую форму работы можно эффективно использовать на занятиях с аспирантами, в группах студентов, работающих по расширенной программе, а также на курсах и в кружках по изучению иностранного языка специалистами разных областей науки и техники.

Список литературы

1. Каргина, Е.М. «Псевдопростая» лексика иноязычной научно-технической литературы. Гуманитарные научные исследования. 2014. С. 92-96.
2. Комарова Е. В. Показатели понимания содержания текста на иностранном языке // Молодой ученый. 2015. С. 480-482.
3. Луговая А. Л. Целесообразно ли работать с общетехническими текстами? Иностранный язык в высшей школе. 1966. С. 69-75.
4. Милотаева О.С. Чтение профильных текстов как основа обучения иностранному языку в техническом вузе. Современные научные исследования и инновации. 2015.
5. Сорокин Н.М. Об организации учебного процесса на продвинутом этапе преподавания иностранного языка в группах, укомплектованных специалистами разных профессий // Иностранный язык в высшей школе. 1968.С. 16-20.

ПРИЧИНЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Нарматова Г.Х.

преподаватель английского языка, Кыргызско-Узбекский университет,
Кыргызстан, г. Ош

На этой работе рассмотрены процессы развития языка. Показаны какие изменения происходят в речи современного носителя киргизского языка. Также указаны несколько причин что же является причиной столь масштабного изменения в языке. Даны результаты анкетирования и выяснения являются ли такие влияния англицизмов развивающими либо указаны несколько причин влияния англицизмов на развитие киргизской лексики на протяжении последних десятилетий.

Ключевые слова: диск-магнитный носитель информации, байт, единица количества информации, сайт-местоположение, брифинг-краткий.

В процессе исторического развития человеческие языки постоянно вступают в определенные контакты друг с другом. В начале XXI века наибольшей динамич-

кой и мобильностью характеризуется кыргызско-английский языковой контакт. Сегодня англицизмы проникают в кыргызский язык стремительно и в больших количествах. И это не случайно. В наши дни постоянно расширяются сферы международных контактов, где английский язык становится языком международного общения [4]. Важная политико-экономическая роль англоязычных стран в мире, их превосходство в некоторых сферах деятельности в значительной степени активизируют появление и использование англицизмов в кыргызском языке. Каковы же причины этого огромного потока англицизмов в кыргызской речи? Мы выделим наиболее важные причины на наш взгляд:

1. Распад Советского союза и, как следствие, активизация деловых, научных, торговых, культурных связей Кыргызстана с другими странами, расцвет зарубежного туризма, участие кыргызов в олимпиадах, международных фестивалях, показах мод и т.д.

2. Развитие мирового рынка, экономики, информационных технологий привели к появлению новой терминологии (язык компьютера, экономика, финансы, интернет). У нас появилось много новых предметов, которые требуют названия: *e-mail, интернет, ноутбук, диск, байт, сайт*. И нам проще использовать существующие слова другого языка, чем изобретать новые.

3. Мода: в наши дни знание английского языка считается в высшей степени престижным. Современные кыргызы, используя англицизмы, хотят тем самым выглядеть модно, престижно, завоевать уважение собеседника. Они уверены, что слово «маркет» звучит привлекательней выражения «базар, (рынок)», а также любят использовать в своей речи слова: *презентация, рейтинг, брифинг, шоп-тур, ток-шоу, шоумен, брейн-ринг* [3].

4. Экспрессивность новизны: многие фирмы и компании в качестве названия применяют англицизмы, чтобы привлечь внимание новизной звучания *Chickens, Beeline, Telecom, Pathword, Skyline, Wear black...*

5. Самая весомая причина – бесспорное мировое лидерство США во многих сферах современной жизни.

6. Отсутствие более точного наименования, а потому сегодня 25% новейших англицизмов прочно вошли в словарь делового человека [1].

7. Необходимость выразить при помощи англицизма многозначные описательные обороты (тент-навес из прочной, водонепроницаемой ткани для защиты от солнца (күндөн сактануу үчүн бышык, суу өткөрбөй турган кездеме), пиллинг-крем, убирающий верхний слой кожи (беттин терисин тазалоо), кейс – небольшой плоский чемодан, дипломат (чакан жалпак чемодан) [3].

8. Пополнение языка более выразительными средствами (часто слышим имидж – вместо образ (солокот, корунуш), прайс-лист – а не прејскурант (кызматтын мүнөзүн көрсөтчүү), шоу – представление (жарык маанайдагы оюн зоок) [3].

9. Родительский интерес. Современные родители уже с малых лет начали отдавать своих детей на курсы английского языка также большим спросом сегодня пользуются детские сады и школы с английскими уклонами. Например, названия детских садов и частных школ, открывшиеся за эти пять лет – *Baby life, Cambridge*.

Не менее важны также источники появления в кыргызском языке англицизмов. К ним относятся:

– СМИ. В последнее время главным источником языкового материала стали современные СМИ. Интенсивное использование англицизмов порождает качественно новую лингвистическую ситуацию, при которой использование одного английского термина заменяет собой целую синтаксическую конструкцию. В языке печатных СМИ, прежде всего в рекламных и новостных текстах, сжатость и повышенная информативность текста имеет большое значение, поэтому англицизмы заняли прочное место в современных СМИ. Реклама – один из основных источников англицизмов в киргизском языке. Отечественные рекламисты зачастую не имеют опыта создания рекламы, и потому копируют англоязычную рекламу, заполняя киргизскоязычные рекламные тексты англицизмами: *стимер, тостер, триммер, пейджер, иммобилайзер* [2].

– Интернет. Возрастание числа пользователей Интернета привело к распространению компьютерной лексики: *homepage, e-mail, CDROM, чатиться, бит, байт, диск, курсор, флешка*.

– Кинематограф. Популярность голливудских фильмов привела к появлению новых слов в нашей лексике: *хоррор, блокбастер, вестерн, прайм-тайм, киборг, терминатор*.

– Музыка. Восприятие США как центра музыкальной моды повлекло появление таких слов, как: *хит, сингл, ремейк, трек, саунд-трэк, постер*.

– Спортивная лексика: *боулинг, дайвинг, скейтборд, сноуборд, байкер, шейпинг, фитнес*.

– Косметические термины: *лифтинг, скраб, пилинг*.

Таким образом, мы приходим к выводу, что количество англицизмов в киргизском языке велико. Среди них можно выделить 2 основных типа заимствований:

1) Слова, которые пришли в язык, чтобы назвать новые предметы или термин, имеющий интернациональный характер. Их употребление в речи в большинстве случаев оправдано.

2) Слова иноязычного происхождения, имеющие синонимы в киргизском языке. Их проникновение в язык создаёт лексическую избыточность и может мешать пониманию смысла. А ведь во многих случаях этого можно избежать, используя киргизские синонимичные слова и выражения. Н: амбиция (менменсиген, койрон), вердикт (чечим), концентрация (борбор, топтолгон жер).

Список литературы

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Просвещение, 1989.
2. Дьяков А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 35-43.
3. Лингвистический энциклопедический словарь // М.: Советская энциклопедия, 1990.
4. Окунцова Е.А. ООО Айрис 2007ж Москва /Жусуп ажи Султанов, 2014. Ош.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Нейман В.Н.

ассистент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин,
Ханты-Мансийская государственная медицинская академия,
Россия, г. Ханты-Мансийск

В статье рассматриваются морально-этические стороны изучения речи политических деятелей. Проведен анализ этической стороны использования речевых техник с целью манипуляции сознанием народных масс.

Ключевые слова: политический дискурс, прагмалингвистика, политическая лингвистика.

Достижение человеком успешной жизни в обществе невозможно без умения строить грамотные аргументированные высказывания. Овладение ораторским искусством это своего рода ключ к лидерству, популярности, признанию и самореализации. Умение публично высказываться является инструментом государственной идеологии, манипуляции общественным мнением и процессом формирования мировоззрения целого народа. Поэтому к изучению техник и навыков ораторского искусства всегда проявлялся повышенный интерес.

В современных учебных изданиях по политологии, однако, не достаточно внимания уделяется вопросам языка и речи, но, как показывает практика, именно речь является главным средством и инструментом управления.

Целью политического дискурса является завоевание власти и ее удержание путем убеждения. Кроме того, политическое слово имеет явный побудительный характер и способно превратиться в инструмент манипуляции.

В.А. Маслова характеризует манипуляцию в политическом языке как процесс навязывания взглядов, мнений, способов действий, являющихся, возможно, заведомо ложными, но выгодными для адресанта [5, с. 45].

Манипулятивная стратегия представляет собой умение скрыто управлять поведением и политическим сознанием не только электората, но и оппонентов побуждая их тем самым либо бездействовать, либо действовать определенным образом во благо манипулятора.

По мнению Л.Ю. Веретенкиной, манипулятивная стратегия характеризуется: наличием явного и скрытого уровня воздействия с целью получения односторонней выгоды; отношением к партнеру как к средству достижения собственных целей; неосознанным характером поведения адресата или адресанта [2, с. 179].

Можно выделить некоторые тактики манипуляторного поведения. Так О.Н. Паршина выделяет тактику гиперболизации (прием прогнозирования негативных последствий), компрометации (прием ложной аналогии), также можно отметить следующие приемы: подтасовка фактов, контрвопросы, поспешное (ложное) обобщение, провокационные вопросы и др. [7, с. 292].

Рассмотрим некоторые примеры:

Компрометация и гиперболизация: *«Такая поддержка как 86 % не имеет значения. В Советское время всегда было 95%, а потом весь Советский Союз кончился. На последнем референдуме в Ираке доверие Саддаму Хусейну тоже было 95%, потом все раз – и кончилось. Была известная история с Чаушеску. Его рей-*

тинг был тоже 90%. Через неделю его убили на улице» (Г.А. Явлинский, партия «Яблоко» [10]).

Гиперболизация: *«Враги внушают нам идеи вражды, учат ненавидеть, того, кто рядом. Их цель – разделить и стравить нас между собой. Мы разрушим коварные планы врага! Наша партия объединяет!»* (И.Д. Соболев, партия «Монархическая партия России» [12]).

«У нас большая, холодная страна. Без электростанций, без теплоэнергетики мы не можем развиваться. При этом объем иностранного капитала в данной сфере составляет 95%. Завтра вам, что угодно, остановят. Примут очередные санкции, не поставят две детали, и у вас все рухнет» (Г.А. Зюганов «Коммунистическая партия РФ» [11]).

Среди тактик манипулирования в политической речи также можно выделить тактику искажения информации, когда представители политики намеренно умалчивают, скрывают информацию, делая вид, что просто не владеют ее. Сюда также можно отнести тактику частичного освещения информации или избирательной подачи информации.

При ответной реакции политических деятелей на действия своих оппонентов может быть использована тактика отрицательной оценки. Так, в одном из своих высказываний Г.А. Зюганов критикует ответы действующего президента России на пресс-конференции 14 декабря 2017 года по выполнению так называемых «майских указов»: *«Да, президент возмущался, что обстановка плохая и здесь многое не решено, но я не услышал откровенных ответов. Ведь объем ветхого и аварийного жилья продолжает нарастать как ком, а решения проблемы нет... Выполнено также несколько указов по социальным проблемам. Но если взять экономику, то все указы провалены полностью»* [11].

Тактика повтора нацелена на навязывание слушателям определенного рода информации, которая в последствие будет восприниматься как общеизвестный факт: *«...Россия находится в изоляции. Она вообще союзников не имеет... Быть в нынешнем мире страной без союзников – это колоссальная ошибка... У нас союзников нет. Вообще никаких»* (Г.А. Явлинский [10]).

Во всех странах мира и во все времена политические деятели представляли собой элитарное общество, выражали голос народа и руководствовались моральными и этическими принципами. Но можно ли утверждать, что политика является «прикладной этикой»? Представители власти как правило преследуют определенные понятия «добра» и действуют в свете того, что они считают допустимым.

Проблему морали в российской политике можно охарактеризовать переходом от старых моральных устоев к новым. Так, например, умение перехитрить оппонента в настоящее время рассматривается скорее как достоинство, нежели как недостаток. Здесь работает принцип «цель оправдывает средства». Сегодня сложно назвать хотя бы одну политическую партию, в чьей предвыборной программе полностью отсутствуют техники манипуляции. Электорат и его ценности используются только как средство достижения цели – захвата и удержания власти, и не представляют важности для манипулятора. При необходимости получить поддержку влиятельных людей политик может играть на их страхах, если же ему нужна поддержка народа, он будет манипулировать настроениями народа. Такой принцип получил название технологический, так как феномены общественной жизни, включая людей, рассматриваются только как средства достижения цели [6, с. 37]. Моральные принципы вступают в противостояние с прагматическими.

Насколько соответствует использование манипуляции в политической сфере морально-этическим нормам? Любое действие власти имущих должно быть оправдано всеобщим благом, способы воздействия, основанные на обмане, ограничении свободы или лишаящие возможности ознакомиться с противоположным мнением не являются этическими. С точки зрения христианства, подобные средства навязывания своей воли являются аморальными и незаконными. Мораль едва ли можно назвать необходимой профессиональной характеристикой современного политика, но это не значит, что политическая деятельность безнравственна. Нравственных принципов, регулирующих деятельность в данной сфере, нет, и критерии, определяющие степень нравственности, настолько индивидуальны, что не сопоставимы с другими сферами. По мнению Кузнецова Н.В., существуют определенные группы моральных норм (профессиональные, корпоративные) и моральные нормы всеобщей природы. Признанная всеми норма не требует осмысления, в отличие от профессиональной, например, только соответствия ей [4, с. 67].

Существует также мнение о том, что манипуляция в обращении с народными массами не только возможна, но и желательна, особенно в условиях критических ситуаций, когда необходимо единение народа и быстрое реагирование на постановку вопроса. Из этого можно сделать вывод, что воспринимать манипулятивное поведение следует только в контексте с ситуацией. Р.У. Семенова называет такую этику «ситуационной», то есть «Конкретные и неповторимые условия политической деятельности предполагают индивидуальную мотивацию и индивидуальный выбор, основанные на морально-психологических качествах личности» [8, с. 138-139]. Эффективность деятельности политика может быть определена только степенью реализации той или иной цели.

Таким образом, нормы морали как таковые не являются значимым фактором для политика в процессе достижения поставленной цели. При этом он вполне может руководствоваться благими побуждениями. В итоге незэтичные методы позволяют более эффективно решать задачи, в том числе и те, которые отвечают интересам общества.

Список литературы

1. Агапова С.Г., Агапова Е.А., Гущина Л.В. Манипуляция общественным сознанием в политическом дискурсе СМИ (на материале английского языка): учебное пособие. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. – 88 с.
2. Веретенкина Л. Ю. Стратегия, тактики и приемы манипулирования // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 24–26 октября 2000 г. – Екатеринбург Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 177-179.
3. Воденко К.В. Современная социально-экономическая политика: культурные и философские основания // Гуманитарий Юга России. – Ростов-на-Дону, институт социологии Российской академии наук. – 2014. – № 3. – С. 77-89.
4. Кузнецов Н.В. О природе моральных норм // Вестник СПбГУ Сер.6. –2010. – С. 63-68.
5. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры в слова? // Политическая лингвистика, 1(24). – 2008.
6. Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции: Учебник для вузов. – М.: Книжный дом «Университет», 2000 – 320 с.
7. Паршина О.Н. Тактики и приемы манипулирования в речевом поведении Российских политиков // Вестник АГТУ. – 2004. – № 3. С. 291-296.
8. Семенова Р.У. Профессиональная этика политика: политические и нравственные аспекты // Вестник ОГУ. – 2006. – № 6.

9. Geuss R. Philosophy and real politics, Princeton University Press. – 2008.
10. Официальный сайт кандидата в президенты Российской Федерации Г.А. Явлинского [Электронный ресурс] // URL: <https://2018.yavlinsky.ru/> (дата обращения 23.12.2017)
11. Новости ЦК КПРФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт КПРФ – URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/171380.html> (дата обращения 23.12.2017)
12. Сообщение политсовета Монархической партии России [Электронный ресурс] // Монархическая партия России – официальный сайт. – URL: <http://monpartyamos.ru/coobshhenie-politsoveta-monarhicheskoy-partii-rossii/> (дата обращения 22.12.2017)

ПОНЯТИЕ «ДИСКУРС» И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Раенкова Ю.Ю.

студент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются такие понятия как «дискурс» и «политический дискурс», даются определения и характеристика этих понятий, а также проводится анализ значимости политических текстов в социуме.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, политический дискурс, социум, убеждение, манипуляция.

Политическая деятельность всегда являлась неотъемлемой частью жизни общества. В современном обществе значимость политической коммуникации возрастает, это напрямую связано с тем, что политическое и социальное устройства государства подвержены усилению демократизации.

На международной арене место страны может напрямую зависеть от определенной политической позиции, которой придерживается человек, также это влияет на взаимоотношения с другими государствами. Стоит отметить, что в определении имиджа страны очень важен способ ее представления ведущими политиками данного государства. Во время своих выступлений политики имеют возможность донести свою точку зрения до людей, а также обратиться не только к гражданам своей страны, но и к мировому сообществу.

Довольно сложным и емким является процесс написания речей, поскольку чаще всего во время выступления политики пытаются не только донести определенную информацию до аудитории о каком-либо аспекте жизни общества, но и вызвать симпатию, получить поддержку, попытаться убедить граждан принять определенную позицию.

Если провести анализ речи многих политических деятелей, то можно выделить определенные правила и стратегии, которые служат инструментами убеждения публики. Изучение выступлений дают нам возможность не только предугадывать намерения и дальнейшие действия политика, но и эффективно определять способы воздействия на аудиторию.

Термин «**дискурс**» является относительно новым, тем не менее, это понятие наряду с «текстом» является многоплановым. Говоря о «**дискурсе**» как о понятии, нельзя не заметить тот факт, что оно стоит в одном ряду с понятием «**дискурс-анализ**», когда исследователь начинает переключать свое внимание с текста имен-

но на «затекст». Контекстное поле, а в частности и социальный контекст, становятся самыми важными, поэтому такие понятия как жанр, сценарий (литературоведческая парадигма), нарратив, миф (эпистемистическая парадигма), фрейм, роль, аудитория, статус (социологическая парадигма), а также интерпретация, в результате должны быть включены в анализ текстов. Очевидно, что дискурс-анализ не распространяется не только на структуру и границы каждого текста в частности, но и на разграничения дисциплинарного характера, получая таким образом статус междисциплинарного исследовательского направления [4, с. 11].

Слово «дискурс» вошло в оборот в середине XX века. Оно имеет французское происхождение. Звучание данного слова сохранилось, единственное различие – это разная постановка ударения: лингвисты делают ударение на первый слог, а социологи на второй. Стоит отметить то, что оба варианта произношения напрямую связаны с разной смысловой нагрузкой данного термина.

Наличие двух значений у данного понятия можно объяснить тем, что под словом «**дискурс**» понимается и деятельность, и ее результат.

Для того чтобы оставить цельность *дискурс-исследований* неизменной, необходимо выделить обобщающий элемент – код, который включает в себя «знаки» *вербальные и невербальные* [4, с. 6].

Под *дискурсом* понимается любой текст во всей его полноте и полифоничности (устный и письменный, исторический и современный, искусственно созданный и реальный).

План его содержания может включать в себя полный комплекс знаний о мире вокруг нас, о социуме и коммуникантах, а также о коммуникативных кодах в их непосредственном взаимодействии [3, с. 10].

Дискурс-анализом можно назвать комплексный анализ различных видов реконструкции и содержания всех типов контекстов, заложенных в него. Дискурс является текстом, который становится доступным для субъектов в процессе общения.

То пространство дискурса, которое связано с порождением речи является многомерным. Основные характеристики передачи языкового знака на его реализацию в условиях коммуникации могут быть распространены при помощи разносторонней разработки понятийного аппарата семиотики, применительно к лингвистике.

По существу **политический дискурс** представляет собой выражение полного комплекса человеческих взаимоотношений с обществом. Для того чтобы проследить тенденцию моделирования культурных ценностей в разных языковых средах, можно использовать политический дискурс. С помощью него можно получить информацию о том, как составляются модели культурных ценностей, и осуществляется пропаганда социального порядка, а также какие элементы языковой картины мира исключаются из речевых стратегий, говорящих и каким образом формируется присущая каждому языковому коллективу концептуальная картина мира [1, с. 108].

Политический текст насыщен информацией не только экстралингвистического характера, что являет собой картину мира, но и знаковой информацией, в которой картина мира представлена через номинацию, знак). Политический текст есть продукт столкновения различных стратегий и интересов, волевых усилий и равнодействующих идей политических субъектов.

Политический текст – есть вербализированная политическая деятельность во всех ее проявлениях: знаковых/символических и незнаковых. Данное понятие

включает в себя тематический объем и вариативность стилевых особенностей, переданных средствами языка политической активности.

Современное исследование речей политических фигур состоит из двух методик:

1) **дискурс-анализ** (максимально широкая парадигма исследования);

2) **семиотический анализ** (более узкий подход, поскольку он не акцентирует свое внимание в полной мере общественно-исторических условий, в которых находится и функционирует объект, подверженный анализу; этот подход сконцентрирован лишь на характеристике дискурса знакового характера).

Из всех видов действий коммуникативного характера в политическом дискурсе наиболее важную роль играет интенциональное действие «убеждение», которое проявляется в различных этноспецифических модусах-поступках. Подобные этнокультурные модусы возникают при помощи сложного переплетения двух видов стереотипов: коммуникативных, что связаны с устоявшимися нормами поведения и ценностными категориями и с языковыми, связанными с семантическими предпочтениями конкретного языка. [2, с. 40].

Таким образом, говоря о *политическом дискурсе* и его целостности, следует отметить один немаловажный факт: нельзя ограничиваться моментами чисто языкового плана, поскольку это может послужить причиной потери внимания, которое должно быть обращено на суть и цель политического дискурса. Понимание политического дискурса требует знание фона, ожиданий аудитории и автора, сюжетных схем и скрытых мотивов, наличие определенных логических переходов, характерных для конкретной эпохи.

В политическом дискурсе преобладают лексические и стилистические средства. Данный факт можно объяснить тем, что данные средства обладают огромным аргументативным потенциалом и большой образностью. Данные свойства политического дискурса являются немаловажными, поскольку политические тексты предназначены для публичных выступлений и их целью является привлечение внимания слушателя и воздействие на его эмоции и чувства.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что понимание и знание лингвистических особенностей политического дискурса имеет важное значение для политических деятелей, поскольку для грамотного ведения диалогов и привлечения внимания оппонента к себе – просто необходимо. Политический дискурс может служить орудием манипулирования. Именно данными фактами и обуславливается наличие определенных особенностей политических текстов на всех языковых уровнях: *лексическом, словообразовательном и синтаксическом* и т.д.

Список литературы

1. Гийом Ж., Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса / Ж. Гийом, Д. Мальдидье // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер с фр. и порт. – Москва: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 108.

2. Кунцевич С.Е. Психологические аспекты политического дискурса / С.Е. Кунцевич // Вестник Минского гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2005. – № 4 (20). – С. 40.

3. Ухванова И.Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе / И.Ф. Ухванова // Философская и социологическая мысль. – Киев, 1993. – №3.

4. Ухванова-Шмыгова И.Ф. Дискурс-анализ в контексте современных исследований / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. трудов / Белгосуниверситет; И.Ф. Ухванова-Шмыгова, А.А. Маркович, В.Н. Уханов; под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Вып. 3. – Минск, 2002. – С. 6-11.

КАТЕГОРИЯ ДЕТЕРМИНАЦИИ В АРТИКЛЕВЫХ И БЕЗАРТИКЛЕВЫХ ЯЗЫКАХ

Самигуллина Г.А.

ст.преп. кафедры романо-германских языков и методик их преподавания,
Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Россия, г. Набережные Челны

В статье рассматриваются способы выражения категории определенности/неопределенности в языках романской, тюркской и славянской групп на примере французского, русского и татарского языков. Отсутствие морфологических эквивалентов артикля в русском и татарском языках компенсируются целым комплексом взаимодействующих средств, принадлежащих разным языковым уровням и функционирующих в тесной взаимосвязи друг с другом.

Ключевые слова: категории определенности/неопределенности, семантика, языковые средства, грамматическая категория, артикль, падеж, аффикс.

Единство в разнообразии – главная проблема языка и лингвистики. Важно видеть корреляционную природу этих двух концепций. Одни считают, что единство предполагает объединение различий, другие – наоборот.

Однако, различия наблюдаемы повсюду. Тогда как единство, напротив, не являясь непосредственно доступным для нас, часто выдвигается как гипотеза, которая необходима для понимания разнообразия.

Цель данной работы – показать, что каким бы глубоким не было изучение одного языка, это само по себе является недостаточным и может привести к ошибочным выводам в отношении построения объединяющих принципов познания и концептуализации. Систематизация как результат, отчасти имеет статус предположений и постоянно нуждаются в переосмыслении согласно разнообразию исследуемых и используемых языков.

Категория определенности-неопределенности является одной из категорий семантики высказывания, функцией которой является актуализация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определённость) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределённость). Всем языкам присущи средства выражения категории определенности-неопределенности, но типология их различается от языка к языку по своей внутренней структуре и функциональной семантике.

Какова же роль этого морфосемантического выражения детерминации в языке? Если это важно для интерпретации предложения, почему языки без артиклей не имеют морфологических форм, которые направлены на выражение этого свойства? Какая разница между определенным и неопределенным в этих языках? Постараемся ответить на эти вопросы, сравнивая языки разных групп.

В XVIII-XIX вв. категория определенности-неопределенности изучалась в тесной связи с описанием семантики артикля в описательных грамматиках артиклевых языков. Но с конца XIX в. эта категория начинает рассматриваться именно как понятийная, выражаемая целым комплексом языковых средств, из которых артикли – лишь небольшая часть [13, с. 316-317].

В функционально-семантическом аспекте данная категория касается ряда теоретических проблем: семантика артиклей в артиклевых языках, типы соответ-

ствия между имплицитными проявлениями категории определённости-неопределённости в безартиклевых языках и её грамматическими показателями в артиклевых. Традиционное представление о детерминации связано в первую очередь лишь с существительными. Однако, в русском языке, не имеющем морфологического выражения категории детерминации, категория определенности может быть выражена и порядком слов в предложении, т.е. синтаксически. Например, *Поезд прибыл – Прибыл поезд*. Если существительное (подлежащее, в данном случае) стоит перед глаголом (сказуемым, в данном случае), то оно интерпретируется, как определенное. В другом примере речь идет о прямом и косвенном дополнении и, соответственно, их детерминирующая интерпретация: *Маша дала книгу мальчику / Macha donna un livre à un garçon. Маша дала мальчику книгу / Macha donna un livre au garçon*. Семантические процессы (в частности, процессы семантического согласования) начинают действовать еще на уровне смысловых структур, предшествующих категоризации фрагментов смыслового комплекса как будущих членов предложения и выбору определенных словарных единиц как представителей тех или иных частей речи [7, с. 263-264].

Отсутствие в русском языке морфологического эквивалента французского артикля, асимметрия средств выражения категории определенности-неопределенности (речь идет о морфологической составляющей на французском языке против дискурсивной, синтаксической и лексической составляющей в русском), тот факт, что русский, в отличие от французского, не учитывает знания, которыми владеет говорящий / слушатель в ситуации общения, и придает меньшее значение выражению части / всей дихотомии, может объяснять не всегда высокий уровень усвоения обучающимися этого явления даже в контексте специализированных исследований [5, с. 27-30].

В процессе обучения деятельность, направленная на понимание и усвоение основ лингвистики, может играть косвенную роль в осмысливании нового грамматического феномена, поскольку эти действия способствуют восприятию и сравнению семантических ценностей этого явления в изучаемом и родном языках.

Согласно некоторым исследованиям в контрастивной лингвистике (Селиверстова, 1964, Падучева, 1974, 1985, Partee, 2005), категория детерминации является частью языковых универсалий, а некоторые концепции этой категории, представленные на французском языке неопределенным артиклем, получают формы неопределенных местоимений на русском языке. Эти значения, выраженные во французском языке в виде неопределенного артикля, на русском языке имеют следующие формы неопределенных местоимений:

какой-то

Notre enseignante était déjà partie à une conférence / Наша учительница уже уехала на [какую-то] конференцию;

какой-нибудь

De temps en temps un des gars attrapait une fille / Время от времени один из парней гнал за [какой-нибудь] девочкой;

кто-то ...

Ils auraient cru qu'il y avait un étranger dans le salon / ...Они, верно, подумали бы, что кто-то чужой сидит в гостиной;

чей-то

Une voix que je n'ai pas pu identifier, a murmuré... / Чей-то голос (чей – я не мог разобрать) произнес...;

кто-то из, кое-какой, некий (один);

указательных: *такой*; в некоторых случаях притяжательных: *свой*, а также числительные *один, один из*. Для определенного артикля это указательные и притяжательные местоимения: *тот, тот самый, этот*.

Категория детерминации представлена также в тюркских языках, где она не может быть квалифицирована как грамматическая категория. В отличие от романских языков она может быть рассмотрена как функционально-семантическое поле без универсального морфологического выражения. Свое наиболее последовательное выражение данная категория находит в сопряжении с категорией притяжательности существительных. В системе склонений существительного определенность и неопределенность образуют оппозицию, в которой сильным (маркированным) членом является определенность, так как она морфологически выражена специальным аффиксом притяжательности, интегрированным в структуру существительного между формами числа и падежа [8, с. 481].

Категория детерминации в татарском языке выражается целым комплексом взаимодействующих средств, принадлежащих разным языковым уровням и функционирующих в тесной взаимосвязи друг с другом. Такие падежи, как аккузатив и генетив (синкретичные падежи) могут помочь выразить идею детерминации имени применительно к широкому кругу явлений мира. Для татарского языка определенность и неопределенность являются членами одной оппозиции.

Аккузатив, как форма выражения определенности объекта, на который направлено действие образуется при помощи аффиксов *-ны/-не*: *китапны уку* (читать [эту] книгу), *ташны алу* (взять [этот] камень), *чәчәкне утырту* (посадить [этот] цветок). Форма же основного падежа указывает на неопределенность объекта в аналогичных конструкциях: *китап ал* (возьми [какую-нибудь] книгу), *чәчәк утырт* (посади [какое-нибудь] дерево).

Идея определенности и широкий круг определительных отношений выражаются генетивом, синтаксической связью словоформы с другим элементом (элементами) синтаксической структуры предложения – аффиксы *-нын/-нең*: *китапның тышы* (обложка [этой] книги), *кешенең тавышы* (голос [этого] человека или собирательно голос человека как представителя класса, противопоставленного другим классам), *ташның асты* (нижняя часть [этого] камня), а также связь между действием и его субъектом: *баланың елавы* (плач [этого] ребенка), то есть генетив выступает как релятивизатор в широком смысле.

Противопоставленными являются формы основного падежа и генетива в одних и тех же позициях: *авыл кызы* (деревенская девушка) – *авылның кызы* (девушка из [этой] деревни).

Одним из основных средств маркирования неопределённости имени в татарском языке является лексема *бер*, грамматический статус которого рассматривается в качестве числительного «один» для лексического выражения количества, подобно другим количественным числительным, в качестве специального грамматического показателя единичности и в качестве показателя неопределённости: *Кибет янында бер хатын кызы күрдек/У магазина мы увидели [одну, незнакомую] женщину*. Значение неопределённости, в данном случае, основано на характеристике объекта/предмета как нового для слушателя.

Употребление артикля тесно связано с семантикой имен существительных, а именно, к какому грамматико-семантическому (лексико-грамматическому) классу они относятся. Категория определенности-неопределенности стоит в одном ряду с

некоторыми другими категориями, которые «относятся скорее к способу передачи содержания, чем к самому содержанию. В частности, все они связаны с тем, как говорящий оценивает способность слушающего понять то, что говорится, на основании определенного контекста» [11, с. 278].

В качестве вывода следует отметить, что категория детерминации, независимо от способов ее выражения, существует во всех языках и ее отсутствие свидетельствовало бы о неспособности людей устанавливать связи между принимаемыми высказываниями и имеющимся в их сознании отражением действительности, а значит, о неспособности понимать смысл данных высказываний.

Список литературы

1. Алехина М.И. Категория определенности – неопределенности предмета в современном русском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1975.
2. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7-85.
3. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. – Москва: Просвещение, 1983.
4. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – Москва: Добросвет, 2000.
5. Ефремова И. Н., Белкова Т. М. Способы и средства выражения категории определенности / неопределенности в русском и французском языках // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. Т. 28. С. 27-30. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/770678.htm>.
6. Карбаинова М. Ю. Особенности нулевого артикля во французском языке с позиций теории дискурса / М. Ю. Карбаинова // Вестник Бурятского государственного университета. Романо-германская филология. – Улан-Удэ. – 2010. Вып. 11. С. 57-62.
7. Крылов С. А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика, в. 23, М., 1984. С. 124-154; переизд.: там же, вып. 35. С. 244-271.
8. Мурясов Р.З. Контрастивно-типологический взгляд на категорию определенности-неопределенности. Категория определенности // Вестник БашГУ, 2016, N2.
9. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982.
10. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань, 1997.
11. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. С. 277-316.
12. Чудинова Ю. В. Определенный артикль во французском тексте и средства его передачи в русском языке: монография / Ю. В. Чудинова. – Москва: КНОРУС, 2012.
13. Grasserie R. De l'article // Mémoires de la Société de linguistique de Paris, 1896. Vol.9. P. 285-322, 381-394.
14. Cuq J.-P., Queffelec A. Enseignement de la grammaire et enseignement grammaticalisé en français langue seconde // Le français dans le monde, 2005. P. 75-84.
15. Cyr P., Germain C. Les stratégies d'apprentissage. Paris; Clé international, 1998.
16. Germain C., Séguin H. Le point sur la grammaire. Paris ; Clé international, 1998.

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ТВОРЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ БЕЛГОРОДСКОГО РЕГИОНА¹

Буксикова О.Б.

доктор искусствоведения, профессор,

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, г. Белгород

В статье анализируются долгосрочные международные проекты, которые осуществляются в Белгородском регионе, и выявляются основные проблемы, связанные с трансляцией в современный социум уникального музыкально-песенного, танцевально-игрового, декоративно-прикладного наследия славянских народов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления современных неформальных подходов к трансляции в современный социум непреходящих ценностей народной художественной культуры славянских народов. В результате проведенного исследования выявляется, что в процессе трансляции уникальных образцов народной художественной культуры, особая роль должна отводиться таким формам, которые способствуют непосредственному погружению личности в мир духовной культуры своего народа через постижение семантики движения, орнамента, костюма; именно на этих формах следует акцентировать внимание при реализации международных творческих проектов.

Ключевые слова: Белгородский регион, творческий проект, мастер-класс, традиционная культура, славянские народы, реконструкция, трансляция, культурное наследие.

Многообразные историко-культурные этнические контакты, социально-экономические и природно-хозяйственные условия определили своеобразие культурного пространства Белгородского региона. Актуальность данного исследования связана с проблемами трансляции уникального наследия традиционной художественной культуры славянских народов, которые прочно связывают невидимые нити их исторического прошлого. Народная художественная культура является стержнем всего древа культуры, ее наиболее устоявшейся древней и монолитной частью, так как она представляет собой результат творчества всего этноса, а в ее формировании, развитии и сохранении участвовали и участвуют все социальные группы и слои общества [2, с. 8].

Анализ долгосрочных международных проектов, которые осуществляются на земле Белгородской, позволяет выявить основные проблемы, связанные с трансляцией в современный социум уникального музыкально-песенного, танцевально-игрового, декоративно-прикладного наследия славянских народов.

Начиная с 1997 г., один раз в два года осуществляется творческий проект «Международный фестиваль славянской культуры «Хотмыжская осень». В село Хотмыжск Борисовского района Белгородской области с момента восстановления Воскресенской церкви, сыгравшей большую роль в истории единения Переяславской Рады и Московского государства, регулярно приглашаются известные творческие коллективы и отдельные исполнители из России, Украины, Белоруссии, Юго-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Белгородской области (договор о предоставлении гранта № 8-гр от 03.07.2017 г.) и РФФИ в рамках научного проекта № 17-14-31001.

славии (2001 год), Польши (2005 год), Боснии и Герцеговины (2013 год), Сербии (2015 год) Словении (2017 год) [4].

Во исполнение постановления Правительства Белгородской области от 16 декабря 2013 года № 526-пп «Об утверждении государственной программы Белгородской области «Развитие культуры и искусства Белгородской области на 2014-2020 годы», 19 сентября 2015 года состоялся наиболее яркий и масштабный X Международный фестиваль славянской культуры «Хотмыжская осень».

Юбилейный проект был посвящен двум знаменательным датам – 1000-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В проекте приняли участие коллективы народного художественного творчества, мастера декоративно-прикладного искусства и художники из Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской областей, Республики Беларусь, Республики Крым, Белгородской, Воронежской, Липецкой, Курской, Ростовской, Тамбовской областей, городов Луганск, Салехард Ямало-Ненецкого автономного округа, Ростова-на-Дону, Владимира, Москвы.

Наряду с большим разнообразием проведенных массовых мероприятий, конкурсов, концертов необходимо, на наш взгляд, остановиться на неброских и небольших по количеству участников, но очень значительных по своей внутренней семантической наполненности и содержанию мастер-классах, которые являлись, на наш взгляд, стержнем всего интерактивного многослойного художественного действия. Здесь, на основе реконструкции подлинных образцов декоративно-прикладного творчества региона, народными мастерами были представлены выполненные из дерева,двигающиеся музыкальные игрушки и музыкальные инструменты. Каждый присутствующий мог взять их в свои руки и попробовать поиграть на том или ином народном инструменте под руководством народного мастера или поиграть с исконно русскими традиционными игрушками. На проведенном мастер-классе «Я русский крестьянин» участники фестиваля из разных стран и регионов России смогли попробовать свои силы в навыках ручного труда, которым издревле занимались наши предки.

Юноши, участники военно-патриотических клубов «Белгородская засечная черта» из города Новый Оскол и «Вольные стрелки» города Шебекино, закованные в кольчуги, бились на мечах и пиках, стреляли из старинных пистолетов и луков. Кольчуги и оружие были реконструированы на основе подлинных образцов русского воинского снаряжения. Участники прошли специальную подготовку под руководством мастеров, владеющих различными видами воинского искусства. Этот мастер-класс имел исторические корни, связанные с местом расположения «Белгородской засечной черты» и был направлен на патриотическое воспитание молодежи, приобщение ее к ратным подвигам предков, которые издревле проживали на этой земле. М.С. Жиров отмечает, что южные окраины России стали заселяться благодаря сооружению восьмисоткилометровой засечной черты, получившей название Белгородской. Остатки Белгородской засечной черты в виде рвов и валов просматриваются и сегодня [2, с. 24].

В рассмотренных творческих мастер-классах участвовали представители разных возрастных групп, непосредственное «вживание» их в различные направления традиционной художественной культуры, помогает приобщиться к ней «изнутри» ощутить себя ее частью, «проиграть» культурные сюжеты, «примерить» на себя созданные ситуации: «Я талантливый музыкант», «Я непревзойденный ткач», «Я непобедимый воин». Участие в таких мастер-классах, а по существу в перфо-

мансе, позволяет человеку как бы прокрутить назад колесо времени, стать непосредственным участником исторических событий, примерить на себя все предложенные роли, изнутри, непосредственно, приобщиться к богатейшему культурному наследию своего народа.

Большой эмоциональной наполненностью и включением каждого участника проекта в творческий акт отличался и мастер-класс «Узорный хоровод», который неоднократно проводился и как самостоятельный творческий проект в Грайворонском районе Белгородской области. Каждый участник становился частью этого эмоционально наполненного действия. Одной из основных форм регионального народного хореографического творчества, является «Карагод» (движение по кругу). Семантика круговых ритуальных танцев славянских народов связана с солярными знаками, которые подтверждаются традиционными фигурами кругового танца. Коллективное исполнение сакральных фигур танца, таких как «Древо жизни», «Плодородие», «Земля, вода», «Земля, поле» составляет основную канву всего этого ритуального синкретического действия. Основой драматургии карагодного действия является гармонизация двух начал – мужского и женского.

Женщины, совершая в карагоде ритуальные движения руками на разном уровне (на уровне земли, ног, затем груди, на уровне головы и над ней), тем самым, осуществляли сакрализацию пространства вокруг себя и всех участников, причем, круговые движения рук и кистей могли одновременно символизировать солярные небесные знаки. Такую же семантическую нагрузку несли движения рук у мужчины – заводилы карагода. Правая его рука поднята вверх, а левая убрана за спину, можно предположить, что это связано с тем, что правая рука в системе ориентации человека в окружающем мире имела положительную символику и отражала такие понятия как: верх, жизнь, счастье, благодать, правда, а левая рука символизировала низ, смерть, несчастье, ложь. Тем самым описанное выше положение рук у ведущего карагод, символизировало открытость человека всему правильному, положительному и полное отсутствие отрицательного, за счет того, что левая рука была спрятана за спину [1, с. 51-52]. В карагодное движение обычно включаются все присутствующие участники праздника. Это древнейшее стихийное действие завораживает, и его участниками становятся люди всех возрастных категорий.

Особый интерес именно к такому непосредственному включению каждого участника в народную художественную культуру связан с тем, что в течение нескольких предыдущих десятилетий она была заорганизованной и служила в основном для демонстрации достижений советского строя, подвергаясь насильственной переделке, основанной на внешней эффектности, броскости, утрачивая свою исконную простоту и историко-культурные формы. Долгое время насаждаемый ложный курс на интернационализацию и индустриализацию способствовал разрушению веками сложившейся народной художественной культуры, культуры преемственности традиций, а главное разрушал в человеке психологию творца, народного мастера [3, с. 135].

Поэтому, на наш взгляд, решение проблемы трансляции напрямую связаны именно с такими сторонами международных проектов, где каждый его участник чувствует себя неповторимой самобытной личностью, сопричастной к сокровищнице художественного наследия славянских народов и идет непосредственная передача традиционных исконных ценностей от поколения к поколению, от народа к народу.

Проведение, рассмотренных в статье мастер-классов, способствует непосредственному общению мастера с участниками проекта. Яркая демонстрация ма-

стерства, в том или ином виде народного искусства, служит моделью для подражания, вдохновляет участников на дальнейшее глубокое овладение полученными навыками. Однако встречаются ситуации, когда единственный в своем роде мастер не владеет методикой передачи своих знаний и умений, не может передать в доступной форме свои конкретные техники. Поэтому требуется серьезная работа с такими мастерами по обучению их основам педагогического мастерства для передачи уникальных знаний умений и навыков, которыми они владеют. Этим должны планомерно заниматься методисты сельских и городских домов народного художественного творчества при подготовке к крупномасштабным международным проектам.

В основе проведения рассмотренных в статье мастер-классов, лежат следующие принципы: принцип вербального комментирования, который теснейшим образом связан с принципом союза культур и с принципами наглядности и доступности. Важнейшим, на наш взгляд, является принцип удовлетворения индивидуальных потребностей каждой отдельно взятой личности, через непосредственное включение ее в не парадную, а повседневную трудовую жизнь своих далеких предков, которые обладали глубоким чувством, прекрасного, воплотившемся в народном художественном творчестве этноса.

Подготовка и проведение таких долгосрочных международных проектов требует постоянного обновления форм и методов творческой деятельности. Планомерная работа, организованная в учреждениях культуры Белгородской области, свидетельствует о широком использовании всех видов и жанров традиционного народного искусства в международной проектной деятельности. Это связано с тем, что народное искусство в своих традиционных и современных синтетических формах, способно наиболее полно удовлетворить потребности людей разных возрастных групп в осмыслении и непосредственном включении в художественно-творческий акт и реализовать исконную потребность личности в социально – культурной активности.

Тесные культурные и духовные связи славянских народов, их общая история на протяжении длительного периода, совместная трудовая жизнь и ратные подвиги, благодаря последовательно и планомерно проводимым межкультурным проектам, направленным на развитие толерантности и высокой индивидуальной этнокультуры личности, формируют в Белгородском регионе особую полиэтническую и поликультурную среду.

Список литературы

1. Буксикова О.Б. Региональные и семантические аспекты традиционной танцевальной культуры Белгородчины // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 2. С. 46-58.
2. Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород: Облтипография, 2000. 267 с.
3. Некрасова М.А. Проблемы народного искусства в экологии культуры // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: Сб. науч. трудов в 2-х ч. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 1993. Вып. 2. Ч. 1. С. 135-141.
4. Фестивали Белгородской области. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Фестивали_Белгородской_области](https://ru.wikipedia.org/wiki/Фестивали_Белгородской_области) (дата обращения: 20.11.2017).

К ПРОБЛЕМЕ МЕДИАТИЗАЦИИ: ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕДИА С ИСКУССТВОМ

Гуркина М.И.

старший преподаватель кафедры хорового, сольного пения и музыкально-теоретических дисциплин, Смоленский государственный институт искусств, Россия, г. Смоленск

В данной статье рассматривается феномен медиатизации в контексте его социальных и технологических аспектов и его влияние на художественную сферу. Медиатизация понимается как фактор трансформации художественной формы и эстетики, являющийся результатом ассимиляции искусства с основными принципами и логикой функционирования медиа.

Ключевые слова: медиатизация, медиа, цифровая эпоха, музыкальное искусство, публика.

Медиатизация как процесс экспансии средств коммуникации привлекала к себе внимание исследователей начиная с эпохи аналоговых медиа. Однако сегодня, с развитием цифровых технологий, изучение этого явления становится насущной необходимостью, так оказывается связанным с трансформационными процессами эстетического сознания современности. Медиатизация была объявлена социальным трендом [3].

Термин перенесен из англоязычной среды, где он появился в результате сочетания существительного «медиа» («media») с суффиксом «ize». Такое словообразование, как правило, отражает процесс, т.е. буквально действие, осуществляемое медиа в отношении чего-либо. В контексте цифровой эпохи, медиатизация, включая в себя тотальную дигитализацию как политику информационного общества, внедряется в процессы современной жизни, структурируя повседневность и все сферы социальных практик, в том числе и художественных [2].

Известный теоретик медиа Н.Луман понимает медиатизацию как «путь к публичности». В понятии «публичность» он выделяет два момента: публичность как охват некоей социальной общности и публичность как признание общественной ценностью [4].

Эти два смысловых аспекта входят в феномен публики, как некоего сообщества, аудитории, которая не просто присутствует, а своим присутствием конституирует процесс рождения или актуализации художественного события.

Понятие «публичности» также отражает основные функции средств массовой коммуникации. По мере технического прогресса кроме социального аспекта в это понятие добавляется и технологический. В контексте технологического аспекта Л. Манович вводит разделение на два типа медиа: старые и новые. «Старые медиа»: газеты, книги, фото, радио, кино, телевидение и прочее, «новые медиа» – интерактивные электронные издания, цифровые, сетевые технологии и коммуникации, которые задействуют мультимедийный принцип цифрового представления информации и являются конвергентными. С конца 1990-го года вся сфера цифровых средств коммуникации стала определяться как «новые медиа», что стало началом «цифровой эпохи» и тотальной технологической детерминации общества [8].

В среде «старых медиа» медиатизация оказывается феноменом не коммуникации, а трансляции художественных текстов. Трансляция не может достичь уров-

ня полноценной коммуникации, так как средства массовой информации представляют собой однонаправленную коммуникационную систему, поэтому реального процесса коммуникации как взаимодействия передающей и получающей стороны при интерпретации сообщения нет. Однако такое положение дел было характерным для эпохи «старых медиа», и, хотя в цифровой эпохе оно еще имеет место, тем не менее появляются принципиально иные соотношения медиа и публики. Если первый этап («старые медиа») характеризуется лишь информационной поддержкой художественных событий медиасредствами, то второй этап, пользуясь выражением М.Кастельса, – «проникновением медиа в ткань», в материальность художественных композиций, что приводит к трансформации многих художественного процессов.

Так, если в среде «старых медиа» актуализация произведения искусства выполняла функцию информационного повода, становилась источником для ее осмысления и обсуждения, то в среде «новых медиа» дискурс, производимый публикой, становится частью художественного произведения. Произведение является не столько «открытым», сколько диссеминованным, рассредоточенным в бесконечных метаморфозах смысловых интерпретаций, что обусловлено введением в структуру художественного текста всевозможных прецедентных феноменов, апеллирующих к социальной памяти той или иной среды.

Научная рефлексия медиатизации связана с исследованиями, развивающимися в гуманитарной сфере, где под медиатизацией понимается процесс влияния медиа на окружающую среду и человека. Проблема: медиа как фактор трансформации форм опыта, мировоззрения и самовыражения, – была обоснована в работах основоположника англо-саксонской традиции медиа теории Г.М. Маклюэна. Медиа рассматриваются Маклюэном как внешние расширения человека, т. е. как техническая альтернатива органов чувств и способностей [7].

По мнению Беньямина, внедрение техники в процесс творчества навсегда проведет границу между традиционным искусством и искусством новой эпохи. В качестве феноменов, репрезентирующих особенности «нового искусства» Беньямин приводит те виды искусств, которые возникли как результат аппаратной фиксации реальности и возможностей массового тиражирования. Для Беньямина это искусство фотографии, кинематограф и отчасти музыкальное искусство (в той его части, которая стала озвучивать визуальный ряд). Он рассматривает их как пример искусств, чья «материальность», фактура и эстетика оказываются производными от возможностей техники. И, хотя, Беньямин не использует в своих работах термин «медиатизация», тем не менее критерий тиражирования он ставит в центр грядущих художественных трансформаций. Беньямин вводит понятие «экспозиционные возможности», подчеркивая, что и в традиционных искусствах были явления, которые без необходимости тиражирования имели большой «экспозиционный» потенциал, т.е. будучи выставлены на публичное обозрение, они своим художественным совершенством были способны «поражать» огромные аудитории. Таким образом, критерий «тиража» или по Беньямину «экспозиционные возможности» должны входить в эстетику художественного текста для того, чтобы произведение могло сохранить свою целостность. Будучи выставлены на публичное обозрение, они своим художественным совершенством должны быть способны «поражать» огромные аудитории [1].

Позицию Маклюэна: медиа как расширение сенсорных возможностей человека, и Беньямина: об «экспозиционных возможностях» произведения развивает

Ф. Ауслендер по отношению к музыкальному искусству. Начала медиатизации музыкального искусства он связывает с появлением и внедрением в практику музыкального исполнительства всевозможных усилителей звука [5].

Пути взаимодействия музыкального искусства и медиа исследует немецкий теоретик медиа Б. Кремер. Традиционные способы диалога с публикой апеллировали к механизмам апперцепции в рамках художественного восприятия. Это опора на узнаваемые фольклорные мотивы, знаковые образы, и т.п. В цифровую эпоху данные художественные методы значительно расширяются и обогащаются новыми инструментами взаимодействия с аудиторией, присущим средствам массовой коммуникации.

Кремер пишет о том, что художественные произведения поддерживают свою функциональность заимствуя методы и инструменты пиар-технологий. Художественный цикл проходит те же стадии взаимодействия с общественностью, что и любая политическая акция [6].

Подразумевая под медиатизацией прежде всего творческий диалог «новых медиа» и традиционных видов искусства, не связанных с цифровой инженерией, необходимо отметить, что в этом контексте медиатизация становится инструментом формирования новых художественных методов и подходов, позволяющих традиции репрезентировать и развивать себя в совершенно новых условиях.

Список литературы

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 256 с.
2. Гуркина М.И. Медийная эстетика классического музыкального искусства // Вестник МГУКИ. 2014. №3 (59). С.248-252.
3. Коломиец В.П. Медиа социология: теория и практика. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2014. 328 с.
4. Луман. Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
5. Auslander. Ph. Liveness: performance in a mediatized culture London and New York, 1999. 179 p.
6. Krämer. B. The Mediatization of Music as the Emergence and Transformation of Institutions: A Synthesis// International Journal of Communication 5 (2011), 471-491.
7. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Cambridge. London: MIT Press, 1994. 355 p.
8. Manovich L. The Language of New Media. – London: The MIT Press, 2002. 354 с.

ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Коробков И.А.

магистрант кафедры аналитической методологии
и педагогики музыкального образования, Академия имени Маймонида,
Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина,
Россия, г. Москва

В статье музыкальное произведение рассматривается в качестве одного из важных факторов развития юридической науки. Трактовка в российском законодательстве вопросов авторского права на музыкальное произведение или его компоненты (мелодию, гар-

моническую и ритмическую структуру) демонстрирует разнообразие и, подчас, противоречивость подходов к решению данной проблемы. Это является основой для дальнейшего уяснения основных проблем в области авторского права на музыкальное произведение и поиска их решения.

Ключевые слова: музыкальное произведение, восприятие, правовые аспекты творчества, российское авторское право, охрана авторского права.

В науке гражданского права традиционно принято выделять три элемента музыкального произведения: мелодию, гармонию и ритм. Они являются основными аспектами произведения, охраняемыми авторским правом. В соответствии с п.7 ст.1259 ГК РФ объектом авторского права является не только музыкальное произведение в целом, но и его часть [6, с. 372]. Следовательно, норма означает то, что авторским правом охраняется не только сама внешняя форма музыкального произведения, но и ее составные части.

Перейдем к более подробному рассмотрению понятия «мелодия». В советском праве велся спор о том, стоит ли признавать мелодию охраняемой частью музыкального произведения. Господствующей точкой зрения была та, согласно которой мелодия не признавалась объектом правовой охраны. Утверждалось, что мелодия связана с ритмом и гармонией неразрывно, и поэтому не может охраняться отдельно от двух других элементов музыкального произведения [5, с. 9]. Сторонники этой теории (Б.С. Антимонов, Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе и др.) приводили отрывок из письма П.И. Чайковского, который отмечал: «Мелодия никогда не может явиться в мысли иначе как с гармонией вместе. Вообще оба элемента музыки вместе с ритмом никогда не могут отделиться друг от друга, то есть всякая мелодическая мысль носит в себе подразумеваемую к ней гармонию и непременно снабжена ритмическим делением» [8, с. 372].

Противоположная точка зрения содержится в работах Н.Л. Зильберштейна. Автор аргументировал свою позицию тем, что мелодия может использоваться самостоятельно от других элементов музыкального произведения [4, с. 12]. Так же он утверждал, что вышеприведенный отрывок из письма Чайковского трактуется неверно, так как в нем выражено субъективное отношение автора к создаваемому сочинению, отмечая, что не представляется невозможным выделение из музыкального текста одной мелодии и фиксации ее без гармонии с целью дальнейшего использования в другом сочинении [4, с. 13]. Этот подход представляется верным, так как в случае непризнания мелодии в качестве отдельного охраняемого элемента произойдет сильное ущемление прав авторов музыкальных произведений, и в случае плагиата было бы крайне сложно доказать факт его совершения в суде.

Под гармонией понимается объединение звуков в созвучие и связную последовательность таких созвучий. Она имеет существенное значение в развитии и обогащении музыкального произведения. Гармония выступает, как правило, в качестве вторичного элемента произведения, который призван украсить мелодию, и тем самым сделать произведение целостным, выразительным и полноценно звучащим [2, с. 5]. Но недооценивать важность гармонии в составе элементов музыкального произведения не стоит, так как при перегармонизации (к примеру, изменении аккордов, линии баса) происходит смена звучания произведения – может измениться окрас мелодии, настроение, создаваемое произведением. Тем не менее, по мнению П.Г. Дадяна выделять гармонию как самостоятельный элемент не представляется необходимым, ибо использование ее отдельно от мелодии не представляется воз-

можным [1, с. 56]. Данное утверждение представляется верным, так как ограничение в использовании каких-либо приемов гармонизации привело бы к снижению уровня творческой деятельности в мире. Ведь в музыке известны случаи, когда в абсолютно разных произведениях гармонические линии если не идентичны, то, как минимум, максимально похожи. Для примера стоит взять творчество Чарли Паркера, известного саксофониста двадцатого века, родоначальника жанра би-боп. Он стал использовать так называемую гармоническую последовательность «современный блюз», скопированную с незначительными изменениями с гармоний архаического блюза. Многие известные авторы в своем творчестве использовали эту самую последовательность аккордов, в результате чего родилось огромное количество гениальных джазовых стандартов.

Ритм, как справедливо утверждает Д. Липчик, не может претендовать на правовую охрану как отдельная составная часть музыкального произведения – «нельзя присуждать исключительные права ритму, так же как нельзя их присудить литературному жанру» [6, с. 64]. Ритм можно определить как систему временной организации музыки, структурно состоящую из длительностей – звуков и пауз. Ритм имеет тесную связь со временем, может быть, как одинаковым на протяжении всего произведения, а может и изменяться. Он призван для создания и раскрытия художественного образа произведения.

Российское авторское право, а конкретно статья 1259 ГК РФ в качестве объекта авторского права выделяет музыкальные произведения с текстом или без текста. К произведениям с текстом (камерно-вокальные произведения, оперы, кантаты и др.) относятся произведения, в которых помимо инструментальных партий, есть еще и вокальные. При этом специфика данного вида заключается в том, что исполнении основной темы, мелодии тут принадлежит именно вокальной партии. В случае с произведением без текста, мелодия исполняется на каком-либо музыкальном инструменте. Так же в соответствии с пп. 2 п.1,2 составные и производные их части произведений подлежат правовой охране.

Оригинальным музыкальным произведением является такое, которое является результатом творческой деятельности автора, созданное в результате самостоятельного творческого труда, не заимствованное, не похожее на других, обладающее критерием новизны. Производным музыкальным произведением является такое, которое является результатом переработки уже существующего музыкального произведения.

Для использования производных произведений, необходимо получить разрешение обладателей авторских прав на те произведения, на основе которых они были созданы, то есть на оригинальные произведения. Основными видами производных музыкальных произведений в теории гражданского права являются: аранжировка, обработка, сэмплирование, оркестровка [1, с. 71].

Основополагающим понятием из выделенных выше стоит считать понятие обработки. Следует различать обработку музыкального произведения в широком и узком смыслах. В широком смысле она включает в себя как понятия и аранжировки, и сэмплирования, и оркестровки. В узком смысле в нее входит в принципе любое внутреннее изменение структуры музыкального произведения. Следует обратить внимание, что обработкой будет считаться только изменение внутренней структуры, но никак не формы внешнего выражения музыкального произведения. Это понятие включает в себя любое изменение гармонии, или ритмической части произведения, так же обработкой стоит считать наложение каких-либо эффектов на звуки произведе-

дения. К примеру, в качестве обработки музыкального произведения стоит привести пример «мастеринга», или же «сведения» музыкального произведения.

В ходе анализа действующего законодательства можно сделать вывод о том, что, разрешая давний спор, законодатель исключает признак воспроизводимости из определения объекта авторского права, из чего следует что объектами будут являться не только те музыкальные произведения, получившие выражение на материальном носителе, но и выраженные для восприятия третьими лицами.

Подводя итог, отметим, что в Российском законодательстве, в области регулирования отношений в области музыки имеется достаточно большой пробел, в виду полного отсутствия в законе определения «музыкального произведения». В ходе анализа юридической доктрины советского и современного периодов у автора получилось установить определение музыкального произведения, и установить два его основных признака как объекта авторского права.

Список литературы

1. Дадян П. Г. Музыкальное произведение как самостоятельный объект авторского права: теоретико-правовое исследование: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2015. 143 с.
2. Дубовский И.И., Евсеев С.В., Способин И.В., Соколов В.В. Учебник гармонии. М.: Музыка, 1965. 439 с.
3. Зайцева М.Л., Будагян Р.Р. Неофольклорные тенденции в современном скрипичном искусстве // Музыковедение. 2017. № 8. С. 31-39.
4. Зильберштейн Н.Л. Авторское право на музыкальные произведения. М.: Советский композитор, 1960. 188 с.
5. Иванов Н.В. Авторские и смежные права в музыке. Учебно методическое пособие. М.: Проспект, 2014. 176 с.
6. Липчик Д. Авторское право и смежные права / Пер. с франц., предисл. М. Федотова. М.: Ладомир; ЮНЕСКО, 2002. 794 с.
7. Присяжнюк Ю.П. Правоведы дореволюционной России о произведении искусства как объекте права: на примере музыки: дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 147 с.
8. Чайковский П.И. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк / Ред. и прим. В.А. Жданова и Н.Т. Жегина; вступ. статья Б.С. Пшебышевского: в 3-х т. М.; Л.: Academia, 1934-1936. Т. 1: 1934. 642 с.

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО: ОСНОВЫ, СУЩНОСТЬ, ИНСТРУМЕНТ

Маликова А.М.

докторант кафедры философии,

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана

Статья посвящена ораторскому искусству. Владение навыками ораторского искусства является важнейшим инструментом и компонентом успеха личности в любой профессиональной деятельности. В научной статье представлена характеристика ораторского искусства в виде классификации согласно направлению профессиональной области. Рассмотрены основы риторики и красноречия.

Ключевые слова: ораторское искусство, инструмент, красноречие, риторика, речь, процесс, аргументация, правила.

В настоящее время, по мнению Цицерона, ораторское искусство расцветает далеко не везде [1, с. 109]. И с этим можно согласиться. Ораторское искусство

означает процесс публичности и убеждения, привлечения публики к теме принятия во внимание процедуры.

Ораторское искусство – искусство говорить красноречием, волновать, использовать слова как инструмент, который позволяет выразить устным способом с возможностью и элегантностью. Ораторское искусство говорить с красноречием, радовать, убеждать и влиять посредством слова.

Искусство красиво выразить – это единственный способ убедить публику, используя манипулирование слова как средства массовой информации.

Оратор, сформулировав речь, обычно использует простой и ясный язык, основываясь на восклицаниях и утверждениях с целью привлечения публики.

Риторика с древнегреческого переводится как ораторское искусство, относится к филологической дисциплине, изучает искусство речи, является набором правил и идей относящимся к искусству говорить, а также науке по изучению языком человека и поведения в обществе. Термин риторика означает то, что мы стремимся к тому, чтобы иметь в виду всю область использования в культуре общения языка, риторики, вместе с речью это и условия, в которых нуждается лингвистика. Древняя риторика – это выражение идей посредством слова. Современная риторика считается поэтическим инструментом, она характеризуется креативностью, изучает аргументацию мнения. Знание риторики формирует основы ораторского искусства как важную социальную и духовно-нравственную деятельность личности [2, с. 1].

Красноречие – фигура мысли. Аффект это кратковременное сильное эмоциональное состояние. Имеются различные вызовы, но самая аффективная теория стиля, потому что он относится к способу передавать идею или сообщение. Он основывается в следующем:

- красноречие: относится к эмоциям человека.
- внешняя манера выражения: относится к способу посылать идею.

Красноречие – «жанр, в котором звучащее слово царило полновластнее всего» [3, с. 11]. Красноречие – способ повышения чувствительности человека на фактах и темах аффективным способом, у которого есть один большой эффект на оратора. Красноречие характеризуется больше внешним, чем внутренним, потому что является интересным способом формулировать, излагать жестах и движением в использовании лексики и техники, где адресат убеждается. Ораторское искусство определяется как инструмент, который обобщает идеи различных философов, он включает ассимиляцию существа индивид. Ораторское искусство можно охарактеризовать в следующих группах (таблица).

Таблица

Характеристика ораторского искусства в двух группах

1. Классификация согласно направлению профессиональной области	
Общественное ораторское искусство	сентиментальное ораторское искусство, потому что касается сторон чувств и направление в большие человеческие ассоциации между скобкой проявления и церемониалы
Ораторское искусство педагогическое	передача знаний – ветвь дидактическая или академическая. Считает целью учить, сообщать, передавать знания, искоренить страх в образовании, то есть, воспитывающие мотивы
Ораторское искусство судебное	ветвь, которая помещает в юридическую сторону, чтобы выставить с огромной ясностью судебные законы.
Ораторское искусство политическое	ветвь, которая говорит обо всех предметах или дискуссиях, в которых есть связь с правительствами, обычно использовалась, чтобы привлечь людей в целях голосования

Ораторское искусство религиозное	ораторское искусство, у которого есть связь с Всевышним, используя такие религиозные книги как утверждение дел, мнений прежде всего темы веры и религии, использованной специалистами в религии
Ораторское искусство военное	основное направление состоит в том, чтобы мотивировать любовь к родине, военные речи прочитаны и в большинстве раз спонтанные
Ораторское искусство в бизнесе	использовалась в области продающих полномочных представителей, предпринимателями, чтобы продавать, покупать и управлять средствами. Цель – укрепление связей, убеждение, чтобы добиться конечного результата и коммерческих целей
Ораторское искусство совещательное	объект – дискуссия, происходит во встречах, в которых обычно объединяются деловые люди, чтобы договориться о чем-либо, обменяться мнениями
Ораторское искусство художественное артистичное	основная материя состоит в том, чтобы создавать красоту голоса, потому что он касается духовной стороной слушателей. Используют ее – певцы, артисты, телевизионные театральные кинематографисты, массовики, радиальные дикторы и др.
2. Способы согласно оратора	
Индивидуальный способ	именно только, он обращается к его публике говоря только и используя ясную лексику и в руке все ораторы
Кооперативный способ	взятие решения формы общих, а именно он передает с помощью остальных
Источник: http://dspace.univ-tlemcen.dz/bitstream/112/8025/1/benmalek-nesrine.pdf	

Классическая процедура индивидуального способа: при ведении переговоров, все делится на существенные моменты:

1) Простая конференция.

Слушатель не может формулировать вопросы, потому что зафиксировать тему невозможно из-за короткого времени промежутка.

2) Ведение переговоров с вопросами.

Презентация темы, должна быть краткой, для того чтобы слушатель смог сформулировать вопросы по данной теме.

Искусство выступать публично, особенно выступать перед группой людей, перебороть страх.

Ораторское искусство – это исследование, которое заключается в изучении многих наук: естественные, политические, образование и др.

Самое главное, чтобы человек, который готовится к выступлению, рассматривал мотивацию. Особенность ораторского искусства заключается хорошим спикером, который знает, как вести свою речь, привлекая аудиторию с несколько аргументов конкретные и реальные, что выступления станут богатыми, благодаря внешнему виду, риторическому и музыкальному. Искусство говорить публично это безграничный океан.

Таким образом, ораторское искусство составляет часть науки, которая помогает показывать и посылать свои мысли публике, а также повысить культуру общения в обществе.

Список литературы

1. Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П. Ораторское искусство в Древнем Риме. Москва. Изд-во Наука. – 1976. – С. 109.

2. Ораторское искусство. Лекции. Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=2WLUaf1PFgnxqn

WkkLxuCGgJH817InVybcI6InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySIJYbFVGb2V3cnVCC
XprRnJTtXVzMGIZVVI5OS1UTTg5SzEwZ25VQi1HMFp3b0liT3FwcmdoVWFEX2JmUXN
Fa3lfN09ObEEwLTJYdlBSMVhxWIBUaFRLQXV6cjNaMTNLcU1HZ3hldjRYbjVkb0tGaTlu
T2NkOVN3c1NrSHhzMlM1cDBrMVI6VXpMeWc9PT9zaWduPVFCZjZGVjJQTIB0SGtsRVF
rWm9acnFTYVdka2RLZE9mLXBpCTZDSmF0VDA9IiwidGl0bGUiOiJvbV8wMzE2MDBfcm
l0b3Jpa2FfNTE3OTA3NS5kb2MiLCJ1aWQiOiIwIiwieXUiOiI2MzYxNzQyNTMxNTA4MzYy
ODUxIiwibm9pZnJhbWUiOmZhbnHNlLCJ0cyI6MTUxNDg4OTgzODk5MH0%3D (дата об-
ращения: 29.12.2017).

3. Корнилова Е.Н. Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи. М.: Изд-во УРАО, 1998. – С. 11.

4. El arte de hablar en público. Benmalek Hidayat Nesrine и Belaidouni Imene. URL: <http://dspace.univ-tlemcen.dz/bitstream/112/8025/1/benmalek-nesrine.pdf>

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Снеговая О.А.

старший преподаватель, кандидат философских наук,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматривается проблема культурной идентификации человека в глобализирующемся мире, которая возможна только при сохранении ценностно-нормативного ядра родной культуры. Автор отмечает, что, наряду с давлением на традиционные культурные ценности России, в стране наблюдается становление «самобытности сопротивления» в различных формах. Нарастающая в результате глобализации взаимозависимость народов Земли приводит к необходимости согласования ценностных оснований, которые помогут определить общую цель развития человеческой цивилизации и найти оптимальные пути ее достижения.

Ключевые слова: глобализация, национальная идентичность, самоидентификация, культурные ценности, диалог культур.

Сегодня многие известные ученые обсуждают проблему сохранения культурной идентичности. «Современная глобализация привела к деструктивным процессам в сфере культуры: кризису культурной, национальной, этнической идентичности, к гомогенизации, вестернизации и американизации» [8, с. 220].

В России вестернизация проявилась в самых различных формах. Это и распространение системы быстрого питания (Макдональдс), и засилье «американизмами» деловой речи, их массированное использование в СМИ, на телевидении, в рекламе. Ощутимо влияние западных образцов на моду, массовую культуру, кино и т. д. «Экспансия Голливуда привела к тому, что рыночная ниша отечественного кинопроизводства сократилась до таких размеров, когда в социально-функциональном плане основательно обесмысливаются все усилия по созданию национальной кинопродукции» [4, с. 273], утверждают эксперты.

Сейчас ситуация меняется под влиянием роста национального самосознания. Появляются отечественные фильмы, которые получают не только национальное, но и международное признание.

Однако, уже созданные на волне модернизации старых кинотеатров мультиплексы неизбежно оказываются механизмом дальнейшей интенсификации проката зарубежных фильмов и формирования у зрителей адекватных им вкусов. Эти и

другие факты (рост миграции, туризма, интернет-связи, др.) свидетельствуют о расширяющейся аккультурации, которая отражает процесс приобщения одного народа к тем или иным формам культуры другого народа в результате их взаимодействия.

В современном значении исследование аккультурации началось в 20-30-е годы в связи с изучением влияния «белой» американской культуры на индейцев и чернокожих американцев (М. Мид, М. Уилсон, А. Лессер, Б. К. Малиновский и др.). Учеными были выделены донорская и реципиентная группы в культурном контакте, ведущем к «акцептации», «адаптации» или «реакции» (отвержению) донорской культуры. Исследователи пришли к выводу, что доминантное общество «вызывает в подчиненном обществе прямое культурное изменение, в то время как неподчиненные общества свободно выбирают направление культурного развития» [6, с. 101-104].

Аккультурация представляет собой процесс повторной социализации взрослого человека (ресоциализацию) или усвоение необходимых для жизни и позитивно воспринятых норм и ценностей чужой культуры, которые наслаиваются на традиции и обычаи родной культуры. Наиболее интенсивно аккультурация, одного человека или группы людей, происходит в чужой стране, попавших туда в результате эмиграции и оставшихся там на постоянное проживание. Обратного процесса, когда все население страны перенимает культурные нормы у приезжей группы иностранцев, практически не бывает.

Аккультурация осуществляется в процессе разнообразных культурных контактов и обменов, которые возникают по многочисленным причинам. Это – войны, колонизация, объединение государств в рамках международных соглашений (Евросоюз), распространение коммуникационных сетей, миграция, туризм, торговля, гастрольные поездки, научные конференции и многое другое.

Однако, готовность к усвоению и степень восприимчивости национальными культурами иных традиций и обычаев неодинакова, и далеко не всегда объясняется глубиной и масштабом культурного влияния. Поясим эту мысль на двух примерах. С середины 80-х годов, на волне глобализационного процесса, активизировалась аккультурация населения стран Тропической Африки. Нередкое использование языков бывших метрополий в качестве государственных способствовало приобщению африканцев к культурным образцам этих стран. Наиболее восприимчивым к культурным влияниям извне оказалось искусство и, в первую очередь, литература. Это даже позволило выдвинуть тезис о формировании в Тропикоафриканском регионе новой культуры. Таково мнение Ж. Ки-Зербо, автора труда «История Черной Африки». Он считает, что происходит обновление культуры, предполагающее активное освоение инокультурных ценностей, но в интересах и по законам собственных культур [5, с. 46]. Знаковым стало появление знаменитых идей А. Мазруи о реколонизации Африки бывшими метрополиями, но на гуманитарной основе.

Противоположный пример являет Япония, в которой сила натиска чужих ценностей в ходе нарастания процессов глобализации прямо пропорциональна сопротивлению. Многие японские исследователи пишут об определенной замкнутости японского общества, делающей Японию «страной, в которой трудно жить иностранцам» [7, с. 74]. Это не мешает Японии оказывать культурное влияние на весь мир: японская бытовая техника и еда завоевали симпатии по всему миру, японские автомобили можно увидеть на дорогах любой страны, японские телепрограммы и

комиксы популярны во многих странах Юго-Восточной Азии. Япония слишком специфична. Она демонстрирует высокую степень адаптивности к глобальным тенденциям и одновременно защищена от массовой культурной экспансии запада. Японцы пользуются всеми преимуществами глобальной информационной сети, но в то же время доступ к японским банкам данных ограничен в связи с изолирующей функцией японского языка, недоступного для большинства пользователей. Одна из главных причин высокой адаптивности Японии, ее способности сохранять собственную идентичность кроется в универсалистском типе мышления, дающем возможность приспособиться к нашествию американских ценностей, органично растворяя их в своей культуре. В то же время страны Тропической Африки переживают культурный кризис. Вопрос – сохранится ли культурное ядро этой африканской цивилизации, способна ли она «переварить» нововведения и дать адекватный ответ – остается открытым.

Угрозы, связанные с неконтролируемым культурным вторжением, подстерегают сегодня многие страны, в том числе и Россию. З. Бжезинский прямо говорит о «культурной экспансии» [2, с. 14], о проникновении и усиливающемся влиянии американской культуры (ценностей, образа жизни, моделей поведения) на другие страны по всему миру. Опасность американизации несет опасность глобального культурного нивелирования и унифицирования. Известный французский философ Ж. Бодрийар в своей книге «Америка» рисует довольно мрачную картину глобализации по американскому сценарию: «Будущее могущество окажется в руках народов без корней, без аутентичности, народов, которые сумеют извлечь из этого все, что возможно» [3, с. 150].

Бурный и трагический XX век отошел в прошлое, оставив в «сухом осадке» одну из самых важных идей в теории культуры – это идея внутренней двойственности, диалогичности культуры. Одним из первых эту мысль высказал М. М. Бахтин, говоря об идеальной ситуации, когда «люди могут и должны иметь свои взгляды, убеждения, но никто не вправе притязать на монополию и исключительность. При такой установке отношения между людьми будут представлять полифонический диалог, в котором равноправно общаются множество самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» [1, с. 58].

Развернутое обоснование эта мысль нашла в исследованиях французских историков школы «Анналов» и российских исследователей С. С. Аверина, Ю. М. Лотмана и др. С этой точки зрения культура представляет собой диалектическое единство противоречивых сторон, находящихся в импульсивном взаимодействии. Различные функции выполняют «высокая» и «низовая» культуры. Первая создает систему ценностей, обеспечивает преемственность, единство; вторая – отвечает за саморазвитие системы, ее обновление.

Сегодняшняя ситуация в мире показывает, насколько трудна для человечества выработка общей стратегии развития, поскольку не хватает именно ответственного диалога между ведущими странами, признания за всеми социокультурными традициями права на существование.

Диалогичность рождается в поисках нового, без разрушения старого, в сопряжении с иным, в стремлении к взаимопониманию и обоюдному признанию.

В рамках синергетического подхода – одной из самых перспективных стратегий глобализации – выдвигается полилог культур. Следование этому принципу взаимодействия предполагает признание всеми участниками наличие противоречий и общее отношение к ним как «имеющим право быть». Полилог культур в

условиях глобализации не только взаимодействие по горизонтали, но и взаимодействие по вертикали (национальных и этнических культур). Образующаяся сложная сетевая структура формируется не путем диалога между двумя культурами, а посредством полилога множества разных культур.

Проведенный анализ теоретических исследований, посвященных проблеме глобализации культуры, показал, что наметилось согласование позиций ряда ученых относительно роли диалога как наиболее перспективной стратегии формирования будущей мировой культуры.

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод о том, что воздействия глобализации на развитие культуры могут иметь самые разные, в том числе и непредсказуемые, последствия. Между крайними вариантами прогнозов лежит огромный спектр развития. В системе характеристик культурного взаимодействия возможны разнообразные сценарии протекания глобализационного процесса. Определение конкретных направлений развития, выбор сценариев зависит от государственной политики отдельных стран и объединения усилий всего человечества. Сегодня остро актуальна разработка новой цивилизационной парадигмы, основанной на целостности бытия, взаимозависимости различных культур, многолинейности исторического процесса. Самой эффективной стратегией построения будущей мировой культуры признан широкомасштабный, открытый диалог. Диалог цивилизаций – это взаимопонимание и партнерство между различными государствами современного мира, главное средство предотвращения конфликтов и столкновений, залог успешного решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством в XXI веке.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема поэтики Достоевского. М., 1979.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998.
3. Бодрийар Ж. Америка. СПб., 2000.
4. Кино: реалии и вызовы глобализации / Под ред. М. И. Жабского. М., 2002.
5. Лебедева Э. Тропикоафриканская цивилизация в современном мире // МЭ и МО. 2004 № 4.
6. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
7. Чугров С. Япония: вновь в поисках идентичности? // МЭ и МО. 2003 № 12.
8. Scholte J. Globalization. A critical introduction. N. Y. 2000.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СТИЛЯ СТИВА ГЭДДА

Степанов О.В.

магистрант кафедры аналитической методологии и педагогики музыкального образования, Академия имени Маймонида, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Россия, г. Москва

В статье рассматриваются особенности исполнительского стиля выдающегося американского музыканта-ударника Стива Гэдда. Выявлены факторы биографии, повлиявшие на становление и развитие его исполнительской манеры, стилевых метаморфоз. Обобщены приемы, характерные для техники исполнителя, его вклад в развитие системы барабанных рудиментов, выявлены особенности аппликатурных новшеств.

Ключевые слова: Стив Гэдд, джазовые музыканты, исполнительский стиль, ударные инструменты, барабанные рудименты.

Стив Гэдд (род. в 1945 г.) – выдающийся американский музыкант-ударник, основные приемы его исполнительского искусства остаются актуальными до сих пор, на них формируется новое поколение молодых музыкантов.

Формирование исполнительского стиля музыканта началось в раннем возрасте. Как он сообщает в своей видео-школе «Up Close»: «Люди, которые повлияли на меня в плане джаза это: Арт Блэки, Макс Роуч, Джек Франклин (который играл в ансамбле «Kai Windings band»), Элвин Джонс, Тони Уильямс, Чик Кория» [1]. Джазовые музыканты, перечисленные Гэддом, отличаются своим неповторимым стилем и видением музыки, но он учился и впитывал элементы технического и звукового мастерства от каждого из этих барабанщиков. Ранняя игра Стива пропитана духом исполнительской манеры американского джазового барабанщика, ставшего легендой джаз-музыки и одним из основателей стилей джаз-фьюжн и кул-джаз Тони Уильямса. Это, во-первых, дублирование хай-хэтом тарелки райд. Во-вторых, «ломка» ритма и смещения. По словам Гэдда, Уильямс почти не играл первых долей и его ритмическое мышление выходило за рамки тактовых черт. Когда Стив работал с Чиком Корией, последний поделился с ним многими идеями, взятыми у Тони, и это сотрудничество было очень важным моментом в развитии барабанщика.

Можно также отметить влияние на манеру игры Стива Гэдда исполнительского стиля Элвина Джонса, этого величайшего джазового барабанщика, записавшего классические альбомы с Джоном Колтрейном. Элвин был непревзойдённым мастером триолей, особое место в его игре отводилось второй восьмой триоли. Он был одним из первых, кто стал придавать второй ноте в группе из трёх нот особое значение. Это можно услышать на таких альбомах Колтрейна как «Africa», «Love Supreme», а также на альбомах саксофониста Уэйн Шортера «Juju» и «Night Dreamer». Триольная и полиритмичная игра Элвина повлияли на Гэдда, особенно это касается триольных фигур через бас-барабан.

В игре Стива Гэдда нашлось место и самозабвенной, очень энергичной манере американского джазового барабанщика Арта Блэки, исполнявшего композиции в стилях бибоп, хард-боп. Мастерство и драйв Арт Блэки особенно ярко проявляются на классических альбомах, таких как «Moanin» 1958 года и «A Night in Tunisia» 1961 года. Как раз умение обходиться без скоростных сложных пассажей и чрезмерно заумной фразировки и роднит Блэки с Гэддом. При этом оба они создают превосходное ритмическое наполнение, отличный стильный аккомпанемент и запоминающиеся, логично выстроенные соло. В этом есть некоторый минимализм, тем более что и тот, и другой барабанщик пользуются определённым набором любимых фраз.

Фактором, также оказавшим влияние на исполнительский стиль Гэдда, стало его участие на раннем этапе своей карьеры в ансамблях с органными трио (барабаны, хаммонд-орган и гитара или какой-нибудь духовой инструмент), это было уникальным музыкальным опытом. В журнале «Back Beat» по этому поводу написано следующее: «Годы становления его музыкального таланта пришлось на время рок-н-ролла. Когда он только начал постоянно работать в клубах своего родного города Рочестера, штат Нью-Йорк, то играл, в основном, ритм-н-блюз в органных трио. Здесь он познавал искусство второй и четвертой доли» [5, с. 22]. Сам барабанщик говорит, что во времена его молодости он ко всему подходил с позиций техники, но с органными трио ему необходимо было сильно концентрироваться на груве.

Стоит также отметить в манере игры Гэдда некоторое влияние первопроходцев фанка. Это барабанщик группы «The Meters» Зигабу Моделист (Zigaboo Model-

ist), который будучи самоучкой-новатором, уже в 1969 году играл многие ритмические фигуры, похожие на те, что мы слышим у Гэдда. Ещё в этом списке барабанщик Джеймса Брауна – Клайд Стабблфилд (Clyde Stubblefield), записавший партии ударных в таких фанковых хитах, как «Funky Drummer», «Cold Sweat».

Важным фактором, оказавшим существенное влияние на индивидуальную манеру игры Гэдда стало его увлечение рок-музыкой. Мощная игра британского барабанщика, легендарного участника рок-группы «Led Zeppelin» Д. Бонэма отразилось на некоторых аспектах исполнения С. Гэдда. Об этом говорится в статье «Гимн барабанному искусству» из журнала «Music Vox»: «Джон Бонэм оказал огромное влияние на стиль властителя барабанных дум второй половины семидесятых – начала восьмидесятых Стива Гэдда (Steve Gadd). Послушайте каденцию Бонэма в пьесе Rock-n-roll с четвертой пластинки. Вы услышите многое из того, что впоследствии адаптировал в свой арсенал Стив» [4].

Эти, на первый взгляд, взаимоисключающие влияния – минимализм органических трио и рок-манера Тони Уильямса – оказываются близкими по духу профессионализма, задействованию эффективных коммуникативных стратегий, влияющих на сценическое поведение, репертуарную политику, и позволяющих добиться ошеломляющего успеха артистов у публики [2, с. 45]. Их объединяет также сложнейшая метро-ритмическая система музыкальной ткани, отличающаяся разнообразной агогикой, обилием мелких длительностей, синкоп. Для исполнения такой музыки требуются незаурядные технические навыки. Басист Э. Лабориель, нынешний коллега С. Гэдда, придерживался следующего мнения: «Стив говорил, что он уверен, что играет больше акцентов в такте, чем кто-либо другой из группы. Поэтому, когда этих акцентов нет, неожиданно все что делают остальные, становится ритмически уязвимым. В результате Гэдд убирает из традиционной свинговой партии все, кроме четвертей, когда играет традиционный джаз» [9].

«Чувствование четвертей» является основой для джаз-барабанщиков. В своем учебнике известный джазовый барабанщик и методист Д. Райли говорит о том, что в джазовом ощущении времени важна каждая четверть на райд-тарелке [8, с. 7]. Стив Гэдд – обладатель отличной рудиментарной техники. Барабанные рудименты – специальные приемы игры, используемые барабанщиками для тренировки и непосредственно в игре. Они представляют собой определенные последовательности различных аппликатур. Рудименты, аналогично гаммам и арпеджио у пианистов, составляют очень важный технический материал, который позволяет натренировать мышечную память и усовершенствовать точность исполнения. История рудиментов богата и уже насчитывает не одно столетие, и связана она с развитием малого барабана (англ. «snare drum»), который ранее назывался «сайд-драм» (англ., side drum – «барабан, носимый на боку») или просто – «милитари-барабан» (англ. military – «военный»).

Русский барабанщик Павел Степанов на своем мастер-классе рассказывал, что в XV веке в швейцарской армии была введена сигнальная система – отсюда и берут свое начало рудименты [7]. Эта система, зарекомендовала себя, как средство, помогающее сплотить войска и даже принесшее не одну победу, и вскоре рудименты распространились по всей Европе. В статье, посвященной истории рудиментов читаем следующее: «Нотное письмо, каким мы его знаем сегодня, в то время не было известно. Барабанщики играли “наизусть” – по звуку, по памяти, как например: tra-da-dum, tra-da-dum, tra-da-dum dum dum. Длинная дробь тогда выглядела как da-da-ma-ma и начиналась левой рукой, чтобы с самого начала тренировалась

более слабая рука» [3]. Уже с середины XVI века стали появляться пособия, в которых рассматривались немногочисленные тогда рудименты. В 1886 году Джон Филипп Суза (руководитель оркестра военно-морских сил США) написал работу «Trumpet and Drum». Это была книга инструкций для полевой трубы и барабана. В ней содержался полный набор рудиментов по тем временам. Этот труд был известен Гэдду, а в детстве он вместе со своим дядей-барабанщиком играл марши Дж. Суза, развивая рудиментарную технику.

Приоритетное значение ритмических задач в процессе исполнительства на ударных инструментах обусловило особое значение «горизонтальной» логики в музыкальном мышлении Стива, в отличие от «вертикализма» мышления инструменталистов, уделяющих внимание всем слоям гомофонной фактуры: мелодии, гармонии, басу. «Горизонтальное» мышление было присуще предшественнику Гэдда Билли Кобэму. Стив Гэдд не делает «пробежек» по бесчисленным том-томам сверху вниз и наоборот. Применяя в своих заполнениях «бочку», он делает их более изысканными в плане тембра, более рельефными и даже рваными. Это справедливо и для его сольной игры. Стив оставляет почти неизменной свою фразировку, довольно редко ее меняя. В статье «Эволюция в мире барабанов» Е. Рябой касательно этого вопроса сообщает: «Наблюдается, если так можно сказать, принцип “детского конструктора”. Все знают: если “заводится мотоцикл” – это Стив Гэдд играет триольные заполнения через бочку. Значит, потом будет *ratamaque*, разбросанный по томам и т.д. Но все эти конструкции, напоминающие детские считалочки, работают безотказно и безупречно. А причина проста: это узнаваемо, эффективно и безукоризненно исполнено» [6].

Хотелось бы отдельно сказать про технику ног этого барабанщика. В детстве, в своем родном городе, Стив вместе со своим братом танцевал стэп (четку). Вследствие этого, у Гэдда особая техника игры на бас-барабане. Он играет как бы плавным и ловким перекачиванием с носка на пятку и обратно. И в этом есть смысл, потому что нога постоянно находится в движении. В довольно быстром темпе Гэдд играет цепочки из восьмых нот, применяя эту технику. Например, в своем культовом соло «Crazy Army». Свои «фирменные» самбы Стив Гэдд исполняет, используя этот же подход.

Одно из интересных аппликатурных новшеств – это использование левой руки на хай-хэте, такой прием Гэдд начал применять раньше остальных. В его известной видео-школе «In Session» Гэдд играет самбу таким способом. Но лучше всего иллюстрирует это ритм из песни «50 Ways to Leave Your Lover», которую в 1975 году выпустил певец Пол Саймон. В этой композиции Стив Гэдд записал партию ударных, по праву входящую в «золотой фонд драмминга».

Стив Гэдд, впитав в себя лучшее из джазового, фанкового, поп- и рок-драмминга, в диапазоне от Джина Крупы и Арт Блэки до Зигабу Моделиста и Джона Бонэма, создал собственный неповторимый стиль и повлиял на множество современных барабанщиков. В их числе – Дэйв Вэкл (Dave Weckl), Джэйсон Макгерр (Jason McGerr), а также многие госпел-барабанщики. Он стал первопроходцем многих технических приемов и принципов построения аккомпанемента и соло.

Список литературы

1. Гэдд С. Up Close. Видео-школа. 2003. DVD-ROM
2. Зайцева М.Л., Будагян Р.Р. Джаз и современное скрипичное искусство // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12. С. 43-46.

3. История барабанных рудиментов. URL: <http://www.drumspeech.com/articles.php?id=601>
4. Рябой Е. Гимн барабанному искусству. URL: [http:// musicbox.su/гимн-барабанному-искусству](http://musicbox.su/гимн-барабанному-искусству)
5. Рябой Е. Gadd. Steve Gadd // Back Beat. 2009. №10. С. 22.
6. Рябой Е. Эволюция в мире барабанов. URL: <http://goo.gl/dn95U5>
7. Степанов П. Stick Control по-русски. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JVhVNzfRMck>
8. Riley J. The art of bop drumming. Manhattan Music, Inc., 1994. P.7.
9. Steve Gadd: Анализ стиля. URL: <http://goo.gl/FqArY6>

ИГРА. ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ

Чернова Л.В.

доцент, Чувашский государственный институт культуры и искусств,
Россия, г. Чебоксары

Семенова Г.В.

преподаватель, Чувашское республиканское училище культуры (техникум),
Россия, г. Чебоксары

Игровое общение является неотъемлемой частью любого современного мероприятия, праздника, народного гуляния. Игра превращает каждого пришедшего на представление или праздник в активного участника. Благодаря организации игрового процесса игровые сеансы никогда не повторяются, хотя часто проводятся по одному и тому же сценарию.

Ключевые слова: игра, забава, представление, праздник, ведущий, правила, команда, соревнование, награда.

Игра имеет глубокий социальный смысл. Различные игры сопровождают человека на протяжении всей его жизни. В разнообразии жизненных ситуациях (семейных, производственных и т.д.) человек играет разные роли. Играющие распределяют между собой функции. Ролевое начало – один из главных признаков любой игры, в которой иногда соревнуются за тот или иной выигрыш.

На протяжении всего времени своего существования игра рассматривалась как развлечение, как забава. Но она носила и образовательный характер, поскольку передавала опыт поколений, рассматривалась как репродукция труда в ее тренирующей функции. Такие игры имитировали различного рода деятельность – охоту, скотоводство, земледелие и т.д. Например, игра – репетиция охоты, она была связана с тем, чтобы охотников не подстерегала неудача. Участники будущей охоты воссоздавали ситуацию и организацию предстоящей охоты. Кто-то изображал хитрого и умного зверя со всеми его повадками, а остальные весь процесс организации охоты за ним.

Игра напрямую связана с происхождением искусства. Именно из игры возникли ритуальные танцы, а позднее на их основе зародились такие виды искусства как пение, игра на музыкальных инструментах, хореография, актерское мастерство и т.др. Культура без игры немыслима. На ранней стадии развития человечества игра была не только искусством, но и особой формой самовыражения, а во многом и са-

ма жизнь в ее повседневном бытовом проявлении. Игра являлась обязательной функцией человеческой жизни, представляющей собой вид непродуктивной деятельности.

В Большой энциклопедии дается такое толкование игры: «Игра – занятие, не имеющее практической цели и служащее для развлечения или забавы. А также применение на практике и некоторых искусств (игра на сцене, игра на музыкальных инструментах).

Наиболее подробное понятие «игра» дает В. Даль в «Толком словаре живого русского языка»: «Игра ...то, чем играют и во что играют: забава, установленная по правилам и вещи для того служащие». У него же: «играть, игрывать, шутить, тешиться, веселиться, забавляться, проводить время потехой, заниматься, чем для забавы от скуки, безделья».

Говоря о природности игры, В. Даль широко толкует ее распространение: «волна играет, плещется», «брага играет, бродит, пенится», «румяна играют в лице», «солнце играет на пасху», «игра не стоит свеч».

«Словарь русского языка» С. Ожегова дает следующее понятие игры:

- 1) играть;
- 2) занятие, служащее для развлечения, отдыха;
- 3) спортивные соревнования, «Олимпийские игры»;
- 4) создание типичных для профессий ситуаций и находжений в них практических решений.

«Советский энциклопедический словарь» трактует: «игра – вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в ее результатах, а самом процессе. Имеет важное значение в воспитании, обучении и развитии детей, как средства психологической подготовки к будущей жизненной ситуации, свойственна также высшим животным.

Правила проведения игры

Ведущему необходимо тщательно подготовиться к проведению игры, для этого ему необходимо:

- обратить внимание на свой внешний вид, прежде чем выйти к людям. Внешний вид должен соответствовать характеру мероприятия;
- выбрать место предстоящей игры и встать так, чтобы было видно всех играющих;
- позаботиться заранее о реквизите (альбомы с текстами песен, занимательными задачами, головоломки, кольца, мячи разные, булавки, кегли, городки, маски, колпаки, наборы цифр и букв, наборы фотографий и картотека игр и свисток);
- позаботиться заранее о музыкальном сопровождении и художественном оформлении;
- выработать стиль, манеру поведения, игрового образа ведущего игры. Не надо создавать балаганно-ярмарочную атмосферу. Можно быть просто добрым, мягким, ироничным, но всегда грамотным;
- уметь работать с микрофоном, держать его в руках, ходить по залу, брать интервью. Микрофон может испортиться, нужно быть ко всему готовым и к такой ситуации.

Объяснять игру следует последовательно, логически развивать ход игры, в строгой последовательности. Сопровождая наглядным показом применяемых в игре движений, например: повороты, прыжки, шаг и т.д.;

Объяснять игру следует при полной тишине, не следует стараться перебивать играющих. Каждое слово должно быть услышано. Лучше говорить медленно, но без пауз, хорошо интонируя.

Не затягивать долго одну игру, при первых же признаках скуки, заканчивать и переходить к новой. Но быстро менять одну игру на другую не рекомендуется.

Заканчивая игру необходимо подводите итоги, объявляя кто выиграл. К сожалению этот этап в игре часто игнорируется, все сводится в тому, что все молодцы и побеждает дружба. Напрашивается вопрос: «А к чему мы тогда стремились?» Определение победителя всегда имеет воспитательное значение и увеличивает интерес к игре.

Не рекомендуется сразу вводить много игр, необходимо, чтобы играющие хорошо усвоили 5-6, а затем каждый вечер добавлять 1-2 игры, но не более.

После объяснения игры следует проводить репетицию игры.

Во время игры следует комментировать её ход, подбадривая, совместно считать и т.д., но никогда не наблюдать за игрой молча. Каждый хочет быть замечен в игре (или почти каждый). Внимание и комплименты со стороны ведущего нужны даже по незначительному поводу. Когда возникнет необходимость сделать замечание, оно делается как можно мягче.

Ведущий, который читает текст, да ещё украдкой производит неблагоприятное впечатление. Можно открыто зачитывать только цитаты, по всем остальным нужно полагаться на свою изобретательность, речь, память.

Приглашение в игру

Наиболее сложный в работе ведущего это момент вовлечения участников мероприятия в игру. Неопытный организатор начинает долго упрашивать людей, соблазняет их призами. Но большинству пришедших отдыхать людей, трудно преодолеть стеснительность и выйти на всеобщее обозрение. Ели же на призыв и откликнутся один-два человека, то этого бывает недостаточно. В игру надо вовлечь как можно больше людей, составить из них несколько команд. А для этого нужно расшевелить, растормошить их. Можно начать с какой-нибудь игры, по типу простого аукциона, адресованной всем участникам вечера: назвать вещи определенного назначения, города на какую-нибудь букву алфавита, найти противоположное слово (антоним) тому, которое называет ведущий, решить анаграмму, метаграмму, подобрать омоним, ответить на простые вопросы викторины. Победители поощряются небольшими призами. А затем, когда люди расшевелятся, в них проснется азарт состязательности, они увидят, что их не ждут подвохи, можно приступать к подбору команд, каждой из которых дать название, связанное с темой вечера.

Примеры вовлечения людей в игру.

Ведущий подзывает к себе 2-3 танцующие пары и предлагает им выбрать себе по новому партнеру. Те в свою очередь выбирают других и т.д. Так составляется несколько команд с равным числом юношей и девушек.

Просит участников вечера образовать большой круг, а затем рассчитаться по порядку номеров. Когда расчет дойдет до 12, предлагает прекратить счет. По четным и нечетным номерам организуются 2 команды.

Предлагает одному из участников вечера назвать два числа от 1 до 10. Если, к примеру, названы числа 2 или 4, от назвавшего их отсчитываются второй и четвертый. Каждому из них так же предлагается назвать по два числа, а затем из всех названных составляются команды.

Просит необходимое число участников надуть воздушные шары, а затем из них формирует команды.

Раздав определенное число призов (конфет, яблок) победителям в предыдущей коллективной игре, просит их подойти к нему и составляет из призеров две команды.

Обращается к одному из участников: «Молодой человек, пожалуйста, подойдите ко мне. Как ваше имя? Сергей? Сергей, вы мне можете помочь провести игру? Товарищи, Сергей решил помочь мне в проведении игры. Пожалуйста, подойдите ко мне еще 5 человек!».

Приглашает людей, родившихся в одном месяце, подойти к нему, а затем из них формируются команды.

В начале вечера, при входе, раздаются разрезанные на 5-6 частей открытки. Собравшие открытку образуют команду.

Если наберется равное число юношей и девушек, то составляются команды юношей и девушек. Если же равного числа не набрать, то организуются смешанные команды.

Игровое общение является неотъемлемой частью любого современного мероприятия, праздника, народного гуляния. Игра превращает каждого пришедшего на представление или праздник в активного участника.

Благодаря организации игрового процесса игровые сеансы никогда не повторяются, хотя часто проводятся по одному и тому же сценарию. Личностные качества каждого из участников становятся уникальным слагаемым общего хода игры. Это равносильно тому, что нельзя войти дважды в одну и ту же реку.

Список литературы

1. Зимняя А. Н. Педагогическая психология – М., 2000.
2. Игры – обучение, тренинг, досуг... / Под ред. В.В. Летушинского. – М., 1994.
3. Кларин М.В. Педагогическая технология. – М., 1989.
4. Лихачев Б.Т. Педагогика. – М., 1992.
5. Никитин Б. П. Ступеньки творчества, или развивающие игры. – М, 1990.
6. Самоукина Н.В. Организационно-обучающие игры в образовании. – М.: Народное образование, 1996.
7. Яновская. М.Г. Творческая игра в воспитании младшего школьника. – М., 1974.

СЕКЦИЯ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

ВЕКТОР РАЗВИТИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ В РОССИИ

Аралбаева Г.Г.

доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Оренбургский государственный университет, Россия, г. Оренбург

Котельников С.Ю.

магистрант кафедры государственного и муниципального управления,
Оренбургский государственный университет, Россия, г. Оренбург

В статье организация ритуальных услуг рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений развития муниципального образования, которое задано федеральным уровнем государственного управления. Развитие ритуальных услуг требует сложившаяся практика их оказания, рост дисфункциональных явлений и развитие общественных, в том числе хозяйственных отношений.

Ключевые слова: ритуальные услуги, коммерциализация, регулирование, зооритуальные услуги.

Ритуальные услуги потребляются практически всеми жителями любых территорий, что обусловлено как физиологическими, так и социально-культурными установками. Поэтому спрос на данный вид услуг можно считать устойчивым. Традиционно в организации данного вида необходимых для граждан услуг задействовано государство и его структуры, что обусловлено их социальной природой.

В 2009 году появился ГОСТ Р 53107-2008, в котором обозначено официальное понимание содержания этих услуг как результата непосредственного взаимодействия исполнителя и потребителя, а также деятельности исполнителя по погребению останков, праха умерших или погибших, проведению похорон, содержанию мест захоронений.

В советский период сфера ритуальных услуг отличалась высокой степенью государственного монополизма. Организацией похорон, содержанием кладбищ, производством похоронных принадлежностей и памятников занимались специализированные организации и предприятия республиканских министерств жилищно-коммунального хозяйства, бытового обслуживания населения и исполкомы местных советов народных депутатов. Поэтому в ряде городов муниципальные унитарные предприятия не справлялись с изменениями в спросе на ритуальные услуги – возникали «потoki умерших», однообразие в составе ритуальных услуг, практика «блата» при приобретении ритуальной продукции. Таким образом, система хозяйствования и идеология препятствовали появлению конкуренции и развитию данной сферы услуг.

По мере изменения данных ценностных и организационных рычагов, экономического механизма ситуация в рассматриваемой сфере стала меняться. Наиболее существенными в данном отношении стали экономические ориентиры и возможность предпринимательской деятельности в предоставлении данных услуг. Произошла коммерциализация «похоронного дела», а также расширилось предложение ритуальных услуг. Кроме того, сформировались разные пакеты услуг и были созданы производственные специализированные предприятия по изготовлению соот-

ветствующих принадлежностей, оказанию похоронных услуг. Таким образом, данные услуги стали востребованным товаром и активно реализуются на территории всей Российской Федерации на условиях свободного перемещения, защиты конкуренции. Фактически конкуренция на данном рынке услуг очень острая. Так, к примеру, на территории Саратовской области созданы и работают 67 ритуальных служб разной формы собственности, из которых в г. Саратове похоронным обслуживанием занимаются 20 ритуальных служб, а в г. Балаково – 5 ритуальных агентств [2, с. 230-231]. Согласно официальным предложениям в сети Интернет в г. Оренбурге порядка 40 компаний оказывают подобные услуги, которые различаются в плане своего набора, качества и других характеристик. Итак, похоронная отрасль – растущая отрасль в современной российской экономике.

Тем не менее, несмотря на широкий ассортимент коммерческих предложений, регулированием этой отрасли занимаются органы государственной и муниципальной власти. На федеральном уровне преимущественно сфера регулирования отнесена к деятельности ФАС, а также иных служб, осуществляющих контроль деятельности похоронных предприятий. Но основная доля ответственности возложена на органы местного самоуправления.

В начале 1990-х гг. большая часть погостов вместе с соответствующими полномочиями была передана в ведение органов местного самоуправления. В соответствии с ч.2 ст.14 Закона Оренбургской области № 1421/223-III-ОЗ от 06.09.2009 г. «О погребении и похоронном деле на территории Оренбургской области» организация похоронного дела в Оренбургской области осуществляется органами местного самоуправления путем создания специализированных служб по вопросам похоронного дела.

То есть организация ритуального обслуживания отнесена к вопросам местного значения, что привело к большому количеству трудностей по ее оказанию. Практика государственного регулирования показала, что основной проблемой стало урегулирование вопросов функционирования муниципального похоронного предприятия и коммерческих компаний, предлагающих услуги в данной сфере. Фактически было возбуждено большое количество расследований монополистического положения специализированных муниципальных похоронных предприятий.

Отчасти такое внимание органов местного самоуправления и государственной власти к данным услугам связано с их спецификой и исторической практикой предоставления. Ряд исследователей настаивает на особой «социальной» природе данных услуг, которая обуславливает участие государства в их оказании.

Социологические исследования показывают, что коммерциализация ритуальных услуг и развитие конкуренции в этой сфере благоприятно воспринимаются большей частью населения территориальных образований. Так, например, М.Э. Елютина, С.В. Филиппова в своем исследовании выявили «хорошее отношение» респондентов к появлению большого количества ритуальных агентств, которое связано с двумя моментами:

- со значительным сокращением временных затрат на организацию похорон;
- оказанием психологической поддержки родственникам умершего, которые находятся в состоянии растерянности [2, с. 232-234].

Но для увеличения прибыли ритуальные агентства нередко прибегают к нелегитимным практикам, например, «скупке» информации об умерших у сотрудников правоохранительных органов и врачей. Учитывая вышесказанное и в целях со-

кращения нелегитимных практик, уважительного отношения к вопросам оказания данных услуг, полагаем, что вопросы регулирования сферы ритуальных услуг должны оставаться в ведении органов власти.

В данной отрасли появляются различные инновации, связанные с развитием кремации, внедрением информационных технологий, появлением кладбищ домашних животных и прочие. Но все они затрагивают интересы различных категорий граждан, а значит должны отслеживаться и находиться под контролем государственных и муниципальных органов. Механизмы данного контроля должны развиваться одновременно с развитием инновационных практик ритуального обслуживания. К сожалению, по состоянию на 2017 год, по мнению экспертов, данная отрасль практически находится «в тени» – порядка «80 % организаций на рынке ритуальных услуг работают в тени» [4]. Таким образом, не удастся силами органов местного самоуправления осуществить регулирование этой сферы, что обусловлено нехваткой организационных рычагов и финансовых средств. Проблема состоит и в том, что нет единого понимания, в региональном аспекте, содержания ритуальных услуг и отсутствуют стандарты их оказания. В конкретных территориях отсутствие интереса государственных и муниципальных органов к этой сфере в плане отнесения ритуальных услуг к категории публичных услуг приводит к их самоустранению из этой сферы. Либо происходит намеренное вытеснение и подмена этих услуг коммерческими предложениями. При всех положительных моментах конкурентного развития этой сферы, регулирование и контроль со стороны государства необходимы, так как рассматриваемые услуги взаимосвязаны с институтом культуры, сохранением личностного потенциала, морали, памяти и других основ государства и общества.

Тем не менее, в 2017 году было отдано поручение Владимира Путина повысить доступность сферы для граждан страны, снизить криминальный и коммерческий характер ритуальных услуг. На данный момент это поручение получило практическую реализацию в деятельности органов власти Москвы [3]. В регионах России она практически не распространена.

Обратим внимание на одно из направлений развития ритуальных услуг – ритуальное захоронение домашних животных. Речь о данном комплексе услуг появилась давно и постепенно материализуется в условиях крупнейших городов России. Так, например, в г. Санкт-Петербург в году появилось ООО «Городское кладбище животных», которое в соответствии с законодательством РФ осуществляет погребение урн с прахом животных.

На официальном сайте этой организации обозначена административная ответственность за стихийные захоронение животных, по которым предусмотрены значительные штрафы (от 4 тыс. руб. для физических лиц, для должностных лиц – от тыс. руб. и для юридических – от тыс. руб.) [1]. Таким образом, предусмотрена значительная ответственность за ненадлежащее захоронение домашних животных, которая предусматривает наличие специализированных служб по оказанию соответствующих услуг гражданам России.

Эти службы развиваются, но преимущественно носят коммерческий характер, то есть появляются специализированные коммерческие предприятия, оказывающие ритуальные услуги в отношении домашних животных. Иной вариант – оказание таких услуг ветеринарными клиниками. В любом случае, по мнению многих экспертов потребность в зооритуальных услугах в России есть, причем не только в крупных городах, и данная ниша рынка пока плохо освоена.

В силу обозначенных проблем в отрасли в целом, полагаем, что слабая структурированность и контроль перейдут и на зооритуальные услуги, которые также становятся частью современной культуры, вне зависимости от бюджета граждан. Недостаток государственного участия в данном секторе ритуальных услуг может иметь существенные последствия, как общественного порядка, так и экономические, скажется на организации ритуальных услуг на территории многих муниципальных образований.

Список литературы

1. Городское кладбище животных. URL: <http://xn--80acdbfbfdjscqbo2bcaclyx0b0euetc.xn--p1ai/> (дата обращения: 09.12.2017).
2. Елютина, М.Э., Филиппова С.В. Традиции и инновации в сфере похоронного дела / М.Э. Елютина, С.В. Филиппова // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2010. Т. 3, № 1. С. 298-307.
3. Московский опыт в сфере ритуальных услуг распространят на всю Россию [Электронный ресурс] // Москва 24. URL: https://www.m24.ru/articles/kladbishcha/07082017/148423?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 09.12.2017).
4. Проблемы отрасли ритуальных услуг [Электронный ресурс]// Радиостанция «Эхо Москвы». URL:<https://echo.msk.ru/programs/exit/1766000-echo/> (дата обращения: 09.12.2017).

ЛИДЕР И РУКОВОДИТЕЛЬ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

Борисова И.А., Романова А.С.

студентки третьего курса, Оренбургский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Оренбург

В данной статье затрагивается вопрос: может ли человек, занимающий руководящую должность на государственной и муниципальной службе быть и лидером, и руководителем в одном лице. Для решения данного вопроса были: проанализирована этимология слов «лидер» и «руководитель», проведено сравнение понятий «лидер» и «руководитель», изучен опыт руководителей, а также опыт зарубежных стран в вопросе эффективности государственной и муниципальной службы.

Ключевые слова: лидер, руководитель, руководитель на государственной службе, лидер на государственной службе, опыт зарубежных стран.

На сегодняшний день остается открытым вопрос о том, должен ли руководитель быть лидером на государственной и муниципальной службе. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе необходимо дать четкое определения понятиям «лидер» и «руководитель».

Для правильной формулировки определения понятия «лидер», необходимо обратиться к смысловому содержанию данного понятия с точки зрения естественного языка. Исторически слово «лидер» происходит от западно-германского «laithjan», которое в английском языке было преобразовано в глагол «to lead» со значением «вести», а в XIII в. в существительное «a leader» – «тот, кто ведет», т.е.

человек, который направляет движение, показывает путь, помогает или заставляет идти с собой и за собой [4, с.10]. Лидерство рассматривается как:

- 1) отношения доминирования и подчинения, влияния и следования в системе межличностных отношений в группе [5];
- 2) процесс, при котором один конкретный человек (лидер) направляет других к достижению конкретной общей цели [3, с.159];
- 3) способ воздействия на группу, основанный на личном авторитете, признании личности лидера [1, с. 46];
- 4) осуществление полномочий власти и влияния внутри социальной группы (социальных коллективах) [2].

Таким образом, в данной статье под лидером мы будем понимать – человека, способного организовывать людей на эффективное сотрудничество, умеющего улаживать конфликты и добиваться согласия со стороны ведомых.

С точки зрения науки о происхождении слов, «руководитель» дословно означает «водить за руку», т.е. управлять, вести, соответственно принимать решения. Следовательно, под руководителем мы будем понимать лицо, на которое официально возложены функции управления коллективом и организации его деятельности. Руководитель несет юридическую ответственность за функционирование группы (коллектива) перед назначившей (избравшей, утвердившей) его инстанцией и располагает строго определенными возможностями санкционирования – наказания и поощрения подчиненных для воздействия на их производственную активность. Также руководитель уполномочен принимать решения и отдавать распоряжения.

Таким образом, в отличие от лидера, руководитель обладает формально регламентированными правами и обязанностями, а также представляет группу (коллектив) в других организациях.

Для того, чтобы выяснить необходимость совмещения руководителя и лидера в одном лице, необходимо обратиться к историческому опыту.

Как показывает исторический опыт, руководитель-лидер был актуален на классическом этапе (конец XIX – начало XX века) и этапе человеческих отношений (конец 20-х гг. XX века) теории управления. С 50-х годов XX века во время становления системного этапа, происходит разграничение руководителя и лидера. Руководитель – формальное лицо, в функции которого обязательно входит целеполагание и регулирование, а также управленческие процедуры – принятие решения и коммуникации [6, с.151]. Лидер же выступает как неформальное лицо в организации, которое, воздействуя на группу, направляет коллектив к достижению конкретной общей цели.

На наш взгляд на государственной и муниципальной службе нет необходимости в руководителе-лидере, так как система государственной и муниципальной службы предполагает строгую иерархию, формализованность и подотчетность.

В качестве подтверждения нашей точки зрения, приведем в пример высказывание 71 премьер-министра Великобритании – Маргарет Тэтчер – руководителя на государственной службе.

Маргарет Тэтчер придерживалась принципа: «Делать всё с открытым сердцем – не самая хорошая идея. Сердце должно оставаться закрытым, так оно лучше функционирует». Данная цитата как нельзя лучше описывает, то, каким должен быть государственный служащий – сосредоточенным только на своей работе, на успешном результате, он не должен идти на большие риски, так как принятие рис-

кованных решений может стоять жизни многих людей, то есть государственный муниципальный служащий должен быть только руководителем.

Руководитель, который совмещает в себе качества лидера, принимая решения, фокусируется на людях – берёт во внимание личные проблемы работника, что противоречит работе государственных служащих. Поэтому проявление лидерства на государственной службе может стать причиной конфликта интересов. Так, человек занимающий должность руководителя, совмещая в себе качества лидера, быстро «обрастает» дружескими связями, старается помочь своим подчиненным, в получении услуг, дополнительных благ и т.п., что является наказуемым, так как на государственной и муниципальной службе обязателен строго регламентированный порядок работы, не допускающий послаблений, основанных на личных проблемах сотрудника.

Говоря об успешном государственном и муниципальном управлении можно сказать о ротации кадров, т.е. горизонтальное перемещение руководителей учреждений в пределах одной должности. Например, в Японии ротация государственного служащего – это гарантия его всестороннего развития, успешной карьеры и получения предприятием максимальной пользы. Место работы госслужащий Страны восходящего солнца меняет каждые два-три года. Как показывает практика, данная процедура, в кратчайшие сроки повышает эффективность работы учреждения. Это происходит потому, что сотрудники, не зная требований, личных качеств нового руководителя, стараются показать себя с лучшей стороны, выполняя работу более эффективно.

Таким образом, можно сказать, что государственная и муниципальная служба, предполагая наличие строгих форм, большой ответственности, требует формально назначенного руководителя, который не просто готов взять на себя обязанности, а вынужден это сделать. Исторический опыт и практика зарубежных стран показывают, что на государственной и муниципальной службе наиболее эффективным является руководитель, не совмещающий в себе качества лидера.

Список литературы

1. Давлетчина С.Б. Словарь по конфликтологии. Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2005 – 100 с.
2. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. Oxford, Penguin Non-Classic, 2002. [электронный ресурс] URL: <https://www.psyoffice.ru/6-487-liderstvo.htm> (дата обращения 12.12.2017)
3. Психология. А-Я: словарь-справочник по психологии / М. Кордуэлл ; пер. с англ. К. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 448 с.
4. Селезнева, Е. В. Лидерство: учебник и практикум для академического бакалавриата / Е. В. Селезнева. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – 429 с.
5. Словарь под ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л.А. Корненко; под общ. Ред. А.В. Петровского. М. : ПЕР СЭ, 2006 [Электронный ресурс] URL: <https://www.psyoffice.ru/6-852-liderstvo.htm> (дата обращения 12.12.2017)
6. Солодка М.С. Теория организации: учебное пособие для бакалавров / Оренбург: ИП Осиночкин Я.Н., 2015. – 211 с.

О ЗНАЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ ПЕТРА I

Борсук Д.А.

студентка, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Россия, г. Краснодар

Шевцов В.В.

профессор кафедры институциональной
экономики и инвестиционного менеджмента, д-р экон. наук,
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Россия, г. Краснодар

Цель, преследуемая данной работой: проанализировать ситуацию, имевшую место в 18-ом столетии в России, выявить весь спектр проблем, рассмотреть способы их решения путем реформ, выявить слабые и сильные стороны реформ Петра в различных сферах общества, проанализировать последствия реформ, сравнить ситуацию Петровскую с ситуацией современной, рассмотреть возможность ориентации современной России на западные страны, на восточные страны или же выбрать самобытный путь развития.

Ключевые слова: мануфактуры, меркантилизм, протекционизм, инфляция, монополия.

О мощный властелин судьбы,
Не так ли ты над самой бездной
На высоте уздай железной
Россию поднял на дыбы?

А.С. Пушкин

Мы знаем время Петра Первого как время широких преобразований и в экономической, и в политической жизни, и в культуре, и в быту. При Петре I строились новые заводы, фабрики, корабли, шахты, возникали новые города, старые административные учреждения заменялись новыми, появлялись различные учебные заведения, была основана Академия наук. Все эти преобразования оказали сильное влияние на историческое развитие страны [2, с. 320].

Осуществляя преобразования, Царь стремился выработать те принципы, по которым должна была жить его обновленная страна. Он во многом использовал и приспособил к русским условиям те идеи, которыми была богата Европа конца XVII-начала XVIII века. Что же это были за идеи?

В основу преобразований Петра I были положены следующие идеи:

1. Служения Отечеству, как высшей ценности для монарха.
2. Общего блага, «народной пользы» как цели этого служения;
3. Практицизма и рационализма как основы деятельности [4, с. 64].

За годы своего правления Петр Первый провел немало различных реформ. И всегда он подчеркивал, что основной его заботой является «польза Отечества». Знаменитыми стали его слова, сказанные солдатам в канун Полтавской битвы: «Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество... А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего» [1, с. 232].

Хотя главным попечением Петра Первого служили армия и флот, он, человек незаурядный и по тем временам «продвинутый», понимал, что армию и флот

нужно содержать, поэтому принимается за экономические реформы. Если в XVII веке в России существовало всего около 30 мануфактур, то в первой четверти XVIII века их было уже более 200. А точнее, Петр оставил после себя 233 завода и фабрики по разным отраслям промышленности. Больше всего его заботили производства, связанные с военным делом, парусинное, полотняное, суконное: в 1712 году он предписал так поставить суконные фабрики, чтобы через пять лет можно было «не покупать мундиру заморского», но до конца жизни не достиг этого. Лучше всего при Петре Первом развивалось горное дело. Особо хочется отметить тульский оружейный завод, который вскоре стал снабжать оружием всю российскую армию. В 1703 году на берегу Онежского озера были построены два завода: чугунолитейный и железоделательный.

Но не только Олонецкий край привлекал Петра для строительства заводов и фабрик. Особо интересен для царя был Урал. Именно эти места можно назвать «открытием Петра». Здесь его интересовала руда. Поэтому он нанял за границей горных инженеров и мастеров, построил в 1699 году на реке Невье, в Верхотурском уезде, несколько железных заводов, которые через три года передал в руки известному в то время заводчику Демидову. За десять лет (с 1702 по 1713 годы) заводы Демидова выпустили более полумиллиона ручных гранат, а доход в казну составлял более 100 тысяч рублей. Но не только Невьянский завод приносит прибыль государству в те годы. Прославился в те годы Екатеринбургский округ, в котором к концу царствования Петра Первого работало 12 частных и 9 казённых заводов, железных и медных.

Но не всегда капиталисты решались на строительство фабрик. И тогда Петр на казенный счет строил нужную ему и государству фабрику или завод и на льготных условиях сдавал их, даже навязывал частным предпринимателям. Например, в 1712 году велено было завести казной суконные фабрики и отдать торговым людям, собрав компанию, то есть насильно навязывая их [4, с. 64]. В указе Мануфактур-коллегии 5 ноября 1723 года он писал по поводу трудностей в распространении мануфактурного производства в России: «Что мало охотников и то правда, понеже наш народ, яко дети, не учения ради, которые никогда за азбуку не примутся, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел не все ль неволею сделано и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел» [5, с. 446].

Петр I осуществлял в экономической сфере государственную политику меркантилизма и протекционизма. Эта политика была направлена на накопление средств внутри страны. Протекционизм – составная часть политики меркантилизма, направленная на ограждение экономики страны от иностранной конкуренции.

Двигая сильной рукой обрабатывающую промышленность, Петр Первый также думал о сбыте, о торговле внутренней и внешней. Для облегчения торгового движения внутри государства Царь обратил внимание на пути сообщения; проведено было несколько сухопутных дорог, а устройством каналов Ладожского и Вышневолоцкого Петербург был соединен с Волжским водяным путем, по которому доставляли хлеб из низовых областей. Русский вывоз получил значительное преобладание над ввозом. Петр I активно вмешивался в торговую деятельность русского купечества: вводил государственную монополию на продажу отдельных товаров, принудительно переселял купцов в новую столицу-Санкт-Петербург, вво-

дил большие подати и повинности в пользу государства. Продолжала действовать сеть таможен внутри страны. Размеры поступающих в них годовых сумм свидетельствовали об активном движении продукции.

Экономические реформы Петра 1 наилучшим образом отразились на доходах государственной казны. Значительно возросло наименование товаров, которыми только она имела право торговать. Купцы становились монополистами, так как могли откупить у казны право продавать перечисленные товары [6, с. 220].

Одним из крупнейших преобразований Петра I является денежная реформа, ставшая главным источником финансирования военных расходов. В результате данной реформы из обращения были изъяты иностранные монеты и создана единая национальная денежная система на десятичном принципе. Однако реформа оказалась непоследовательной. Понижение стоимости монет вызвало их обесценивание. В стране началась инфляция, а бюджет снова начал испытывать сокращение доходной части [3, с. 912].

В последние годы жизни царь занимался разработкой мер по развитию торговли и промышленности. В 1719 году вышел новый указ о Берг-привилегиях, который предоставлял промышленникам много новых льгот. Царь не мог не обратить внимание на работу таможен. Таможенный тариф 1724 года ограждал молодую отечественную промышленность от западноевропейской конкуренции.

Экономические реформы Петра Первого имели как положительные, так и отрицательные моменты. Царь пытался поставить Россию на один уровень с другими странами Западной Европы. Реформа, направленная на расширение финансовых средств государства, взволновала все классы общества, но все же была огромным толчком вперед [3, с. 912]. Своими реформами Петр улучшил государственный механизм и подвинул вперед государственную централизацию. Он облегчил для России дальнейшее сближение с Западной Европой и непосредственное заимствование европейской науки. Он создал многие отрасли промышленности и усилил торговую деятельность, поднял Россию на высокую степень могущества и положил начало ее влиянию на систему общей европейской политики.

Список литературы

1. Гриценко Г.И. Петр I. Начало преобразований. 1682-1699 гг [Электронный ресурс]: учебное пособие/Г. И. Гриценко. – М.: Олма Медиа Групп, 2010 г.- 232 с. – Режим доступа:<http://na5ballov.pro/lib/drevrus/3222-gricenکو-gi-petr-i-nachalo-preobrazovaniy-1682-1699-gg.htm>(дата обращения 24.12.2017).
2. Кириллов В.В. Отечественная история в схемах и таблицах [Текст]: учебник / В.В.Кириллов. – М.: Эксмо, 2015. – 320 с.
3. Ключевский В.О. Русская история [Текст]: учебное пособие / В.О.Ключевский. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 912 с.
4. Колыванова В. Император Петр Великий [Текст] : исторический путеводитель / В. Колыванова. – М.: Просвещение, 2013. – 64 с.
5. Масси Р. Петр Великий. Деяния самодержца [Электронный ресурс]: учебное пособие / Масси Р. – Амфора, 2015. – 446 с. – Режим доступа: <https://www.labirint.ru/books/498412/?lfrom=8054175https://www.labirint.ru/books/498412/?lfrom=8054175> (дата обращения 24.12.2017).

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Гурьева О.А., Трясцина К.А.

студентки, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Оренбург

В данной статье рассмотрены проблемы конфликтов интересов на государственной службе как социальных конфликтов. Проанализированы точки зрения авторов на эту проблему. Выявлены и обоснованы последствия и методы урегулирования конфликтов интересов на государственной службе.

Ключевые слова: конфликт интересов, государственный служащий, личная заинтересованность, урегулирование конфликтов, социальный конфликт.

Одной из наиболее актуальных проблем в построении демократического государства является урегулирование конфликтов интересов на государственной службе. На данный момент возрастает число чиновников, которые злоупотребляют своими полномочиями. Поэтому так важно изучать конфликты интересов как в целом, так и в сфере государственного управления.

Конфликтом интересов является ситуация, которая происходит вследствие заинтересованности государственного служащего, когда он оказывает влияние на выполнение им своих должностных полномочий. Тогда возникает разногласие между интересами населения и личной заинтересованностью должностного лица, что приводит к причинению вреда жителям, организации либо стране в целом.

К основным причинам конфликта интересов на гражданской службе относятся [6]:

- 1) нарушение основных требований к служебному поведению государственных служащих;
- 2) невыполнение обязанностей государственного служащего;
- 3) несоблюдение при их исполнении прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства;
- 4) несоблюдение норм действующего законодательства;
- 5) нарушение ограничений и запретов, связанных с гражданской службой, в том числе установленных законом «О противодействии коррупции» [7] и др.

Интерес государственного служащего способен выражаться в финансовом эквиваленте, завладении материальными ценностями либо другим имуществом.

Конфликт интересов способен выражаться в:

- незаконном присвоении служащим государственным либо муниципальным учреждением ценными бумагами, либо валютными взносами в банках;
- получении служащим презентов;
- выполнении той или иной функции государственного управления в отношении своих приятелей, членов семьи либо других причастных персон;
- не выполнении определенных ограничений и запретов;
- трудоустройстве на другую службу уже после завершения государственной службы.

Один из ярких примеров конфликтов интересов на государственной службе, на наш взгляд, является Франция, так как именно во Франции самые жесткие ограничения о несовместимости интересов на государственной службе [4]. Даже в уго-

ловном законодательстве Франции содержится отдельная статья за преступление, связанное с конфликтом интересов, которая называется «незаконное продвижение интересов». Таким образом, законодательство Франции ориентировано больше на деятельность государственных чиновников после ухода с государственной службы. Нормы содержат санкции защищающие частные интересы регулируют трудоустройство после ухода с государственной службы в компании, которые попадали под контроль во время исполнения обязанностей государственного служащего.

Исследуя конфликты интересов на государственной службе, выделяют четыре основных негативных последствий:

- замечание;
- выговор;
- предупреждение о неполном служебном соответствии;
- увольнение со службы.

В данной проблеме привлекают внимание такие известные личности, как Гераклит, Эпикур, Фрэнсис Бэкон и Гаэтано Моска.

Первыми кто подошел с точки зрения рационального осмысления природы социального конфликта являются древнегреческие философы [3]. Знаменитый античный мыслитель – диалектик Гераклит старался объединить собственные размышления о борьбе и социальных конфликтах с единой концепцией представлений в природу мироздания. Ради него все без исключения подвергается постоянному круговороту и взаимопревращению, в том числе и нормы гуманного общения – в обществе все зарождается посредством вражды и разногласия. Конфликты являются признаком всеобщего бытия, как незаменимое и существенное требование социального формирования. Мысли Гераклита о разногласиях и борьбе как основе абсолютно всех предметов разграничивал и иной мыслитель – материалист античности – Эпикур, который тем не менее полагал, что отрицательные результаты конфликтов когда-нибудь заставят людей существовать в пребывании неизменного общества. Таким образом, мечтания о бесконфликтном пребывании общества восполнились основными теоретическими рассуждениями.

Также известен английский философ – материалист Фрэнсис Бэкон, который впервые подверг фундаментальному теоретическому анализу комплекс факторов конфликтов внутри государства, проанализировав материальные, общественно-политические и психологические требования общественных беспорядков, а еще вероятные методы их преодоления. Рассматривая общественно-политические предпосылки конфликтов, Бэкон отмечал, что государи объединены с собственными странами и никак не должны игнорировать суждения сословий и сената, решая все без исключения проблемы согласно своему разумению и произволу.

Следует отметить, что некоторые положения, высказанные здесь, носят аналитический характер и не исключают других точек зрения. Так, итальянский юрист Гаэтано Моска в своем труде «Элементы политической науки» положил начало формированию современных политических анализов. Г. Моска думал, что общество делится на два неизменных класса: господствующий «политический класс», берущий на себя все без исключения государственные функции и пользующийся следующими отсюда преимуществами, и управляемый класс – естественное большинство.

Изучение конфликтов интересов на государственной службе продолжается и на современном этапе. Российский исследователь Дедов в своей работе «Конфликт интересов» [2] выделил несколько условий и причин возникновения конфликта ин-

тересов. Так он в своей работе выделил несколько случаев конфликтов интересов. Одним из таких случаев является совмещение функций органами власти, конкретными ведомствами. В пример он приводит совмещение исполнительных и законодательных функций или регулирование какой-либо области и непосредственное участие в ней. Кроме того, причиной появления конфликта интересов может быть конфликт личных интересов определенного лица, государственного служащего, и его должностных обязанностей. Предпосылкой подобного конфликта интересов считается аффилированность должностных лиц, к примеру, с торговыми организациями, крупными успешными фирмами государства, интерес в получении выгоды материального и нематериального характера.

Необходимо также выделить, что существующая в наше время система разрешения конфликта интересов в концепции государственной службы ориентирована в большей степени в предотвращение корыстного элемента поведения служащего. Так отмечали А.Н. Дементьев и С.В. Качушкин, «процесс рассмотрения проблемы о конфликте интересов и полномочия представителя нанимателя говорят о том, что федеральный законодатель исходил из презумпции виновности государственного служащего, которая способна быть ликвидирована только посредством принятия постановления комиссией об отсутствии личной заинтересованности государственного служащего в определенной деятельности, никак не связанной с осуществлением его должностных обязанностей».

Поэтому так важно знать меры по урегулированию конфликтов интересов на государственной службе. Так, в федеральном законодательстве приводится ряд мер, которые направлены на предотвращение конфликта интересов [8]:

1. Снятие должностного лица с занимаемой должности.
2. Изменение служебного положения или должностных обязанностей лица, которое выступает стороной в конфликте интересов.
3. Добровольный отказ должностного лица от получения выгоды, которая послужила причиной появления конфликта.
4. Самоотвод должностного лица, ставшего стороной конфликта.

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать некоторые выводы, представляющие интерес для нашего исследования:

Во-первых, нужно знать, что собой представляет конфликт интересов на государственной службе и какие последствия он несет.

Во-вторых, необходимо понимать в каких случаях он проявляется.

И, наконец, в-третьих, как урегулировать конфликт интересов на государственной службе.

Список литературы

1. Актуальные вопросы урегулирования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе // Электронный ресурс [<http://justicemaker.ru/view-article.php?id=25&art=602>]
2. Дедов Д. И. Конфликт интересов – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 273 с.
3. Дмитриев А.В. Конфликтология: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2000. – 320 с. ISBN 5-8297-0044-1 (в пер.)
4. Международный научный журнал «инновационная наука» №6/2015 ISSN 2410-6070 С.Г.Петрова «Конфликт интересов на государственной службе: опыт России и зарубежных стран».
5. Правовые основы разрешения конфликта интересов на государственной гражданской службе в Министерстве обороны Российской Федерации // Электронный ресурс [http://recrut.mil.ru/career/civil_service/publication/more.htm?id=10374099@cmsArticle]

6. Проблемы правового регулирования и организации государственной гражданской службы в Российской Федерации. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14 / А.А. Гришковец. – М., 2004.

7. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 03.04.2017) "О противодействии коррупции" (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2017).

8. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "О государственной гражданской службе Российской Федерации".

ПРОГРАММА ПОДДЕРЖКИ МЕСТНЫХ ИНИЦИАТИВ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Майкова Э.Ю.

профессор кафедры социологии и социальных технологий, д-р филос. наук, доцент,
Тверской государственный технический университет, Россия, г. Тверь

Симонова Е.В.

доцент кафедры социологии и социальных технологий, канд. социол. наук, доцент,
Тверской государственный технический университет, Россия, г. Тверь

В статье дана характеристика практик инициативного бюджетирования как инструмента решения проблем муниципальных образований. Представлена типология проектов Программы поддержки местных инициатив, рассмотрены источники и механизм их финансирования, показан алгоритм реализации программы. В работе приведены статистические данные, иллюстрирующие результаты реализации Программы поддержки местных инициатив в Тверском регионе, показаны позитивные социально-культурные эффекты, выявленные в ходе социологического мониторинга представлений населения о местном самоуправлении и экспертного опроса представителей властных региональных и местных структур.

Ключевые слова: местное самоуправление, инициативное бюджетирование, Программа поддержки местных инициатив.

Муниципальная реформа, осуществляемая в России на протяжении последних десятилетий, имеет ряд неоспоримых достижений. Законодательно провозглашенная автономия местного самоуправления (МСУ), введение институтов муниципальной собственности и муниципального бюджета, формирование демократических механизмов управления, внедрение двухуровневого принципа территориальной организации МСУ, регламентация форм участия граждан в МСУ создают основу для дальнейшего эффективного развития российской муниципальной системы. Тем не менее, в развитии современной российской системы МСУ существует целый ряд проблем, которые препятствуют ее эффективному функционированию.

В качестве одной из важнейших проблем в функционировании системы МСУ может рассматриваться недостаточность бюджетно-материальной базы российских муниципальных образований, которая не позволяет обеспечить полное и качественное осуществление полномочий муниципальными органами. В российском обществе осуществляются поиски наиболее эффективных способов решения данной проблемы.

Одним из инструментов финансового обеспечения решения насущных проблем муниципалитетов за рубежом, а в настоящее время и в российских регионах, является партиципаторное бюджетирование [5, с. 5]. В России реализуется такая версия партиципаторного бюджетирования как инициативное бюджетирование. Этот инструмент представляет собой совокупность различных социальных практик по решению вопросов местного значения, основанных на инициативе граждан. Граждане принимают непосредственное участие в определении объектов расходования части бюджетных средств и впоследствии контролируют реализацию проектов [1, с. 42-43].

Эффективной разновидностью инициативного бюджетирования сегодня признается Программа поддержки местных инициатив (ППМИ). Финансирование проектов ППМИ осуществляется из нескольких основных источников: региональный бюджет, бюджет муниципального образования, средства, выделяемые субъектами местного бизнеса, и обязательный вклад населения. При этом, формами финансирования проектов могут быть: денежная форма, форма услуг или строительных материалов, которые учитываются в смете заявки. Выделяемая из регионального бюджета субсидия на финансирование ППМИ передается в бюджеты муниципалитетов, а финансирование из других источников оформляется в форме целевых добровольных пожертвований [2, с. 95].

В Тверском регионе процесс реализации ППМИ курируют Министерство финансов Тверской области и Ассоциация «Совет муниципальных образований Тверской области». Программа встроена в систему межбюджетных отношений с муниципальными образованиями и реализуется с 2013 г. Средства на реализацию проектов ППМИ привлекаются за счет дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений и на сбалансированность местных бюджетов. В целом, целью реализации ППМИ в Тверском регионе является получение комплексного эффекта: обучение глав муниципалитетов технологиям проектного управления и навыкам привлечения дополнительных источников дохода; повышение эффективности работы органов МСУ; повышение финансовой грамотности населения и вовлечение граждан в МСУ; создание системы общественного контроля за эффективностью использования бюджетных средств [3].

Весь цикл реализации ППМИ в конкретном поселении (городском округе) должен быть осуществлен в течение одного года. Это является важным с точки зрения мотивации участников, а также позволяет завершить работу в рамках одного строительного сезона. Реализации проектов ППМИ осуществляется в несколько этапов:

1. Школа ППМИ – образовательная компонента проекта, работает в формате обучающих семинаров для глав поселений.
2. Проведение общего собрания жителей поселения, на котором определяется приоритетный для граждан проект и объем финансирования.
3. Оформление администрацией поселения конкурсной заявки.
4. Проведение конкурса поданных заявок.
5. Получение победителями конкурсного отбора права на субсидию из областного бюджета.
8. Реализация поселениями проектов с опорой на требования федерального и регионального законодательства.
7. Торжественное открытие готового объекта [3].

Следует отметить, что главной ценностью программы является далеко не ее материальный эффект. Участие в реализации данной программы позволяет жителям поселений попробовать себя в роли лидеров, хозяев своей земли, принять участие в решении первоочередных проблем своего населенного пункта. Главы муниципалитетов являются в этом случае скорее партнерами, которые ведут равноправный и открытый диалог с жителями, слушают своих земляков и поддерживают их [4].

В Тверском регионе 2015 году в конкурсе проектов ППМИ победи 168 проектов, представленных поселениями. Общий объем финансирования проектов ППМИ в 2015 г. составил 174,2 млн. руб. С 2016 г. программа начала реализовываться в городских округах области [4]. Городские округа, городские и сельские поселения в 2016 г. получили финансирование на реализацию 211 проектов ППМИ – это водопроводы, дороги, дома культуры, места массового отдыха, детские площадки, мемориалы, места захоронения и др. (рис. 1).

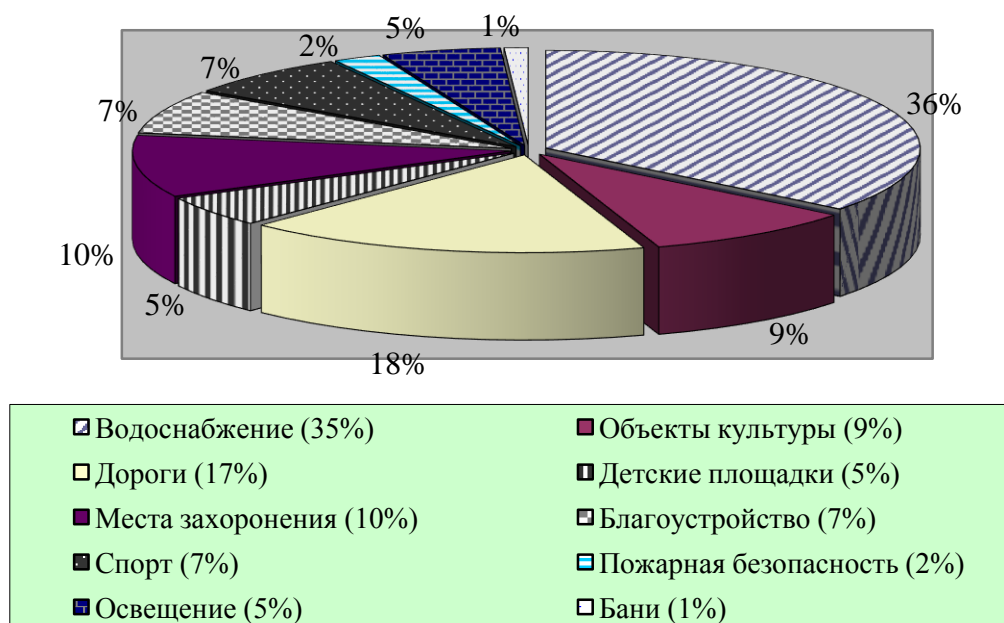

Рис. 1. Типология проектов ППМИ (2016 г., %)

Позитивные эффекты реализации ППМИ в Тверской области отмечались экспертами (представителями государственных и муниципальных властных структур) в ходе проведения глубинного интервьюирования (апрель-август 2015 г., 45 человек. С точки зрения муниципальных руководителей, ППМИ позволяет решать вопросы, входящие в компетенцию органов МСУ, способствует более эффективному и полному использованию ресурсов территории, в том числе и ресурсов самого населения, повышает уровень доверия граждан к местной власти, способствует росту уверенности жителей поселений в том, что они могут оказывать влияние на решение проблем. В ходе реализации проектов ППМИ местное население становится более активным, вовлекается в решение вопросов местного значения, индивидуальные настроения местных жителей снижаются. Одна из глав администраций сельских поселений отмечала, что «...этот проект окрыляет...именно здесь и будет сплочение населения...люди теперь понимают, что можно сделать что-то реальное, теперь у нас не будет проблем с проведением собраний. Население еще будет участвовать в благоустройстве».

Наличие позитивных социальных эффектов реализации ППМИ подтверждается и результатами массовых опросов населения региона. Так, социологическое исследование, проведенное сотрудниками кафедры социологии и социальных тех-

нологий ТвГТУВ 2016 г. с использованием метода формализованного интервьюирования (объем выборочной совокупности 1043 чел. (статистическая погрешность – 4%)) показало, что граждане, принимающие участие в ППМИ, имеют более высокий уровень доверия органам МСУ (по сравнению с «не участвующими» категориями населения) (рис. 2). Эти респонденты воспринимают отношения с местной властью (главой МСУ, администрацией муниципального образования и др.) как партнерские и считают, что муниципальная власть их защищает и способна отстаивать их интересы на разных уровнях управленческой вертикали.

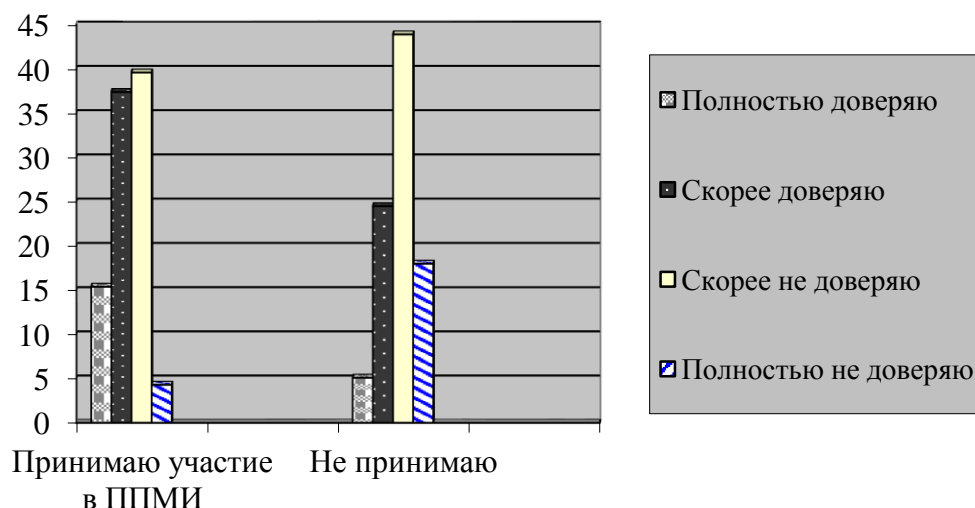

Рис. 2. Зависимость доверия граждан органам МСУ от их участия в практиках ППМИ (2016 г., %)

Граждане, принимающие участие в проектах ППМИ, демонстрируют активистские установки, выражают готовность помогать в решении местных проблем, используя свои личные ресурсы. Эти респонденты в значительно большей степени, чем граждане, не участвующие в реализации ППМИ, склонны применять свои знания, умения и навыки, а также творческие способности, использовать свое личное время и собственные финансовые средства в ходе решения общих проблем поселения (рис. 3).

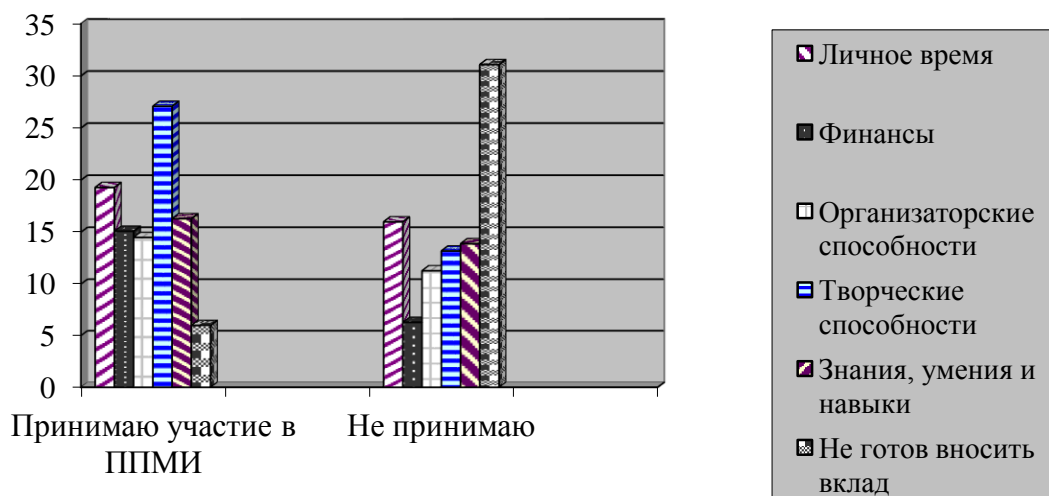

Рис. 3. Зависимость готовности граждан вносить личный вклад в решение проблем муниципального образования от участия в практиках ППМИ (2016. г., %)

Таким образом, опыт Тверского региона показывает эффективность использования в решении местных проблем такого инструмента как ППМИ. Данная программа ориентирована не только на получение прямого экономического эффекта, но способствует также возникновению позитивных социальных изменений, формированию новых активистских ментальных и поведенческих установок населения муниципальных образований.

Список литературы

1. Вагин В.В., Гаврилова Н.В., Шаповалова Н.А. Практики инициативного бюджетирования в деятельности муниципальных органов власти // Власть. 2015. № 12. С. 42-47.
2. Вагин В.В., Шаповалова Н.А., Гаврилова Н.В. Анализ и систематизация лучшей российской и зарубежной практики вовлечения граждан в бюджетные инициативы // Инициативное бюджетирование в Российской Федерации. Материалы Всероссийской конференции по инициативному бюджетированию. Выпуск 1. М.: НИФИ, 2015. С. 38-153.
3. Егоров И.И. ППМИ в Тверской области: цели, эффекты и перспективы развития // Бюджет. Финансово-экономический журнал. 2015. № 4 (149). URL: <http://bujet.ru/article/274474.php> (дата обращения: 14.07.2016).
4. Программа поддержки местных инициатив. Тверская область. URL: <http://ppmi.tverfin.ru/Home/About> (дата обращения: 23.04.2017).
5. Сентомер И., Херцберг К., Рёке А., Аллегретти Д. Кросс-национальные модели гражданского участия: кейс партиципаторного бюджетирования // Инициативное бюджетирование в Российской Федерации. Материалы Всероссийской конференции по инициативному бюджетированию. Выпуск 1. М.: НИФИ, 2015. С. 5-37.

РОЛЬ АССОЦИАТИВНОЙ ФОРМЫ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКИХ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ

Майкова Э.Ю.

профессор кафедры социологии и социальных технологий, д-р филос. наук, доцент,
Тверской государственный технический университет, Россия, г. Тверь

Симонова Е.В.

доцент кафедры социологии и социальных технологий, канд. социол. наук, доцент,
Тверской государственный технический университет, Россия, г. Тверь

В статье раскрывается роль ассоциативной формы межмуниципального сотрудничества в решении проблем современных российских муниципальных образований. Особое внимание авторы уделяют анализу организационной структуры и направлений деятельности Ассоциации «Совет муниципальных образований Тверской области». Показаны возможности межмуниципальных некоммерческих организаций в решении кадровых, финансовых и иных проблем муниципальных образований.

Ключевые слова: местное самоуправление, межмуниципальное сотрудничество, ассоциативная форма, региональный совет муниципальных образований.

Принятие и вступление в силу Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. привело к существенным изменениям в современной системе местного самоуправления (МСУ). Муниципальные образования получили юриди-

чески закреплённую автономию, значительно увеличилось число муниципалитетов различных типов, возросло количество выполняемых ими полномочий по решению вопросов местного значения. При этом, муниципалы столкнулись с целым рядом трудностей нормативно-правового, организационно-методического, финансово-экономического, кадрового и др. характера, которые оказались сходными для разных муниципальных образований. Это выдвинуло на первый план необходимость деятельности по координации работы различных муниципалитетов, а также актуализировало проблему выстраивания отношений между муниципальными и государственными органами власти (региональными и федеральными). Стало очевидным, что формирование действенной системы горизонтальных коммуникаций и использование различных форм межмуниципального сотрудничества является залогом успешного функционирования отдельных муниципалитетов и эффективного решения ими вопросов местного значения.

Как отмечает Е.С. Барабаш, межмуниципальное сотрудничество – это организационное и правовое выражение кооперационных связей, складывающихся между муниципальными образованиями. Выделяют три основных формы межмуниципального сотрудничества в зависимости от их организационно-правового содержания: ассоциативная (создание межмуниципальных ассоциаций и объединений); договорная (заключение договоров и соглашений о сотрудничестве, совместной деятельности); координационная (проведение консультаций, создание совместных координационных, совещательных и консультативных органов) [4, с. 105]. Одной из эффективных форм взаимодействия муниципалитетов по решению проблем местного значения являются межмуниципальные некоммерческие организации (ассоциации).

Возможность использования ассоциативной формы межмуниципального сотрудничества в регионах регламентируется ФЗ № 131. При этом, в специальной литературе дискутируются вопросы правового регулирования деятельности региональных советов муниципальных образований. Исследователями констатируется наличие коллизий в российском законодательстве, связанных, с одной стороны, с императивностью правовой нормы, регламентирующей создание региональных советов муниципальных образований, с другой стороны, с необходимостью соблюдения принципов добровольности членства в ассоциациях и автономности деятельности муниципалитетов [1, 4]. Различаются взгляды авторов публикаций и на возможные пути устранения сложившихся противоречий. Так, с точки зрения одних исследователей, юридическое закрепление принудительного механизма создания региональных советов муниципальных образований является мерой временной, и, в перспективе, данная правовая норма подлежит пересмотру [7]. По мнению других авторов, существующая законодательная коллизия должна разрешаться в процессе формирования практик правоприменения [5, с. 132]. В частности, деятельность регионального совета муниципальных образований должна представлять интерес для своих членов и быть результативной, то есть, должны успешно разрешаться наиболее значимые для муниципальных образований региона проблемы жизнедеятельности местных сообществ. Следует отметить, что координацию деятельности региональных советов муниципальных образований осуществляет Общероссийский Конгресс муниципальных образований (ОКМО), созданный в 2006 г. с целью организации взаимодействия российских муниципалитетов, их региональных советов, а также выражения и защиты их общих интересов [3, с. 85-86].

По мнению председателя Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, президента ОКМО В.Б. Кидяева, региональные советы муниципальных образований должны стать площадкой для прямого диалога местных и региональных руководителей, который крайне необходим в существующей экономической ситуации. Опираясь на опыт развитых стран, где решения, касающиеся местной власти, не могут быть приняты без санкции ассоциаций муниципалитетов, Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления работает над мерами, которые позволят повысить статус российских региональных советов муниципальных образований. В частности, совместно с Минюстом России Комитет предлагает поправки, которые закрепили бы необходимость учета мнения регионального совета муниципальных образований при принятии в субъекте РФ законов о делегировании или перераспределении полномочий, а также дали бы совету право законодательной инициативы в своем регионе [6, с. 64].

Обращаясь к характеристике муниципальной системы Тверского региона, отметим, что здесь сложилась двухуровневая система МСУ. В настоящее время Тверской регион включает 351 муниципальное образование, из них: 35 муниципальных районов, 6 городских округов, 2 закрытых административно-территориальных образования (ЗАТО), 43 городских поселения и 265 сельских поселений. В целом, МСУ в Тверской области, зачастую, испытывает организационно-методические, финансово-экономические, кадровые и др. проблемы, аналогичные тем, что существуют и во многих муниципалитетах России. Для их решения и, соответственно, для дальнейшего более эффективного развития самоуправленческих практик в регионе предпринимаются различные меры и шаги со стороны органов государственной и местной власти, общественных организаций, групп инициативных граждан.

В частности, в регионе сложилась эффективная практика межмуниципального сотрудничества в ассоциативной форме. В 2006 г. здесь была создана некоммерческая организация «Совет муниципальных образований Тверской области» (Ассоциация «СМО»). Использование ассоциативной формы межмуниципального сотрудничества было инициировано региональной исполнительной властью, однако, именно вновь созданная организация стала эффективным «работающим» инструментом защиты прав муниципальных образований и реализации их общих интересов [2]. Ассоциация успешно координирует деятельность муниципалитетов по решению правовых, организационных, финансово-экономических и др. проблем местного самоуправления, позволяет муниципалам осуществлять эффективное взаимодействие с органами различных ветвей государственной власти.

Организационная структура и функционал органов управления регионально-го совета являются типичными для некоммерческих объединений подобного типа (Общее Собрание членов Ассоциации, Правление, Ревизионная комиссия, Исполнительная дирекция). Однако, особенностью управленческой структуры, значительно оптимизирующей работу организации, является распределение функций членов Правления, которое осуществляется по территориальному, отраслевому и представительскому принципам. Во-первых, сама Тверская область с целью оптимизации деятельности совета и создания удобства для муниципальных образований при проведении совещаний и семинаров разделена на три региона (Северо-восточный, Центральный и Юго-западный). Это нашло отражение и в структуре Правления, ряд членов которого отвечает за координацию работы муниципальных

образований соответствующего региона. Во-вторых, в связи с тем, что работа в региональных органах государственной власти строится по отраслевому принципу, существует распределение обязанностей и у членов Правления, каждый из которых ответственен за взаимодействие с какой-либо государственной структурой (Министерством транспорта, Министерством финансов, Министерством образования, Министерством сельского хозяйства и т.д.). В-третьих, Ассоциация организует сотрудничество с муниципальными образованиями других российских регионов, обеспечивает представительство тверского муниципального сообщества в общероссийских и межрегиональных общественных объединениях, а также в государственных органах федерального уровня. Соответственно, члены Правления Ассоциации входят в состав Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации, Президиума и палат ОКМО, Совета малых и средних городов России и др. [8, с. 45-46].

Являясь одной из важнейших форм межмуниципального сотрудничества, Ассоциация постоянно стимулирует взаимодействие муниципалов по решению самых актуальных, насущных вопросов жизнеобеспечения на местах. Это вопросы содержания дорог, организации муниципальных транспортных маршрутов, предоставления медицинского обслуживания, обмена в области культурной деятельности, развития туризма. Ассоциацией ведется активная деятельность по информационному, методическому обеспечению работы глав муниципальных образований, по обучению и повышению квалификации муниципальных работников. С этой целью раз в квартал в каждом регионе Тверской области организуются зональные обучающие семинары-совещания с главами муниципальных районов и городских округов и два раза в год – с главами городских и сельских поселений. При этом, как отмечает руководство Ассоциации, тематика семинара-совещания определяет, как правило, и место его проведения. Обычно подобные мероприятия проводятся в районе или поселении, где наиболее успешно решается рассматриваемая на семинаре проблема, существует позитивный опыт в этой сфере деятельности. Соответственно, и процесс обучения при таком подходе оказывается более эффективным [8, с. 47-48].

Ассоциация «СМО» принимает активное участие и в решении вопросов муниципального бюджетирования и финансового обеспечения деятельности муниципалитетов, постоянно взаимодействуя со структурами исполнительной власти Тверской области. Так, например, ежегодное рассмотрение планируемого на очередной год регионального бюджета и определение подходов к его формированию осуществляется Министерством финансов Тверской области с обязательным участием представителей регионального совета муниципальных образований. Регион ежегодно распределяет дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных районов и городских округов и на сбалансированность местных бюджетов среди муниципалитетов Тверской области. При этом, в рамках данной деятельности определен механизм стимулирования муниципалитетов за эффективное развитие своего экономического и налогового потенциала. В Тверском регионе под эгидой Министерства финансов Тверской области и при активном участии Ассоциации «СМО» с 2013 г. успешно реализуется Программа поддержки местных инициатив, являющаяся эффективным инструментом решения проблем муниципалитетов и стимулирования самоуправленческого потенциала местных сообществ.

Таким образом, ассоциативная форма межмуниципального сотрудничества является эффективным инструментом решения различных проблем муниципаль-

ных образований, а также позволяет формировать систему партнерских отношений с органами государственной власти.

Список литературы

1. Аминов И.Р., Руденко С.К. Межмуниципальное сотрудничество, формы и проблемы правового регулирования // Экономика, социология и право. 2014. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mezhmunitsipalnoe-sotrudnichestvo-for-my-i-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 17.03.2017).
2. Ассоциация «Совет муниципальных образований Тверской области». Официальный сайт. URL: <http://smotver.ru/> (дата обращения: 14.08.2016).
3. Бабичев И. О некоторых актуальных вопросах организации и деятельности Общероссийского Конгресса муниципальных образований // Муниципальная Россия. 2015. № 7 (63). С. 85-91.
4. Барабаш Е.С. Формы межмуниципального взаимодействия и его роль в координации действий местных органов власти // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 5. С. 104-107.
5. Кашина М.А., Емельянова Ю.Н. Совет муниципальных образований субъекта РФ как механизм горизонтальной и вертикальной координации деятельности органов местного самоуправления (на примере Ленинградской области) // Управленческое консультирование. 2008. № 3. С. 129-148.
6. Кидяев В.Б. Новые задачи диктуют новые решения: Об укреплении правовой основы местного самоуправления // Материалы к совместному заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Совета по местному самоуправлению при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Местное самоуправление в Российской Федерации: вопросы законодательного обеспечения и правоприменительная практика». М.: Совет Федерации, 2016. С. 60-64.
7. Петроградская А.А. Виды и формы межмуниципального сотрудничества в Российской Федерации // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 79. С. 256-262.
8. Симонова Е.В. Эффективное решение вопросов местного значения. Опыт Тверской области (Интервью председателя ассоциации «Совет муниципальных образований Тверской области» А.А. Титова) // Муниципальная Россия. 2016. № 4. С. 45-49.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ЭЛЕМЕНТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Майкова Э.Ю.

профессор кафедры социологии и социальных технологий, д-р филос. наук, доцент,
Тверской государственный технический университет, Россия, г. Тверь

Симонова Е.В.

доцент кафедры социологии и социальных технологий, канд. социол. наук, доцент,
Тверской государственный технический университет, Россия, г. Тверь

В статье рассматривается сущность системы местного самоуправления, выявляются ее основные элементы. Особое внимание авторы уделяют анализу сущности и характерных черт представительного муниципального органа, функционированию которого придается ключевое значение. Представлены данные экспертного интервью, проводивше-

гося в Тверском регионе среди представителей государственных и муниципальных властных структур.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная власть, представительные органы, институт муниципальных выборов.

Современная российская система местного самоуправления (МСУ) является довольно сложным, но динамично развивающимся социальным институтом, возникновение которого обусловлено не только заимствованием социальных форм, но и наличием исторических местных традиций. Нормативно-правовая база, регламентирующая функционирование МСУ на современном этапе, является достаточно гибкой и позволяет местным сообществам достаточно успешно адаптироваться к изменениям, происходящим в обществе. Российское законодательство о МСУ провозглашает юридическую автономию муниципалитетов. Население муниципалитета, формируясь как субъект МСУ, может реализовывать свои интересы и управлять своей жизнью непосредственно и в опосредованной форме, создавая муниципальные органы.

Анализ системы МСУ показывает, что многие ученые (И.В. Выдрин, А.Н. Кокотов и др.) трактуют ее достаточно широко. С их точки зрения муниципальная система включает в себя в качестве своих элементов местные сообщества жителей, муниципальные образования, а также их внутренние субъекты и институты. Как правило, исследователи выделяют следующие элементы системы МСУ:

- 1) деятельность органов МСУ (среди которых выделяются выборные – представительные органы, главы муниципальных образований и невыборные, назначаемые – местные администрации и их главы);
- 2) деятельность муниципальных служащих;
- 3) формы осуществления МСУ непосредственно жителями муниципального образования (местный референдум, муниципальные выборы, отзыв выборных лиц местного самоуправления и др.);
- 4) инициативные формы участия жителей в МСУ (территориальное общественное самоуправление, клубы по интересам, связанные с решением вопросов местного значения, собрания граждан по месту жительства, народная правотворческая инициатива, участие в публичных слушаниях, обращения в органы МСУ, обсуждение проблем, связанных с решением вопросов местного значения, в СМИ и др.) [4].

По мнению многих исследователей, местные органы, призванные решать вопросы местного значения, являются одним из важнейших элементов системы МСУ. В настоящее время существуют разные определения органов МСУ. Так, О.В. Курганская трактует местные органы в качестве выборных органов и других органов, наделенных полномочиями по решению вопросов местного значения и не входящих в систему органов государственной власти. Н.А. Игнатюк понимает под органами МСУ органы, избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования и осуществляющие функции публичной власти на территории муниципального образования. Органы МСУ наделяются собственной компетенцией по решению вопросов местного значения, а также могут исполнять некоторые государственные полномочия по поручению органов государственной власти. О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев определяют органы МСУ как органы местных самоуправляющихся территориальных сообществ, которыми они формируются и перед которыми несут ответственность за

ненадлежащее осуществление своих полномочий [3, с. 18]. В структуре современной российской системы МСУ выделяют такие муниципальные органы как представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация.

Под представительным органом МСУ в научной литературе понимается специальный орган, действующий на территории отдельного муниципального образования и наделенный правом представлять интересы населения данного муниципалитета, в том числе правом принятия от его имени решений. Как справедливо подчеркивает большинство исследователей, представительный орган в системе органов МСУ занимает особое место, поскольку именно он непосредственно выражает волю всего населения муниципального образования, формализуя ее в своих решениях. Некоторые авторы в подтверждение данной точки зрения приводят в качестве аргументов конституционные положения, которыми устанавливается, что МСУ осуществляется гражданами через выборные и иные органы. При этом, на основании того, что «иные» органы Конституцией не называются, авторы делают вывод о приоритетности в системе МСУ именно представительных (выборных) органов [2]. Соглашаясь с данной аргументацией, отметим, что проанализированный нами зарубежный и российский опыт развития практик МСУ также свидетельствует о первостепенной роли в функционировании муниципальных систем именно представительных органов, так как, собственно говоря, их формирование и является одной из сущностных характеристик МСУ.

Многие исследователи, дифференцируя понятия «местное самоуправление» и «местное управление», видят в качестве сущностной черты МСУ именно наличие выборного органа муниципалитета (совета и т.д.), осуществляющего собственные факультативные полномочия. Например, Л.Т. Чихладзе подчеркивает, что МСУ предполагает участие населения в государственной жизни и реализуется через деятельность выборных органов местной власти [7]. Аналогичная исследовательская позиция характерна и для Н.А. Куфакowej, которая считает, что «под местным самоуправлением следует понимать организацию и деятельность местных органов, непосредственно избираемых населением, т.е. комплектуемых на выборных началах» [5, с. 9]. МСУ понимается исследователями как управление местными делами, осуществляемое муниципальными органами (муниципальными советами, коммунальными советами, советами графств и т.д.), которые характеризуются выборностью (избираются населением в ходе прямых выборов), определенной самостоятельностью по отношению к центральной власти и отсутствием прямой иерархической подчиненности органам государства [1, с. 384–385]. Как правило, подобные трактовки МСУ подразумевают наличие именно представительного органа муниципальной власти.

Рассматривая представительный орган в качестве главного управленческого института в системе МСУ, ученые выделяют следующие его основные характеристики:

- 1) представительский характер его деятельности [6];
- 2) выборность состава;
- 3) временный характер осуществления полномочий [2];
- 4) формирование и организация деятельности представительных органов МСУ посредством устава муниципального образования [2].

Значение представительных органов МСУ подтверждается данными социологических исследований, проводимых сотрудниками Тверского государственного

технического университета (глубинное интервьюирование представителей государственных и муниципальных структур, апрель-август 2015 г., 45 человек).

В ходе опроса выявлялось отношение представителей экспертного сообщества региона к такому важному принципу формирования демократических органов МСУ как выборность. Позиции представителей экспертного сообщества по этому вопросу оказались неоднозначными. С одной стороны, система прямых выборов характеризуется руководителями муниципальных управленческих структур как один из важнейших показателей демократичности социально-политического устройства общества. Выборы являются актом прямого волеизъявления народа, позволяют населению отстаивать свои интересы через делегирование власти избранным депутатам представительных органов и должностным лицам МСУ. Однако эффективность системы выборов напрямую зависит от ее качества. Эксперты отметили несовершенство современных избирательных технологий. Поэтому под воздействием СМИ, различных манипуляций общественным мнением, в силу подкупов избирателей, жители муниципалитетов могут сделать неоптимальный выбор. Да и население современных муниципальных образований пока не готово взять на себя ответственность за собственные решения, считают эксперты, жители региона демонстрируют патерналистские ориентации по отношению к власти различного уровня.

В целом же эксперты признали необходимость сохранения прямых избирательных процедур, осуществляемых самим населением, по отношению к формированию представительного органа МСУ («...избирается депутатский корпус...мнение населения выражено депутатами...представительный орган является основным...», «депутаты местных органов власти...генерируют...идеи на основе тех предложений, которые собирают от граждан...», «...у каждого округа...свой депутат, через которого они транслируют свои проблемы...он должен доносить это в районе...при формировании...бюджета должен смотреть, как учитываются интересы населения той или иной территории...», «...депутаты выступают еще и в роли эксперта при том же самом формировании бюджета, при формировании программ, потому что они представители населения, они видят и знают проблемы своего округа...»).

Таким образом, представительные органы являются обязательным элементом в системе МСУ, отражающим степень демократичности социально-политического устройства общества. Формирование депутатского муниципального корпуса позволяет населению муниципалитета реализовывать свои интересы и решать проблемы местного значения через механизмы опосредования деятельности. Напрямую с наличием и функционированием представительного органа муниципалитета связаны сущностные характеристики МСУ.

Список литературы

1. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости: Учебник. М.: Юрид. лит., 1979. 456 с.
2. Гулидов П.В. Органы местного самоуправления как одна из основных форм осуществления народовластия в системе местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 7. С. 23-36.
3. Елькина А.В. Органы местного самоуправления – элемент системы местного самоуправления. Общая характеристика // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 9. С. 17-19.

4. Карасев А.Т., Елькина А.В. Система местного самоуправления в РФ: понятие, структура // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5. С. 19-22.
5. Куфакова Н.А. Местное управление в буржуазных странах и странах, освободившихся от колониальной зависимости: Учебное пособие. М.: Изд-во УНД, 1969. 100 с.
6. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. 1997-2016. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200824&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9125767415543884> (дата обращения: 22.09.2017).
7. Чихладзе Л.Т. Историко-теоретические аспекты развития местного самоуправления и местного управления в государствах Европы // Право и политика. 2005. № 9; 2005. № 12; 2006. №1. URL: http://www.yabloko.ru/municipal/library/Istoriko-teoreticheskie_aspekty_razvitija_mestnogo_samoupravlenija_mestnogo_upravlenija_gosudarstvah_Evropy (дата обращения: 29.10.2017).

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БАЗЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Майкова Э.Ю.

профессор кафедры социологии и социальных технологий, д-р филос. наук, доцент,
Тверской государственный технический университет, Россия, г. Тверь

Симонова Е.В.

доцент кафедры социологии и социальных технологий, канд. социол. наук, доцент,
Тверской государственный технический университет, Россия, г. Тверь

В статье анализируется финансово-экономическая база функционирования системы местного самоуправления в современной России. Дана характеристика источников формирования местных бюджетов. Приведены статистические данные, показывающие динамику налоговых и неналоговых поступлений, формирующих муниципальный бюджет. Выделены проблемы финансово-экономического обеспечения деятельности российских муниципальных образований и определены пути их решения.

Ключевые слова: местное самоуправление, финансово-экономическая база муниципалитетов, источники формирования местных бюджетов, целевые региональные и федеральные программы.

Местное самоуправление (МСУ) в России формируется как относительно автономная система жизнеобеспечения территорий, поэтому различные типы муниципальных образований и их органы имеют право самостоятельно решать значительный перечень вопросов местного значения [9]. В связи с этим является важным обращение к анализу финансово-экономических ресурсов муниципалитетов как основы их самостоятельности в управлении своей жизнью и решении местных проблем, а также их независимости от властных структур государства. Исследователи отмечают, что о МСУ можно говорить лишь тогда, когда оно обеспечено экономически, имеет собственную налогово-финансовую базу [1, с. 314; 7, с. 71].

Экономическая база функционирования современной российской системы МСУ регламентирована Конституцией РФ, которая закрепила за муниципальными органами права на самостоятельное управление муниципальной собственностью,

формирование, утверждение и исполнение местного бюджета, установление местных налогов и сборов. Впоследствии данное конституционное положение было конкретизировано. В соответствии с ч. 1 ст. 49 Федерального закона № 131 в собственности муниципалитетов могут находиться муниципальные унитарные предприятия, муниципальные банки, муниципальные учреждения образования, здравоохранения, культуры, спорта и др. Кроме того, экономическую основу МСУ составляют средства местных бюджетов и имущественные права муниципальных образований [1, с. 315].

Собственной доходной базой местных бюджетов являются налоговые и неналоговые поступления, доля которых, по оценке директора Департамента межбюджетных отношений Министерства финансов РФ Л.А. Ерошкиной, неуклонно растет. Так, в 2015 г. значительный рост по сравнению с 2014 г. наблюдался по таким видам платежей, как налог, взимаемый в связи с применением патентной системы налогообложения (на 50,4%), единый сельскохозяйственный налог (на 57,8%), налог на имущество физических лиц (на 10,6%) и акцизы на нефтепродукты (на 12,6%). Поступления от НДФЛ, как основного бюджетобразующего налога, составили 617,1 млрд. руб. или 61,8% в объеме налоговых доходов местных бюджетов, что ниже уровня 2014 г. (63,5%). Неналоговые доходы составляют 8% в объеме доходов местных бюджетов. В частности, доходы от использования имущества, находящегося в муниципальной собственности, являются доходами бюджетов муниципальных образований, напрямую зависят от деятельности органов МСУ по управлению и распоряжению имуществом и связаны с несением бремени расходов по его содержанию [5, с. 6]. Кроме того, источниками пополнения местных бюджетов являются также и межбюджетные трансферты, которые, по оценкам исследователей, составляют значительную долю в доходах местных бюджетов. Так, по данным Минфина России, в общем объеме доходов местных бюджетов в 2014 г. доля межбюджетных трансфертов составила 63,8% или 2238,0 млрд. руб. (в 2013 г. данный показатель составлял 61,1% или 2069,0 млрд. руб.) [8, с. 45]. Очевидно, что это ограничивает финансовую самостоятельность муниципальных образований и ставит их финансовое положение в зависимость от размеров финансовой помощи из бюджетов вышестоящего уровня.

Следует отметить, что недостаточность бюджетно-материальной базы российских муниципальных образований, которая не позволяет обеспечить полное и качественное осуществление полномочий муниципальными органами, рассматривается в качестве одной из важнейших проблем в функционировании системы МСУ. Местные бюджеты обычно оказываются неспособными финансово обеспечивать решение муниципальными органами власти всех вопросов местного значения. Система же МСУ, не имеющая финансово-экономической самостоятельности (например, в виде специальных налогов), оказывается крайне малоэффективной, нуждающейся в поддержке государственных структур, а, значит, и утрачивающей провозглашенную автономию [4; 7, с. 71]. В настоящее время муниципальные районы и поселения зависят, в основном, от консолидированного бюджета регионального и федерального уровней, так как значительную часть средств они получают не в виде собственных доходов, а в качестве финансовой помощи вышестоящего уровня бюджетной системы, да еще и имеющей преимущественно целевое назначение (расходы на образование, здравоохранение, культурную сферу и др.) [7]. В силу этого, МСУ в современной России хотя и не вписано в вертикаль государственной власти юридически, но, получается, что в финансово-экономическом отношении оно именно в этой вертикали и находится [4].

Решение проблемы недостаточности бюджетно-финансовой базы функционирования МСУ предполагает принятие ряда традиционных и инновационных мер. Например, директор Департамента межбюджетных отношений Министерства финансов РФ Л.А. Ерошкина выделяет меры, направленные на повышение налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов. Среди них: легализация налоговой базы по земельному налогу, налогу на имущество физических лиц, налогу на доходы физических лиц и другим налогам; оценка эффективности и отмена неэффективных налоговых льгот; переход на оценку земли и объектов недвижимости в соответствии с их кадастровой стоимостью; развитие системы самообложения граждан; развитие экономического потенциала муниципалитетов; повышение эффективности управления движимым и недвижимым имуществом, находящимся в муниципальной собственности; повышение собираемости местных налогов и сборов за счет установления планов, заданий органам МСУ и применения других административных методов; участие органов МСУ в налоговом администрировании в целях повышения доходной базы бюджетов [5, с. 7].

Кроме того, для решения социальных проблем на территориях муниципальных образований органы местного самоуправления могут создавать условия для возникновения и функционирования фондов местных сообществ. Последние представляют собой некоммерческие организации, работающие на конкретной территории с целью объединения экономических, человеческих, социальных ресурсов территории для решения проблем местного сообщества и повышения качества жизни населения [6, с. 162].

Частичное решение проблем российских муниципальных образований также возможно посредством участия муниципалитетов в конкурсах и программах федерального и регионального уровней. Через целевые программы федеральные и региональные государственные структуры осуществляют воздействие на социально-экономическое развитие страны и ее регионов, стимулируют реализацию крупномасштабных, наиболее важных для государства и общества проектов. Участие в программах позволяет муниципальным образованиям получить финансовую поддержку своей деятельности по жизнеобеспечению территорий, причем, по наиболее значимым ее направлениям (например, федеральные целевые программы «Жилище» (на 2015-2020 гг.), «Устойчивое развитие сельских территорий» (на 2014-2017 гг. и на период до 2020 г.) и т.д.). Одной из эффективно действующих в настоящее время рассматривается Программа поддержки местных инициатив, которая представляет собой совокупность основанных на гражданской инициативе практик по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в определении объектов расходования части бюджетных средств, а также последующем контроле за реализацией проектов [3, с. 42-43]. Данная программа позволяет эффективно использовать ресурсы (в том числе и финансовые) местного населения. К подобному же типу самоуправленческих практик относится также территориальное общественное самоуправление (ТОС). В научной литературе ТОС рассматривается в качестве отдельного четвертого сектора экономики, который базируется на гражданских инициативах, на человеческих ресурсах, имеющих «выход на дополнительные негосударственные источники финансирования, а также на резервы общества, не подвластные ни капиталу (интеллект), ни властям (свобода творчества и внутренняя мотивация людей)» [2, с. 82].

Таким образом, недостаточность бюджетно-финансовой базы является существенной проблемой в функционировании системы местного самоуправления в

российских регионах, влияющей на различные сферы жизнедеятельности муниципальных образований. В свою очередь, решение финансово-экономических проблем МСУ зависит не только от мер экономического и административного характера, но и от уровня вовлеченности граждан в самоуправленческие практики, которая позволяет задействовать дополнительные ресурсы для решения проблем муниципальных образований.

Список литературы

1. Акмалова А.А. Актуальные проблемы муниципального права России: Курс лекций. М.: Изд-во РАГС, 2009. 400 с.
2. Башилов В.М. ТОС на Рождественских горках: опыт и перспективы // ТОС на Рождественских горках. Дорога длиною в 15 лет. Тверь: СФК-офис, 2012. С. 79-93.
3. Вагин В.В., Гаврилова Н.В., Шаповалова Н.А. Практики инициативного бюджетирования в деятельности муниципальных органов власти // Власть. 2015. № 12. С. 42-47.
4. Долгов В.М., Долгова Г.Н. Политические проблемы местного самоуправления в современной России // Власть. 2012. № 8. С. 54-58.
5. Ерошкина Л.А. Финансы в зоне внимания // Муниципальная Россия. 2016. № 4. С. 4-13.
6. Мерсиянова И.В., Солодова И.И. Фонды местных сообществ как технология решения социальных проблем на местном уровне // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 1. С. 160-179.
7. Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования. Итоговый доклад. М.: Экон-Информ, 2009. 524 с. URL: http://www.insor-russia.ru/files/final_report_MSU.pdf (дата обращения: 17.10.2016).
8. Местное самоуправление в Российской Федерации: вопросы законодательного обеспечения и правоприменительная практика. Аналитический материал Аналитического управления Аппарата Совета Федерации // Материалы к совместному заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Совета по МСУ при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Местное самоуправление в Российской Федерации: вопросы законодательного обеспечения и правоприменительная практика». М.: Совет Федерации, 2016. С. 41-55.
9. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. 1997-2016. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200824&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9125767415543884> (дата обращения: 24.11.2016).

Подписано в печать 09.01.2018. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,14. Тираж 500 экз. Заказ № 3
ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 1
ООО «АПНИ», 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а